Т. 46
1913

Ж: ~~6679~~
б/инв.

5. Б. р. 14

Выпущенъ 29-го Марта. 1913 г. № 2.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

14-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1912—1913 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Томъ XLVI.

К. А. Кузнецовъ.

БИБЛІОТЕКА
12 ДЕК 1913
И. Т. У.

ОПЫТЫ ПО ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ВЪ АНГЛІИ (XV—XVII В.).

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
БИБЛІОТЕКА
ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

88 1.

ВЛАДИВОСТОКЪ 1913

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

9-й годъ изданія. 1907—08 академическій годъ.

Т.т. XXI—XXV, съ оффиціальными приложеніями.

ТОМЪ 21. *Н. В. Кюнеръ.* Описаніе Тибета. Ч. 1-я, географическая. Вып. 1-й. Имя. Границы. Обзоръ путешествій. Влд. 1907. XXXII; VIII; 262; 129 стр. *Ц. 3 р.* **ТОМЪ 22.** *Тоже.* Вып. 2-й. Очеркъ физической географіи Тибета. Влд. 1907. XVIII; 182; 90 стр. *Ц. 1 р. 50 к.* **ТОМЪ 23, вып. 1-й.** *Д-ръ О. Франке.* Земельныя правоотношенія въ Китаѣ. Разрѣш. авт. перев. съ нѣм. подъ ред., съ примѣч. и дополн. *Н. И. Кохановскаго*, преп. юрид. наукъ въ Вост. Ин-тѣ. Влд. 1908. 8; 145 стр. *Ц. 1 р. 50 к.* **Вып. 2-й.** *Н. И. Кохановскій.* Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Влд. 1909. VIII; 156; XVII стр. *Ц. 1 р.* **Вып. 3-й.** *Е. Спальвинъ.* Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія. I. Критическій разборъ „Японской Исторической Хрестоматіи (Ч. I. Отд. I и II)“ г. Димитрія Позднѣева. Влд. 1908. VIII; 81 стр. *Ц. 50 к.* **ТОМЪ 24.** *Е. Спальвинъ.* Практическіе Японскіе Разговоры. Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. *Ч. 1-я.* Японскій текстъ. Влд. 1909. XXXVI; 420; 4 стр. *Ц. 2 р.* **ТОМЪ 25.** *Тоже. Ч. II-я.* Подстрочный іероглифическій словарь. Влд. 1909. XXIV; 667 стр. *Ц. 3 р.* **Оффиц. прилож.: 1-е.** Отчетъ о состояніи и дѣятельности Вост. Ин-та за 1907 годъ. Влд. 1908. IV; 50; VI стр. *Ц. 50 к.* **2-е.** Протоколы засѣд. Конфер. Вост. Ин-та за 1907—08 ак. годъ. Влд. 1909. II; IV; 192; 3; 8 стр. *Ц. 1 р. 40 к.*

10-й годъ изданія. 1908—09 академическій годъ.

Т.т. XXVI—XXX, съ оффиціальными приложеніями. Изъ нихъ выпущены:

ТОМЪ 26, вып. 1-й. *Н. В. Кюнеръ.* Описаніе Тибета. Ч. 2-я, этнографическая. Вып. 1-й. Составъ и бытъ населенія. Влд. 1908. XXVIII; 117; 111 стр. *Ц. 1 р. 50 к.* **ТОМЪ 27.** *Н. В. Кюнеръ.* Описаніе Тибета. Ч. 2-я, этнографическая. Вып. 2-й. Экономическій очеркъ Тибета. Влд. 1908. XII; 183; 96 стр. *Ц. 2 р.* **ТОМЪ 28, вып. 1-й.** *Е. Спальвинъ.* Японская Армія. Пособіе для изученія важнѣйшихъ японскихъ военныхъ терминовъ. Особое приложеніе къ „Практическимъ японскимъ разговорамъ“. *Ч. 1-я.* Японскій текстъ. Влд. 1909. XII; 96; IV стр. *Ц. 75 к.* **Вып. 2-й.** Тоже. *Ч. II-я.* Подстрочный іероглифическій словарь. Влд. 1909. XVI; 143 стр. *Ц. 1 р. 25 к.* **ТОМЪ 29, вып. 1-й.** *Г. Ц. Цыбиковъ.* Отзывъ о книгѣ: „И. А. Подгорбунскій. Русско-монголо-бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909. Стр. VI+340. Цѣна 2 р.“ Влд. 1909. 10 стр. *Ц. 25 к.* **Вып. 2-й.** *А. Кохановскій.* Переселенческое дѣло въ Китаѣ и наша дальневосточная окраина.—*Подъесаулъ Третьякъ.* Императорская желѣзная дорога Пекинъ—Калганъ—Урга. (Съ прилож. карты).—*Н. И. Кохановскій.* Краткое обозрѣніе системы мѣръ и денегъ въ Китаѣ. Влд. 1909. IV; 35 стр. *Ц. 40 к.* **Вып. 3-й.** *П. Шмидтъ.* Изученіе Китая за границею.—*И. Пятелинъ.* Китайское общество Гунъ-и хуэй въ Уссурійскомъ краѣ. (Под. ред. П. Шмидта). Влд. 1909. IV; 35 стр. *Ц. 35 к.*

5.4.p.14.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
14-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1912—1913 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
Томъ XLVI.

К. А. Кузнецовъ. 46

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. БИБЛІОТЕКА

ОПЫТЫ ПО ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ВЪ АНГЛІИ (XV—XVII В.).

ВЛАДИВОСТОКЪ 1913

ИЗДАНІЕ И ПЕЧАТЬ
ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА
НАПЕЧАТАНО ПО ОПРЕДѢЛЕНІЮ
КОНФЕРЕНЦІИ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

Предисловіе.

Предметъ моихъ «Опытовъ» — политическая идеологія Англіи «стараго режима», если позволительно такъ обозначить пореформаціонную эпоху, дни Тюдоровъ и первыхъ двухъ Стюартовъ. «Новый режимъ», идеи «Commonwealth»-а оставлены мною въ сторонѣ, хотя хронологически, въ лицѣ Твисдена, мнѣ и пришлось нѣсколько перешагнуть поставленную грань. Нарушеніемъ этой грани въ обратную сторону является присутствіе имени Фортескью. Послѣдній мнѣ нуженъ какъ путевой знакъ, чтобы судить, пошелъ ли XVI-ый вѣкъ по тому направленію, какое указывалось политической идеологіей предшествующаго, XV-го вѣка. Фортескью — сторонникъ ограниченной монархіи: такимъ его взялъ XVII-ый вѣкъ; такимъ его склонны брать современные изслѣдователи. Мнѣ хотѣлось подчеркнуть другую сторону его взглядовъ: тяготѣнье къ сильной, хотя и опирающейся на земщину, королевской власти. Въ этомъ отношеніи XVI-ый вѣкъ не столько измѣнилъ, сколько обострилъ проблему укрѣпленья королевскаго авторитета. Тиндаль продолжатель дѣла Фортескью: вѣдь проповѣдь англійскихъ реформаторовъ не была проповѣдью абсолютизма, и хотя въ дальнѣйшемъ, какъ реакція противъ идей кальвинизма, среди представителей англиканства послышались новыя ноты — воинствующаго монархизма, послѣднему еще далеко до того монархизма, который въ XVII-мъ вѣкѣ выступитъ на бой съ парламентомъ. Въ эту сторону установленную церковь, и не только ее, направилъ тотъ, подъ чьимъ перомъ система коро-

левскаго абсолютизма получила яркую, законченную формулировку: я разумѣю Якова I-го. Лишь послѣ его «Царскаго дара» и «Свободной монархіи» стали мыслимы проповѣди на тему, что истинная монархія и есть монархія, не связанная закономъ. Этого не утверждали теологіи XVI-го вѣка, хотя бы они и предпочитали «тиранію» «мятежу». Мои «Опыты» посвящены англійской политической идеологіи, но и шотландцамъ въ лицѣ Нокса отведено нѣкоторое мѣсто—помимо Якова. Мнѣ казалось, что знакомство съ воззрѣніями шотландскаго реформатора можетъ послужить къ уясненію исторической позиціи англиканцевъ. Относительно послѣднихъ меня интересовалъ почти исключительно XVI-ый вѣкъ: для XVII-го я счелъ возможнымъ ограничиться однимъ менѣе извѣстнымъ теологомъ—Гаусеномъ. Однако, беря этотъ типичный для англиканства эпохи Стюартовъ примѣръ, я не игнорировалъ исключеній: вѣдь не всѣ представители установленной церкви выступали въ защиту королевскаго абсолютизма. Можно было быть королевскимъ капелланомъ и писать о томъ, что король ограниченъ «по закону, разуму и религіи» (ср. стр. 154, прим. 1-ое).

Тѣ этюды—отъ Старки до Твисдена—какіе вошли въ первую часть моей книги, захватываютъ далеко не весь матеріалъ, какой могъ быть привлеченъ для изслѣдованія. За недостаткомъ времени я не успѣлъ напр. осуществить свой планъ: просмотрѣть нѣкоторые манускрипты Оксфордской и Кэмбриджской библіотекъ, а кромѣ послѣднихъ, какихъ только находокъ не таятъ въ себѣ частныя и муниципальныя книгохранилища, описанныя въ многотомныхъ «Отчетахъ комиссіи по изслѣдованію историческихъ манускриптовъ»! Съ другой стороны, въ своихъ попыткахъ хотя нѣсколько расширить поле изслѣдованья я оставилъ въ сторонѣ рядъ писателей, которыхъ принято считать извѣстными: таковы напр., Томасъ Смисъ, Эдуардъ Кокъ, Уильямъ Принъ.—Понятіе политической идеологіи взято мною не только въ смыслѣ теоретическихъ построеній, но и описаній дѣйствующихъ учрежденій: развѣ въ способѣ прохожденія къ нимъ не сказывается политическое міросозерцаніе авторовъ? Къ тому же, описательный и теоре-

тизирующій элементы далеко еще не дифференцировались въ литературѣ разсматриваемой эпохи. Подобными соображеніями оправдывается, какъ я думаю, присутствіе именъ Джона Гукера и Ламберта.

К. К.

Владивостокъ, Мартъ 1913 г.

P. S. Отмѣчу наиболѣе-существенныя опечатки и пропуски:
Стр. 42, строка 9 сверху: of councell; надо: and councell.
Стр. 60: переставить 2 и 3 прим.
Стр. 88, строка 20 сверху: вродѣ; надо: въ рядѣ.
Стр. 160 пропущено прим. къ 11-й строкѣ сверху: «upon this common stage of the world, though the Actors change daily, and have their last Exits after which they return no more; yet there is a continuall recurrence of the same Pageants, parts and humours to be represented by other persons».
Стр. 169, строка 5 сверху: достунъ; надо: диспутъ.

Оглавленіе.

«Англійское правленіе» Фортескью . . . . . 1.
«Діалогъ» Т. Старки . . . . . 11.
Трактатъ Д. Гукера о парламентѣ . . . . . 23.
«Замѣчанія о парламентскомъ правѣ» Ламберта . 39.
А. Холль и его памфлетъ . . . . . 46.
Два анонимныхъ трактата о парламентѣ . . . 58.
Сэръ Д. Эліотъ о монархіи . . . . . 69.
Ф. Хантонъ и Г. Паркеръ . . . . . 81.
«Англійское правленіе» Твисдена . . . . . 99.
Политическія проблемы у теологовъ XVI—XVII в. . 112.
Д. Ноксъ . . . . . 162.
Яковъ I-ый . . . . . 171.
Заключеніе . . . . . 200.

„Англійское правленіе“ Фортескью.

Трактатъ Сэра Джона Фортескью объ «Англійскомъ правленіи», относящійся къ срединѣ XV ст., принято считать едва ли не самымъ раннимъ обоснованіемъ конституціонной, «ограниченной», монархіи[1]. Такое пониманье воззрѣній Фортескью нельзя назвать ошибочнымъ, но ему присуща извѣстная неправильность, какая создается, когда изъ органическаго цѣлаго понятій, какими оперируетъ авторъ, выдѣляется одинъ лишь элементъ, и его оцѣнка совершается внѣ связи съ остальными элементами. Король у Фортескью это не типъ «обезвреженнаго» конституціонными узами монарха, царствующаго, а не управляющаго: это реальный носитель власти, источникъ правды и справедливости, хранитель государственной мощи. Фортескью ставитъ свое «fiat» на тѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ, какія создала средневѣковая Англія, подыскиваетъ для нихъ историческій базисъ, но центръ его вниманія направленъ не столько сюда, сколько на обоснованіе твердой монархической власти, способной вывести Англію изъ того внутренняго разлада, въ какомъ она находилась въ XV в. Фортескью провозвѣстникъ «новой монархіи»—монархіи Тюдоровъ. Неудивительно поэтому, что въ его трактатѣ такъ мало говорится о парламентѣ. И въ то же время Фортескью не абсолютистъ: королевская власть не есть для него власть неограниченная, хотя бы она и была «высшей властью на землѣ». Фортескью говоритъ собственно о королевскомъ «чинѣ»,

[1]) Sir John Fortescue, The Governance of England, ed. by Plummer, 1885. Это изданіе является не только образцомъ тщательнѣйшаго отношенія къ тексту, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не лучшимъ обзоромъ англійской конституціонной жизни XV в.

«состоянiи» (estate), и что этотъ терминъ не нужно понимать въ переносномъ смыслѣ, лучше всего видно изъ того, въ какой степени королевская власть въ его глазахъ зависитъ отъ королевскаго богатства: отъ того и полонъ смутами XV-ый в., что у короля нѣтъ «состоянiя», слѣд. нѣтъ «власти». Отсюда разсужденiя Фортескью о томъ, что, если король бѣденъ, подданные легко могутъ примкнуть къ богатому лорду, который въ силу своего богатства не станетъ ихъ обременять налогами: вѣдь идеалъ государственной мудрости заключался въ тѣ дни въ экономiи, и лучшимъ королемъ былъ тотъ, кто обходился государству дешевле. Та власть т. о. можетъ разсчитывать на признанiе, у которой имѣется для этого достаточный матерiальный субстратъ. И все же, несмотря на весь реалистическiй подходъ къ проблемѣ королевской власти, Фортескью крайне остороженъ въ своихъ проэктахъ наложить на нее тѣ или иныя ограниченiя. Эти послѣднiя онъ не рѣшается конструировать какъ юридическую связанность; на лицо скорѣе норма практической цѣлесообразности: поступая такъ, а не иначе, король преслѣдуетъ лишь свои собственные интересы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Фортескью не было чуждо представленiе о монархѣ, какъ о публично-правовомъ органѣ. «Rex datur propter regnum, et non regnum propter regem». Вслѣдствiе этого все, что онъ дѣлаетъ, должно быть отнесено къ его королевству. Вѣдь хотя его власть (состоянiе) и есть высшая свѣтская власть на землѣ, однако, она есть должность, и въ ней онъ даетъ защиту и судъ всему королевству. Поэтому онъ и можетъ сказать о себѣ и о своемъ королевствѣ, какъ папа говоритъ о себѣ и о церкви: servus servorum Dei. Въ силу этого соображенiя, подобно тому какъ каждый слуга долженъ имѣть содержанiе отъ того, кому онъ служитъ, такъ и папа отъ церкви, а король отъ его государства[1]». Эта

[1]) «as Seynt Thomas saith..... Wherfore all that he dothe owith to be referred to his kyngdome. Ffor though his estate be the highest estate temporall in the erthe, yet it is an office, in wich he mynestrith to his reaume defence and justice. And therfore he mey say off hym selff and off his reaume, as the pope saith off hym selff and off the churche, in that he writithe,..... by wich reason, ryght as every servant owith to have is sustenance off hym that he serveth, so aught the pope to be susteyned by the chirche, and the kyng by his reaume».

публично-правовая точка зрѣнія на короля какъ на органъ, служащій интересамъ цѣлаго, тотчасъ, однако, забывается или откладывается въ сторону, когда рѣчь заходитъ не объ экстраординарныхъ субсидіяхъ, а объ ординарныхъ доходахъ короля: здѣсь передъ нами фигура перваго лорда въ государствѣ, который долженъ обладать достаточнымъ состояніемъ (livelode), чтобы содержать свой дворъ, платить содержаніе своимъ совѣтникамъ, своимъ судьямъ. Если охрана моря (the kepynge off the see) не есть личное дѣло короля, то потому лишь, что на это ему ассигнованы особыя средства парламентомъ; въ пользованіи ими король связанъ тѣми цѣлями, на какія эти расходы предопредѣлены. Но и не только отсутствіе ясной концепціи короля, какъ государственнаго органа, мѣшало Фортескью дать цѣлостную конструкцію ограниченной монархіи. Если англійская монархія равна по силѣ и могуществу французской, «какъ это легко можно доказать въ силу непрелож-ныхъ истинъ разума», то мыслить англійскаго короля какъ ограниченнаго, связаннаго въ своихъ движеніяхъ, не значитъ ли давать ему меньшій международный вѣсъ, нежели королю французскому этому «свободному» вѣнценосцу»? Фортескью находитъ выходъ изъ дилеммы, перенося вопросъ въ сферу моральныхъ соображеній: король англійскій не становится менѣе «potentior liberior ve», если у него отнята возможность «грѣшить», т. е. нарушать законы страны[1].

Эта осторожность въ подхожденіи къ проблемѣ ограниченной монархіи, какъ дѣйствующаго учрежденія, отбрасывается у Фортескью въ сторону, поскольку вопросъ касается анализа историческихъ основъ англійскаго государственнаго порядка. Здѣсь дается не только моральное, но и чисто юридическое обоснованіе подчиненія монарха закону. Базисомъ служитъ ему договорная теорія происхожденія государства. Англія не есть завоевательная монархія: норманское нашествіе игнорируется Фортескью; вѣдь иначе, оставаясь вѣрнымъ себѣ, онъ долженъ былъ бы признать, что въ Англіи усмотрѣнье монарха —законъ; такова участь государствъ, основанныхъ силой

1) De Natura Legis Naturae, Works, 1869, vol. I, p. 87.

меча[1]. Англійское королевство возникло иначе. «Когда родъ человѣческій сталъ болѣе кроткимъ и болѣе расположеннымъ къ добродѣтели, большія общества людей, подобно тѣмъ, что пришли въ эту страну (т. е. въ Англію) съ Брутомъ, стремились соединиться и составить единое политическое тѣло, именуемое царствомъ (a reawme) и имѣющее единую главу, ибо по изреченію Философа (т. е. Аристотеля), каждая община, состоящая изъ многихъ частей, должна имѣть единую главу». Дружина, пришедшая съ Брутомъ, избрала послѣдняго быть «ея главой и королемъ. И объ стороны, по инкорпорированіи... положили, что это (т. е. англійское) царство должно управляться по тѣмъ законамъ, на какіе они всѣ дадутъ согласіе. Подобный порядокъ называется «политическимъ», а въ силу того, что за его соблюденіемъ слѣдитъ король, онъ называется «царскимъ» (regale)[2]». Брутъ это миѳическій внукъ Энея, котораго, быть можетъ, въ силу нѣкотораго созвучія именъ, средне-вѣковая Англія считала основателемъ царства бриттовъ. Порядокъ, который устанавливается Брутомъ съ его сподвижниками, Фортескью именуетъ «политическимъ» потому, что онъ корень этого слова производитъ отъ «pollos», отсюда и два «л« въ правописаніи Фортескью. Немногими штрихами авторъ набрасываетъ цѣлую теорію происхожденія государства, поскольку оно не покоится на силѣ меча. Человѣчество, къ моменту возникновенія политической организаціи, уже вышло изъ полу-животнаго состоянія: люди склонны къ добродѣтели. Вступая въ государственный союзъ, они совершаютъ

[1]) Что это умолчаніе не случайное, видно изъ того, что въ своемъ трактатѣ «De Laudibus legum Angliae» авторъ упоминаетъ о норманахъ, «quorum propago regnum illud obtinet in presenti», (Works, I, 349). Stubbs приводитъ цитату изъ другого сочиненія Фортескью: «Of the title of the house of York», гдѣ, съ ссылкой на Бл. Августина, завоевательная монархія признается пріобрѣтающей легальный базисъ въ силу «acceptation of God; approvinge of the Churche; longe continuance of possession, and th' assente of the people», (Works, I, 501).

[2]) «aftirwarde, whan mankynde was more mansuete, and bettir disposid to vertu, grete comunaltes, as was the felowshippe that came in to this lande with Brute, willynge to be unite and made a body pollitike callid a reawme, havynge an hed to..... governe it;—as aftir sayinge of the philisopher, every comunalte unyed of mony parties must nedis have an hed;—than they chese the same Brute to be ther hed and kynge. And thai and he upon this incorperacion, institucion, onynge of hem self into a reaume, ordenyd the same reaume to be ruled and justified by suche lawes as thai all wolde assent unto; wich lawe therfore is callid polliticum, and bicause it is ministrid bi a kynge, it is callid regale». p. 112.

актъ инкорпорированья[1]. Послѣдній не сопровождается передачей всѣхъ правъ главѣ государства: для изданія законовъ требуется согласіе всѣхъ. Фортескью не даетъ анализа этого «согласія», но несомнѣнно, что онъ разумѣлъ лишь его презумпцію: въ другомъ своемъ сочиненіи «De Laudibus legum Angliae» (I, p. 366) онъ говоритъ о согласіи всего королевства «in Parliamento... expresso», какъ необходимомъ условіи для измѣненія законовъ или вотированія налоговъ[2]. Слѣдить за соблюденіемъ законовъ, которые приняты съ согласія всѣхъ, призванъ король. Въ другомъ мѣстѣ своего трактата, Фортескью идетъ дальше: не только контроль отправленія юстиціи, но и самое ея отправленіе, онъ готовъ возложить на короля. Въ его дни идея, что король источникъ юстиціи, далеко еще не сдѣлалось фикціей. Эдуарду IV приписывается намѣреніе вкупѣ съ судьями устроить «perlustrationem» государства для открытія нарушителей закона и для должнаго ихъ наказанья (Plummer),—идея, хотя и въ измѣненной формѣ, осуществленная Генрихомъ VII съ его «Звѣздной палатой». Король Фортескью, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактическій военачальникъ, который «egredietur ante nos, et pugnabit bella nostra pro nobis». Еще въ XVI в. Генрихъ VIII поведетъ лично свои войска на континентъ смывать позоръ предшествовавшихъ пораженій[3].—Рядъ краснорѣчивыхъ страницъ своего трактата

---

1) Фортескью близко подошелъ къ пониманію государства какъ юридическаго лица, но логическіе выводы изъ этой концепціи, какъ мы видѣли это на примѣрѣ его воззрѣній на монарха, остались ему чужды. Этотъ естественный способъ синтезированія правовыхъ отношеній не сдѣлался жизненнымъ началомъ въ англійской юриспруденціи. Мэтлэндъ, въ статьѣ «корона какъ корпорація» (Maitland, Collected Papers, vol. III), считаетъ, что путь, по которому шла доктрина, былъ именно въ сторону признанья государства юридическимъ лицомъ, но въ концѣ XVI в. Кокъ (Coke), этотъ оракулъ англійской юриспруденціи, выдвинулъ концепцію короля какъ корпораціи, т. е. часть смѣшалъ съ цѣлымъ. Его авторитетъ сбилъ съ правильнаго пути послѣдующихъ юристовъ, и въ результатѣ, они до нашихъ дней остались безъ отчетливой конструкціи отношенія государственнаго органа къ государственному цѣлому.

2) Въ трактатѣ «De natura legis naturae» (I, 87) Фортескью называетъ лишь «proceres», чье согласіе требуется для измѣненія законовъ королевства.—Не забудемъ, что уже въ XIV ст. судья Thorpe высказываетъ, что «какъ скоро парламентъ принялъ что либо, законъ подразумѣваетъ, что каждый знаетъ объ этомъ, ибо парламентъ представляетъ собою совокупность всего королевства».

3) Любопытно, что для людей XVI в. личное участіе короля въ воинскихъ предпріятіяхъ уже не признается заслуживающимъ одобренія: въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ Ричардъ Морисонъ (Richard Morison) настаиваетъ на томъ,

Фортескью посвящаетъ изображенію экономическаго упадка Франціи, гдѣ народъ «едва живетъ», питаясь ржанымъ хлѣбомъ, не зная мяса, кромѣ требухи и иной одежды, кромѣ сермяги. Отсюда дѣлается выводъ, что Англія «управляется по лучшему закону, а потому народъ и не находится въ подобной нуждѣ, наоборотъ, онъ богатъ и имѣетъ все, что ему необходимо для существованія.... Вотъ каковъ плодъ «jus politicum et regale, по которому мы живемъ[1]». Вотъ каковъ плодъ правленія, гдѣ монархическая власть уживается съ участіемъ «всѣхъ» или, по крайней мѣрѣ, «многихъ» въ веденіи государственныхъ дѣлъ.—Фортескью приходилось, однако, считаться съ противниками монархіи, опирающейся на націю въ ея цѣломъ: «нѣкоторые люди, говоритъ онъ, высказываютъ, что было бы хорошо для короля, если бы англійская земщина обнищала подобно французской... Эти люди мало разбираются въ томъ, что служитъ ко благу англійской страны: вѣдь ея могущество покоится на стрѣлкахъ изъ лука, а это народъ небогатый[2]». Разорить народъ, въ глазахъ Фортескью значитъ

что «роль короля заключается лишь въ томъ, чтобы найти для своихъ подданныхъ военачальниковъ, подъ чьей командой они сумѣли бы показать какую привязанность они имѣютъ къ своей родинѣ» («It is a princis parte, to se that his subjectes have capitaynes, under whom they may shewe what hartes they beare to theyr countrey». An Exortation to styrre all Englishe men to the defence of theyr countreye, made by Richarde Morysine, 1539). Развѣ еврейскій народъ не умолялъ царя Давида не вести войска лично противъ Авессалома: «обратимся ли мы въ бѣгство, или будемъ убиты, ты всегда сумѣешь собрать новое войско. Вѣдь ты одинъ стоишь 10000 человѣкъ («for whether we fle or be slain, ye shall ever be able to have a new host. you alone are counted for XM men». Ibid).—Сэръ Томасъ Крэгъ (Sir Thomas Craig) въ своемъ трактатѣ «De Unione regnorum Britanniae» (1605; ed. by C. S. Terry, 1909) говоритъ (p. 25) о «Regia potestas», «quae in his duobus maxime consistebat, prout et hodie consistit, nempe in populo judicando, sive aequa justitiae administratione, et in eodem populo ad bella educendo et reducendo». Въ высшей степени характерны по этому поводу разсужденія Якова I: обращаясь къ своему сыну Генриху, онъ совѣтуетъ ему «однажды или дважды подвергнуть собственную особу порядочной опасности, но затѣмъ (пріобрѣтя славу храбрости и неполебимости) не дѣлать изъ себя солдата завсегдатая, подвергаясь необдуманно риску, но сохранить себя въ дальнѣйшемъ для народнаго блага». («Once or twise in your own persone hazard your selfe fairely but (having acquired so the fame of courage and Magnanimitie) make not daylie soldiour of yourselfe, exposing rashlie your person to everie perill, but conserve you selfe thereafter for the weale of your people»).

[1]) «blessid be god, this lande is rulid under a bettir lawe; and therfore thei peple therof be not in such peynurie, nor therby hurt in thair persons, but thai bith welthe, and have all thinges nescessarie to the sustenance of nature. .... Lo this is the fruyt of (см. т.), under wich we live.» p. 115.

[2]) «Some men have said, that it were good ffor kyng, that the commons off

разорить силу, способную отразить внѣшнихъ враговъ. Любопытно, что въ противоположность общепринятому взгляду, Фортескью не хочетъ видѣть въ островномъ положеніи Англіи извѣстный плюсъ въ смыслѣ безопасности: какъ разъ наоборотъ—управляйся Англія такъ, какъ управляется Франція, она сдѣлалась бы легче другихъ государствъ добычей завоевателей: вѣдь со стороны ей неоткуда получить помощь. Тѣмъ больше слѣд. у англійскаго короля основаній хранить свою земщину. Другое соображеніе, какое Фортескью приводитъ въ пользу политики поддержанія народнаго благосостоянія, это легкость, съ какою неимущіе устраиваютъ мятежи: «зажиточный людъ не охотно идетъ на это изъ за страха потерять свой достатокъ. Однако, часто и ему приходится подниматься вслѣдствіе угрозъ грабежа со стороны бѣдноты въ случаѣ отказа». Обѣдненіе народа привело бы къ тому, что случилось въ Богеміи, «гдѣ народъ изъ за бѣдности поднялся противъ знати и сдѣлалъ ихъ имущество общимъ[1]». Эти взгляды едва ли говорятъ о наличности «рѣзко выраженной демократической ноты» въ трактатѣ Фортескью[2]. Заслуга его, однако, ужъ въ одномъ томъ, что онъ сумѣлъ возвыситься до пониманія задачъ обще-національной политики, которая сдѣлается лозунгомъ слѣдующаго, 16-го вѣка.

Центръ вниманія Фортескью, какъ было уже указано выше, занимаетъ монархъ, а не парламентъ: въ эту сторону и направлены его проэкты реформъ. Для того, чтобы король былъ на высотѣ своего призванія, у него должны быть матеріаль-

---

Englande were made pore, as the commons off Ffraunce..... theis ffolke consideren litill the good off the reaume off Englond, wheroff the myght stondith most uppon archers wich be no rych men». p. 137,

1) «thryfty men have ben loth therto. ffor drede off lesynge off thair gode. But yet oftentymes thai have goo with thaym, through manasheynge that ellis the same povere men wolde have toke thair godes, wher in it semyth that poverte hath be the holl cause off all such rysynges... Trewly it is lyke that this lande then shulde be like unto the reaume off Boeme, wher the commons ffor poverte rose apon the nobles and made all thair godis to be comune», p. 138.

2) J. Mackinnon, A History of modern liberty, vol. I (1906), p. 336, полагаетъ, что «the democratic note of the «Governance», is very pronounced». Ни это, ни другія произведенія Фортескью, не даютъ основанія констатировать нѣчто подобное. Во всякомъ случаѣ идея договорнаго происхожденія государства не можетъ быть истолкована въ смыслѣ демократическихъ тенденцій: вѣдь въ концѣ концовъ на принятіе законовъ даютъ согласіе «proceres» короля.

ныя средства, иначе онъ, въ силу необходимости, вынужденъ будетъ отыскивать утонченныя средства для ихъ полученія. Эти пріемы, начало которыхъ приписывается Эдуарду IV, практиковались уже въ эпоху Ланкастерскихъ королей (Plummer). На незаконные поборы ихъ толкала горькая необходимость, «бѣдность и убожество», причину которой Фортескью видитъ въ томъ, что короли слишкомъ расточительны были въ раздачѣ своихъ земель тѣмъ, кто этого заслуживалъ и не заслуживалъ. Стóитъ положить этому конецъ, и король сумѣетъ покрыть свои ординарные расходы изъ своихъ личныхъ доходовъ. Въ этой точкѣ зрѣнія характерно то, что государственныя потребности какъ бы навсегда опредѣлялись, а поэтому и источникъ ихъ покрытія долженъ быть прежній. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ сословія должны приходить королю на помощь. Въ этомъ отношеніи Фортескью вполнѣ сынъ вѣка: идея, что король долженъ стараться обойтись своими личными средствами, была общепринятой—это доказываютъ и петиціи общинъ, и заявленія самихъ королей. Эдуардъ IV обѣщаетъ облагать своихъ подданныхъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда этого требуетъ ихъ благо, а не его личный капризъ (Plummer). Для подобнаго взгляда оправданье было въ томъ, что личные и общегосударственные расходы тѣсно переплетались и для подданныхъ они выступали въ недифференцированной формѣ «королевскихъ расходовъ». Королевская экономія это экономія перваго лорда въ государствѣ. Поэтому и Фортескью говоритъ о «богатствѣ» короля, а не о «полнотѣ» государственной власти. Поэтому и власть короля есть власть «dominus»-а, а не «imperator»-а. Трудно поэтому было бы ожидать особенной рѣшительности отъ Фортескью съ его проэктомъ сузить свободу короля въ распоряженіи его личными доходами. Онъ настаиваетъ на необходимости фиксированія этихъ доходовъ для покрытія расходовъ первой важности, но спѣшитъ оговориться, что это не можетъ сузить власти короля потому, что власть не въ томъ, чтобы отчуждать и раздавать, а въ томъ, чтобы имѣть и удерживать для себя. Это все выводы ихъ правила: potentia non est nisi ad bonum. Англійскіе короли основывали благотворительныя

и религіозныя учрежденія. Почему бы, разсуждаетъ Фортескью, имъ еще въ бо́льшей степени не облагодѣтельствовать страну и, вмѣсто раздачи алчнымъ придворнымъ, не обратить своихъ доходовъ, въ первую голову, на государственныя потребности, а потомъ уже на удовлетвореніе своихъ личныхъ капризовъ. Сдѣлать это значитъ основать «коллегію», въ которой будетъ возноситься хвала Богу за королевское благодѣяніе «всѣми людьми англійскими, свѣтскими и духовными». Понятіе фиска и стипендіи разсматривается т. о. какъ нѣчто аналогичное по юридической природѣ.

Авторитетъ королевской власти страдаетъ не только потому, что королевское имущество расточается безразсудно, но и потому, что короля окружаютъ дурные совѣтники. Фортескью жалуется, что частный совѣтъ, состоящій изъ магнатовъ, занятъ своими дѣлами и дѣлами своихъ родичей и челяди. Отъ этого страдаетъ не только нація, но и король: вѣдь королевскія дѣла такъ часто затрагиваютъ интересы этихъ совѣтниковъ. Противъ такого зла Фортескью выдвигаетъ проэктъ избранія 12 духовныхъ и 12 свѣтскихъ лицъ, «мудрѣйшихъ и способнѣйшихъ, какіе только могутъ быть найдены во всей странѣ». Эти «земскіе» совѣтники избираются на неопредѣленный срокъ и увольняются лишь за извѣстную провинность: если бы король сослался на свое благоусмотрѣніе (lyste), то, для устраненія неугоднаго ему члена, требуется согласіе большинства его коллегъ. Наряду съ этими постоянными совѣтниками, Фортескью согласенъ сохранить 4 духовныхъ и 4 свѣтскихъ лордовъ, которые избираются королемъ ежегодно. Фортескью не упоминаетъ способа избранія членовъ первой, земской группы совѣта: возможно, что ему рисовался тотъ порядокъ, какой ужъ былъ знакомъ англійской конституціонной жизни XV ст., когда составъ королевскаго совѣта неоднократно опредѣлялся сообразно желаніямъ парламента. Эти опыты не шли, однако, такъ далеко, какъ пожеланія Фортескью: большинство совѣтниковъ все же были лорды, духовные и свѣтскіе. Въ проэктѣ Фортескью любопытна явная тенденція сблизить короля съ народомъ, устранить промежуточную инстанцію въ видѣ магнатовъ, идеалъ, на которомъ будетъ построена политика Тюдо-

ровъ. Въ этомъ отношеніи у Фортескью больше чутья дѣйствительности, нежели у нѣкоторыхъ писателей болѣе поздней эпохи, какъ мы убѣдимся въ дальнѣйшемъ, на примѣрѣ Томаса Старки.—Въ числѣ членовъ совѣта, наряду съ представителями высшей правительственной власти, засѣдающими въ немъ ex officio, Фортескью хотѣлъ бы видѣть и судей: послѣдніе должны, однако, являться туда лишь въ силу особаго приглашенія: очевидно, въ качествѣ консультантовъ.—Къ числу функцій королевскаго совѣта Фортескью относитъ, между прочимъ, «реформированіе законовъ». Парламентъ сумѣетъ сдѣлать многое за одинъ мѣсяцъ, если только законопроэкты будутъ разработаны или, какъ выражается Фортескью, подвергнуты «вызрѣванію» въ королевскомъ совѣтѣ,—идея, въ которой предвосхищается будущее англійскаго конституціонализма. Не къ раздѣленію, а къ сближенію власти и народа направлены т. о. идеалы Фортескью. Его король представитель сильнаго государственнаго начала, но лишь въ общеніи съ землей находитъ онъ необходимыя средства реализаціи этого начала.

„Діалогъ“ Томаса Старки.

Со стороны изслѣдователей англійской политической литературы XVI в. приходится слышать жалобы на отсутствіе самостоятельныхъ трактатовъ по политикѣ въ царствованіе Генриха VIII: изъ многотомныхъ сочиненій по такимъ дисциплинамъ, какъ теологія, приходится имъ извлекать скудные отрывки политическаго мышленія тѣхъ дней[1]. Оцѣнка не лестная, но, она покоится на игнорированіи выдающагося трактата по политикѣ, написаннаго именно при Генрихѣ VIII: это «Діалогъ между кардиналомъ Полемъ и Томасомъ Лансетомъ, лекторомъ по реторикѣ въ Оксфордскомъ Университетѣ». Діалогъ принадлежитъ перу королевскаго духовника Томаса Старки, и время его написанія относится къ концу 20-хъ, или началу 30-хъ годовъ XVI ст.[2]. Достаточно оцѣненный въ научной

[1]) Камбуровъ, Идея государства у Гоббза, 1906, стр. 6.

[2]) A Dialogue between Cardinal Pole and Thomas Lupset, lecturer in Rhetoric at Oxford by Thomas Starkey, Chaplain to the King, ed. by J. M. Cowper, E. E. T. S., 1871.—Время составленія діалога можно опредѣлить на основаніи побочныхъ указаній въ текстѣ: съ одной стороны Старки ссылается на опыты борьбы съ пауперизмомъ во Фландріи въ Ипрѣ (Ypres), а эти опыты были проведеніемъ въ жизнь идей Vives-a, развитыхъ имъ въ трактатѣ «De subventione paupertum», опубликованномъ въ 1526 г.; съ другой стороны, Старки говоритъ о желательности отмѣны аннатовъ: статутъ въ этомъ направленіи былъ изданъ въ 1532 г.—Относить написаніе діалога къ тому моменту, когда Старки, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ найти почву для соглашенія между королемъ и кардиналомъ, жилъ въ полуизгнаніи, вдали отъ двора, значило бы не только игнорировать вытекающія изъ текста указанія, но и допускать нѣчто само по себѣ совершенно абсурдное: какимъ образомъ Старки могъ бы выставить кардинала въ роли сторонника церковной реформы послѣ того, какъ тотъ заявилъ себя открыто сторонникомъ папы? Возможно, что моментъ составленія Діалога и моментъ его поднесенія Генриху VIII-му, не совпадаютъ. И дѣйствительно въ письмѣ безъ даты, посланномъ королю вмѣстѣ съ Діалогомъ, Старки говоритъ (Vol, I. LXXV) о церковной реформѣ какъ о совершившемся фактѣ.—Краткія замѣчанія о Діалогѣ дѣлаетъ, Martin Haile, The life of Reginald Pole, p. 135—6. 1911. James Gairdner, Lollardy and the Reformation in England, Vol. III, 1911, p. XXXVII, относитъ моментъ составленія трактата къ 1535 г.

литературѣ, какъ источникъ для знакомства съ соціально-экономическими условіями тогдашней Англіи, діалогъ этотъ, по какой то случайности, обходился изслѣдователями англійской политической мысли.

Самая форма[1], которую Старки избралъ для своего произведенія, говоритъ о томъ, что знакомство съ діалогами Платона не прошло для него безслѣдно. Но и не только форма: творенія Платона открыли для Старки новый міръ, заставили его перестроить все его отношеніе къ дѣйствительности. Идея совершенства, долженствующая быть воплощенной въ человѣческихъ учрежденіяхъ: вотъ основной пунктъ, гдѣ вліяніе Платона сказалось на немъ особенно рельефно. Старки, съ его практическимъ трезвымъ умомъ англичанина, далеко, однако, не безъ оговорокъ воспринялъ идеологію Платона: совершенство—не есть ли оно «пустая мечта» въ этомъ мірѣ, гдѣ царствуютъ страсти, гдѣ заложенныя въ насъ изначала благія стремленія заглушаются такъ легко порочными? «Что вы затыкаете мнѣ ротъ этимъ аргументомъ о совершенномъ государствѣ[2]», грубо замѣчаетъ въ Діалогѣ профессоръ реторики. «Лучше обращайте вниманія», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «на обычай нашего народа, ставьте это въ связь съ временемъ и съ мѣстомъ, чтобы вашъ совѣтъ, съ помощью нашего благороднѣйшаго государя, могъ тѣмъ скорѣе возымѣть свой плодъ и совершеніе[3]». Идея совершенства остается у него, въ концѣ концовъ, не болѣе какъ стимулъ для стремленія къ тому, что лучше, а не къ предѣламъ этого лучшаго. Діалогъ Старки не есть поэтому Утопія. Взявши у Платона концепцію совершеннаго государства, Старки, не пошелъ къ нему въ поискахъ за средствами исправленія несовершенствъ англійскаго государства: его «идеальные» правители, какъ онъ выражается съ проніей, не такіе какъ у Платона: они болѣе

[1]) Уже люди XVI в. усвоеніе формы діалога приписывали вліянію Платона: Такъ объясняли они введеніе діалога въ трактатъ Buchanan-a De Jure Regni apud Scotos.

[2]) p. 116: «Syr, you ever stoppe my mouth with thys consyderatyon of the perfayt state».

[3]) p. 26: «loke you to the nature of oure cuntrey, to the maner of our pepul, not wythout respect both of tyme and of place, that your devyse heraftur, by the help of our most nobul prince, may the soner optayue hys frute and effect».

«общей мѣрки» (commyn sort). Это не живое олицетвореніе законности, для кого не нужно никакихъ правовыхъ сдержекъ. Правители у Старки простые смертные, и изобрѣсти для нихъ легальные узы и составляетъ одинъ изъ главныхъ объектовъ его трактата.

Одинъ изъ современниковъ Старки говорилъ, что послѣ Бога должно быть поставлено государство. То же чувство экзальтированнаго отношенія ко всему, что связано съ государствомъ, проходитъ и черезъ трактатъ Старки. Служитель престола Всевышняго, онъ защищаетъ не христіанскую любовь, какъ основу общественной жизни, а «благую и справедливую политику» (al gud and right pollycy). Принимать участіе въ интересахъ цѣлаго есть «лучшій образъ жизни и наиболѣе свойственный натурѣ человѣка, который рожденъ для общежитія». Носитель обѣта цѣломудрія[1], Старки готовъ отказаться отъ него потому, что безбрачіе есть помѣха увеличенію численности населенія, а поэтому и могуществу государства[2]. Когда ему приходится доказывать необходимость матеріальнаго благополучія государства, онъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы авторитету Христа предпочесть авторитетъ Аристотеля, а попутно и отмѣтить свое разногласіе съ Платономъ, будто тѣло есть темница души. Старки, впрочемъ, христіанинъ плохой, и когда онъ участниковъ своего Діалога заставляетъ совершить моленіе, прежде чѣмъ намѣтить способы реформированія государства, то при этомъ приводится достойный подражанія примѣръ грековъ и римлянъ, искавшихъ въ анало-

1) Дошедшее до нашихъ дней любовное письмо Старки не рисуетъ его большимъ ригористомъ.

2) Въ своемъ обращеніи къ Генриху VIII Старки слѣдующимъ образомъ обосновываетъ необходимость секуляризаціи монастырей: «въ то время какъ въ прежніе дни въ монастыряхъ ютилось множество люда, жившаго безбрачной, а во многихъ случаяхъ, безъ сомнѣнья, и нечистой жизнью, къ великому поношенію Божію и къ помѣхѣ для естественнаго размноженія, я питаю большую надежду, что Ваше Высочество, съ Вашей добротой и мудростью, поселите тамъ людей, живущихъ въ законномъ брачномъ союзѣ, въ силу чего численность Вашего народа въ будущемъ значительно увеличится, во славу Божію» «where as before tyme in thes monasterys was nurished a multytude of men lyvyng unmaryd and dowteles many in unclene lyfe, to the grete dyshonowre of god and let of natural propagatyon, grete trust I have that your hyghnes by your gudnes and wysedome wyl now set and plant therin men lyvyng in lawful matrymony, wherby the nombur of your pepul shalbe hereafter much increased, to goddys honowre and glory....» Starkey's L. and L's, p. LVIII).

гичныхъ ситуаціяхъ благословенія боговъ. Въ этомъ, но не во всемъ, Старки лишь сынъ Возрожденія: въ немъ ужъ есть зачатки того пуризма, который вспыхнетъ такимъ яркимъ пламенемъ къ концу XVI ст. Онъ критикуетъ напр. роскошь въ костюмахъ, изысканность въ ѣдѣ; нападаетъ на «пѣвцовъ, диковинныхъ канторовъ, которые способствуютъ лишь суетности», и настаиваетъ на своемъ мнѣніи, хотя бы его и стали обвинять въ излишней строгости—въ нежеланіи терпѣть въ государствѣ ничего, кромѣ необходимаго. Быть можетъ, однако, этотъ ригоризмъ есть лишь дань вліянію Платона. Это тѣмъ болѣе возможно, что Старки сочувственно относится къ стремленіямъ Ренессанса въ области прекраснаго: такъ напр., сравнивая англійскіе города съ континентальными, онъ констатируетъ, что первенство не за первыми — они не только грязны, но и не обстраиваются новыми зданіями, наоборотъ, приходятъ въ состояніе упадка. Это происходитъ потому, что дворянство бѣжитъ въ деревню. Старки готовъ законодательнымъ путемъ обязать дворянъ имѣть дома въ городахъ и тѣмъ способствовать ихъ украшенію. Но и тутъ Старки не можетъ не оговориться: строить слѣдуетъ, но не нужно расходовать золото на позолоту колоннъ и стѣнъ (postys and wallys).

Противъ призыва къ служенію интересамъ государства можетъ быть выдвинуто указаніе на то, является ли государственный порядокъ какимъ либо пріобрѣтеніемъ для человѣчества: чѣмъ «грубѣе» (ruder) образъ жизни, тѣмъ меньше законовъ, тѣмъ больше люди прилежатъ къ добродѣтели и подлиннѣйшей искренности (veray true symplycyte). Отвѣтъ автора есть въ сущности отвѣтъ всѣмъ стремленіямъ повернуть человѣчество назадъ: вѣдь не загнать же намъ людей обратно въ лѣса, гдѣ они жили во всей первобытности «первое время». Въ томъ, что создали люди есть дефекты, но все же по этимъ созданьямъ можно убѣдиться не только въ «превосходномъ достоинствѣ» человѣческихъ существъ, но и въ томъ, что въ нихъ есть «искра Божества», что они «небесной и божественной природы[1]». Признаніе человѣческаго достоин-

[1]) p. 9: Pole.... «We see also now in our days thos men wych lyve out of cytes and townys, and have fewyst lawys to be governyd by, lyve bettur then

ства[1] и оправданіе того, что люди дѣлаютъ здѣсь на землѣ— утвержденіе, столь чуждое средневѣковой идеологіи. Человѣческій разумъ частица Божественнаго начала, и то, что онъ творитъ не можетъ разсматриваться какъ нѣчто, не имѣющее цѣнности въ себѣ. Небеса спустились на землю. Многіе стали думать, что вмѣстѣ съ небесами готовъ спуститься и рай. Этимъ и объясняется, что Ренессансъ породилъ утопическую литературу. Трезвый умъ Старки удержалъ его итти по этому пути, но и онъ не могъ не раздѣлить общаго увлеченія идеаломъ совершенства здѣсь въ земной, а не въ будущей загробной жизни; что это увлеченіе было общимъ, Старки неоднократно подчеркиваетъ.

Съ вѣрой въ государство у автора «Діалога» соединяется вѣра въ спасительность «гражданскаго закона». Этотъ послѣдній не совпадаетъ съ понятіемъ римскаго права, хотя бы всѣ симпатіи автора и были на его сторонѣ. Гражданскій законъ различенъ въ каждой странѣ; даже больше того: почти въ каждомъ городѣ и селеніи (cyte and towne). Но это различіе только средствъ: различными путями различные народы идутъ къ осуществленію одной цѣли—осуществленію неизмѣннаго закона, и этотъ законъ Старки опредѣляетъ какъ жизнь сообразно человѣческому достоинству. Позитивное право должно относиться къ естественному такъ, какъ математическіе выводы къ математическимъ принципамъ. Въ случаѣ ихъ расхожденія право позитивное не имѣетъ никакой цѣнности—не имѣетъ воспитательной цѣнности, потому что цѣль правовыхъ нормъ

other dow in theyr gudly cytes never so wel byllyd and inhabytyd, governyd with so many lawys for commyn. You see by experyence in grete cytes most vyce, most suttylty and craft; and contrary, ever in the rude cuntrey most study of vertue and very true symplycyte». Lupset.... «though hyt be so that man abuseth the socyety and cumpany of man in cytes and townys, gyvyng hymselfe to al vise, yet we may not therfor cast downe cytes and townys, and dryve man to the woodys agayne and wyld forestys, wherin he lyvyd at the fyrst begynnyng rudely.... (p. 12)... yet we wyth our selfe reson and consydur, the workys of man here apon erth, we schal nothyng dowte of hys excellent dygnyte, but playnly affyrme, that he hath in hym a sparkul of Dyvynyte, and ys surely of a celestyal and dyvyne nature».

[1]) Въ письмѣ къ Генриху VIII Старки говоритъ, что понятіе о человѣческомъ достоинствѣ дала ему философія: «I had spent parte of my youth in the study of philosophie and therby somewhat perceyvid the dygnite of mannys nature» Starkey's L. and L's, p. LXXIV.

въ конечномъ счетѣ заключается въ томъ, чтобы направлять людей къ добродѣтели. Старки вполнѣ ясна разница между нормами правовыми, за которыми стоитъ принужденіе и нормами, которыя сильны лишь ихъ внутренней значимостью, но онъ не можетъ допустить, чтобы правовыя нормы были въ то же время лишены моральнаго оправданія. Въ точкѣ зрѣнія Старки нѣтъ ничего, что дѣлало бы ее непріемлемой для современныхъ правовоззрѣній. Въ его пониманіи естественнаго права нѣтъ и слѣда той окаменѣлости, какой такъ невыгодно отличаются позднѣйшія естественноправовыя докрины (Вольфъ).

Правленіе одного, многихъ и всѣхъ: Старки считаетъ излишнимъ споръ о томъ, какой изъ этихъ трехъ порядковъ лучше. Все зависитъ отъ того, что больше соотвѣтствуетъ національнымъ особенностямъ. Его симпатіи, однако, на сторонѣ монархіи, которая наиболѣе способна дать устойчивость государству и сохранить его на долгіе годы. Англія въ теченіе долгаго времени управлялась государями, которые въ силу ихъ царственной власти и авторитета полагали, что все, относящееся до государства, зависитъ отъ ихъ воли и фантазіи. По этому поводу «общій толкъ» замѣтитъ: «что же это за государь, который не могъ бы поступать, какъ ему угодно?» На это Старки отвѣчаетъ, что «подобный порядокъ былъ, есть и всегда будетъ самымъ большимъ ущербомъ для государства.... Вѣдь безспорно и общепринято, что страна не можетъ управляться и поддерживаться въ добромъ порядкѣ, гдѣ все повелѣвается волею одного, не избраннаго, а получившаго свою власть въ силу естественнаго порядка наслѣдованія: вѣдь рѣдко можно наблюдать, чтобы тѣ, кто дѣлается королями по наслѣдственному праву, стóпли подобнаго высокаго авторитета[1]». Старки

[1]) p. 100. «our cuntrey hathe byn governyd and rulyd thes many yerys under the state of pryncys, wych by theyr regal power and pryncely anthoryte, have jugyd al thyngys perteynyng to the state of our reame to hange only apon theyr wyl and fantasye... For what ys a prynce (as hyt ys commynly sayd) but he may dow what he wyl?... thys ys sure and a gospel word, that cuntrey can not be long wel governyd nor maynteynyd wyth gud pollycy where al ys ruled by the wyl of one, not chosen by electyon, but commyth to hyt by natural successyon; for syldom seen hyt ys that they wych by successyon comme to kyngdoms and reamys are worthy of such hye authoryte».

сказалъ.... и испугался. Не значитъ ли это «сѣять измѣну»? И все же онъ находитъ въ себѣ мужество остаться при своемъ постулатѣ политической мудрости. «Хотя бы и могло случиться, что наслѣдственный король достоинъ своей власти, но изъ одного и, къ тому же, рѣдкаго случая, нѣтъ оправданія для обычнаго явленія. А поэтому и лучше отстранить короля отъ пользованія столь (большимъ) авторитетомъ и ввѣрить его общему совѣту королевства, засѣдающему въ парламентѣ. Вѣдь давать королямъ полноту власти значитъ разрушать всѣ законы и порядокъ, какъ это явствуетъ чуть ли не по ежедневному опыту: статуты принимаются въ парламентѣ, а королевскія грамоты ихъ нарушаютъ и отмѣняютъ —все равно какъ диспенсаціи по церковному праву привели къ разрушенію церковнаго закона[1]». Это утвержденіе крайне характерно: уже Тюдорамъ т. о. предъявляется обвинительный пунктъ въ злоупотребленіи диспенсаціонной властью,— пунктъ, по которому въ слѣдующемъ столѣтіи отвѣтятъ Стюарты. За филиппиками Старки скрывается, однако, не только боязнь и, быть можетъ, не столько боязнь утвержденія въ Англіи абсолютизма, сколько страхи, что за Генрихомъ VIII, этимъ естественнымъ вождемъ народа, придетъ на смѣну тотъ, въ чьихъ рукахъ власть можетъ оказаться разрушительной для государства: узурпаторъ или ребенокъ[2]. Отсюда и защита

[1]) p. 102: «though hyt be so that some one may chaunce by successyon to be borne worthy of such authoryte. yet thys ys sure,—bycause syldom that happenyth, and many for one be no thyng worthy the same,—that bettur hyt ys to the state of commynwele, to restreyne from the prynce such hye authoryte, commyttyng that only to the commyn counseyl of the reame and parlyamente assemblyd in our cuntrey. For such prerogatyve in powar grauntud to pryncys ys the destructyon of all lawys and pollycy. Thys you may almost in experyence dayly see; for ther be few lawys and statutys, in parlyamentys ordeynyd, but by placardys and lycence opteynyd of the prynce they are broken and abrogate and so to the commyn wele dow lytyl profyt; even lyke as dyspensatyonys have done in the Popys law, wych hathe byn the descructyon of the law of the churche».

[2]) Въ цит. выше обращеніи къ Генриху VIII проглядываетъ та же тревога по поводу того, что ждетъ Англію въ случаѣ бездѣтной смерти короля: хотя Старки и утѣшаетъ себя надеждой, что заключеніе брачнаго союза съ Анной Болайнъ принесетъ королю потомство, но все же у него «сильная надежда», что король, ради общаго спокойствія, назначитъ себѣ преемника. («For now as touchyng your gracys successyon I trust we in thys tyme schal never see occasyon of controversye; for as much as such frute as hyt schal pleyse god to send your hyghnes to our comfort by thys your last matrymony schal put al thyngys out of dowte

избирательной монархіи. Отсюда и проэкты реорганизаціи королевскаго совѣта. Говорятъ, что избраніе короля, которое Старки хотѣлъ бы поручить парламенту, даетъ поводъ для всякихъ неурядицъ, взаимной борьбы претендентовъ на престолъ; авторъ отражаетъ этотъ доводъ въ пользу наслѣдственной монархіи указаніемъ на примѣръ Венеціи, гдѣ избраніе дожа не вызываетъ подобнаго соревнованія: никто здѣсь не обнаруживаетъ большой амбиціи сдѣлаться высшимъ лицомъ въ государствѣ, потому что дожъ обязанъ соблюдать «добрый порядокъ и законность», иными словами потому, что его власть не есть власть неограниченная. Подобное явленіе наблюдалось бы и въ Англіи, если бы король былъ ограниченъ въ своей власти. Это единственное мѣсто въ Діалогѣ, гдѣ Старки ясно говоритъ, что и избирательная монархія должна быть ограниченной: общій же тонъ оставляетъ скорѣе впечатлѣніе, что лишь тамъ, гдѣ приходится удержать наслѣдственную монархію, вступаютъ въ силу тѣ ограниченія, которыя рекомендуетъ Старки. Эти ограниченія заключаются прежде всего въ избраніи королевскаго совѣта парламентомъ, средство, съ которымъ ужъ выступалъ Фортескью. Но Старки идетъ дальше. Онъ не согласенъ предоставить совѣтъ его собственнымъ силамъ. Не созывать же «большой парламентъ» каждый разъ, какъ возникаетъ необходимость устранить одного, или назначить другого члена совѣта: вѣдь это очень хлопотно для націи, лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ парламентъ долженъ засѣдать въ полномъ составѣ, но зато въ Лондонѣ долженъ постоянно пребывать «авторитетъ» парламента или, какъ Старки выражается, «маленькій» парламентъ. Это постоянная такъ сказ. комиссія парламента. Въ составъ ея входятъ четыре лорда, два епископа, три главныхъ судьи и три лондонскихъ «гражданина», т. е. представители лондонскаго Сити. Послѣднее обстоятельство, нѣсколько непонятное на первый взглядъ,

and ambyguyte, and yet grete hope I have that your hygh wysedome and pollycy, consydcryng the mortalyte of man and the uncertaynty of frute, the mean tyme wyl never suffer thys your Reame to stond wythout heyre appoyntyd by your powar and authoryte, specyally seyng that to the appoyntment therof are joyned such occasyonys so manyfold benefytys, and commyn graundys of al quyetnes and tranquyllyte».

объясняется очень просто: Старки не хотѣлъ бы заставить иныхъ представителей земли жить въ столицѣ—проще, а, главное, дешевле было бы воспользоваться услугами мѣстныхъ жителей. Обязанности парламентской комиссіи—слѣдить за порядкомъ въ странѣ, «подавлять мятежи», защищать свободу «всего тѣла народнаго» каждый разъ, какъ только король и его совѣтъ склонялся бы къ чему либо вредному, или невыгодному (prejudycyal) для этого тѣла. Въ рукахъ членовъ комиссіи право созывать парламентъ, какъ только это покажется необходимымъ для реформированья государства. Черезъ ихъ же руки проходятъ всѣ акты по заключенію договоровъ, союзовъ, объявленія войны, подписанія мира. Все остальное должно осуществляться королемъ и его совѣтомъ. Послѣдній состоитъ изъ 4 лордовъ, двухъ епископовъ и шести докторовъ: по два канониста, цивилиста и по два спеціалиста по «common law»; кромѣ нихъ въ совѣтъ входятъ четверо «знатныхъ» лицъ, свѣдующихъ и опытныхъ въ дѣлахъ политики[1]. Характерно, что проэкты Старки отмѣчены болѣе аристократическими тенденціями, нежели у Фортескью: въ парламентской комиссіи засѣдаютъ лишь три представителя общинъ, а лорды попадаютъ туда ex officio—это высшіе дворцовые сановники, и одному изъ нихъ Lord High Constable-ю Старки даетъ предсѣдательское мѣсто въ комиссіи въ силу фантастическихъ соображеній, что этотъ сановникъ издревле будто бы былъ противовѣсомъ и умѣряющимъ элементомъ власти короля. Королевскій же совѣтъ и совсѣмъ лишенъ представителей земщины; политическую опытность Старки ищетъ не здѣсь, а среди знати. И въ другихъ частяхъ своего Діалога авторъ обнаруживаетъ тяготѣнье къ аристократизму: его заботы напр. о воспитаніи юношества не идутъ дальше попеченья о томъ, какъ бы создать достойныхъ правителей изъ членовъ знатныхъ домовъ; онъ не хочетъ отмѣнить права первородства по отношенію къ высшему дворянству, но критически относится къ тому, когда то же начало примѣняется къ «каждому» дворянину или джентльмену. Но

[1]) Составъ, какъ «маленькаго» парламента, такъ и совѣта, нѣсколько варіируется на протяженіи Діалога.

за повышеннымъ положеньемъ въ государствѣ идутъ и повышенныя требованья: отсюда призывъ Старки, обращенный къ англійской аристократіи, отдать всѣ силы на служенье «тѣлу государственному». — Политическій радикализмъ Старки не сопровождался у него радикализмомъ соціальнымъ. Онъ противникъ ломки сложившихся отношеній и съ прискорбіемъ констатируетъ какъ въ его дни люди перестаютъ быть довольными тѣмъ, къ чему ихъ предназначила судьба[1]. Страсть къ наживѣ заставляетъ ихъ бросать привычное дѣло и браться за то, что обѣщаетъ легкое обогащеніе. Средневѣковыя путы падали, а Старки продолжалъ настаивать на необходимости обузданья частной иниціативы: онъ проэктируетъ учрежденье особыхъ чиновниковъ, которымъ должна быть поручена провѣрка способностей гражданъ и распредѣленіе ихъ по соотвѣтствующимъ профессіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Старки рѣшительный противникъ паразитарнаго существованья: каждый долженъ чѣмъ либо заниматься: государство, въ которомъ много праздныхъ людей подобно человѣку, одержимому водянкой, болѣзнь, которую Старки приписываетъ медлительности движенья тѣлесныхъ частицъ.

Проэктъ политической реформы, развитой въ Діалогѣ, любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ свидѣтельствуетъ, какъ

[1]) Протестъ противъ разрушенья сложившихся соціальныхъ отношеній встрѣчается и у другихъ англійскихъ писателей эпохи Старки. Характеренъ слѣдующій отрывокъ изъ эпиграммъ Роберта Кроули (Robert Crowley, Select works, E. E. T. S. 1812, p. 20):

It is sayde, that in Croydon
there dyd sometyme dwell
A Colier, that dyd
all other Coliers excell.
For his riches thys Colier
myght have bene a Knight
But in the order of knighthode
he hadde no delyght
Woulde God all our Knightes
did minde coliuge no more
Than this Colier dyd knyghtyng.
as is sayde before.

(«Говорятъ, что въ Кройдонѣ (подъ Лондономъ) жилъ нѣкогда угольщикъ, который превзошелъ всѣхъ остальныхъ угольщиковъ. По его достатку этотъ угольщикъ могъ бы сдѣлаться рыцаремъ, но въ рыцарскомъ званіи онъ не находилъ никакой утѣхи. Дай Богъ, чтобы всѣ наши рыцари думали не больше объ угольномъ дѣлѣ, чѣмъ этотъ угольщикъ о рыцарскомъ, какъ сказано выше»).

еще слабо сознавалась необходимость частнаго и регулярнаго созыва парламента: Старки рекомендуетъ свой «маленькій» парламентъ потому, что созывъ большого слишкомъ чувствителенъ для народнаго кармана. Именно потому, что парламентъ созывается рѣдко, нельзя предоставить королевскій совѣтъ собственнымъ силамъ: вѣдь, хотя и избранный парламентомъ, совѣтъ есть все же органъ королевской власти, подчиненный ему въ направленіи политики. Нуженъ поэтому независимый и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянный выразитель народныхъ нуждъ: имъ и предназначена быть та комиссія парламента, которую проэктируетъ Старки. Контроль королевской власти усматривается т. о. не въ томъ, что въ совѣтъ попадаютъ угодныя парламенту лица, а въ томъ, что парламентъ обращается какъ бы въ постоянное учрежденіе. До парламентаризма, въ его позднѣйшей формѣ, еще далеко.

Въ Діалогѣ Старки есть крайне интересныя замѣчанья о происхожденіе абсолютизма въ Англіи. Корни его Старки относитъ не болѣе не менѣе какъ къ эпохѣ Вильгельма Завоевателя—«завоевателя или тирана, называйте его какъ хотите». Эксцессы королевской власти т. о. чужеземнаго происхожденія; борьба съ ними поэтому есть дѣло національной гордости, и необходимость ея усугубляется еще тѣмъ, что завоеватели принесли не только королевскій абсолютизмъ, но и другое зло: развѣ французскій языкъ, который принятъ въ судахъ, не свидѣтельствуетъ о «нашемъ порабощеніи норманнами», спрашиваетъ Старки. И болѣе того: «кто настолько ослѣпъ, кто не замѣчаетъ великаго позора для нашей націи, великаго безславія и мерзости (rote), которыя остаются въ насъ, поскольку мы управляемся законами, которые намъ даны такой варварской націей какъ норманны?» Отсюда призывъ со стороны Старки, съ одной стороны, вывести французскій языкъ изъ употребленья въ судахъ, а съ другой стороны, принять гражданскій законъ римлянъ, который является правомъ почти всѣхъ христіанскихъ націй и который такъ близокъ къ праву природы.

Старки типъ реформатора, а не утописта, не потому только, что ему мало доступна мысль о земномъ раѣ, но и по-

тому, что онъ знаетъ, какъ трудно бороться со сложившимися предразсудками: «много вещей есть въ жизни человѣка, которыя, послѣ того какъ онѣ были въ пользованіи и по общему согласію цѣлыми годами признавались, тяжко и полно великихъ трудностей вырвать изъ человѣческихъ сердецъ, какъ бы онѣ ни были противны разуму и доброй человѣчности»[1].— Чувство законности, аристократизмъ, національнизмъ и консерватизмъ: какъ рано опредѣлились эти черты англійской натуры!

---

[1]) I perceyve wel, that many thyngys here in mannys lyfe, aftur they be used, and by commyn opynyon many yeres admytted, though they be never so repugnant to reson and gud humanyte, yet to pluk out of mennys hertys and myndys, hyt ys hard and ful of gret dyffyculty.

Трактатъ Джона Гукера о парламентѣ.

Т. Д. Гарди (Hardy) въ предисловіи къ его изданію «Modus Tenendi Parliamentum» (p. XVII) констатируетъ, что, хотя этотъ трактатъ и былъ извѣстенъ въ теченіе многихъ лѣтъ, однако, какъ это ни странно, латинскій текстъ не былъ опубликованъ въ Англіи, переводъ же появился уже въ 1641 г. Утвержденіе это неправильно въ томъ, что касается перевода: среди памфлетовъ, изданныхъ Сомерсомъ (Somers Tracts, vol. 8, 2nd ed. p. 175) указанное сочиненіе перепечатано съ перевода, который былъ сдѣланъ еще въ 1572 г. Джономъ Вауэллемъ alias Гукеромъ (Vowell-Hooker). Въ статьѣ о послѣднемъ въ Нац. Біогр. Словарѣ (D. N. B., vol. XXVII, p. 228) въ числѣ литературныхъ работъ Гукера упоминается «Порядокъ и обычай держать парламентъ въ Англіи», изданный отдѣльно въ 1572 г. и вмѣстѣ съ «Описаніемъ Экзтера» въ 1575. Среди каталоговъ главнѣйшихъ книгохранилищъ Англіи нѣтъ, повидимому, надежды найти «первое» изданіе книги Гукера: единственный существующій экземпляръ, въ нихъ упоминаемый, есть именно тотъ, который въ статьѣ Словаря отнесенъ къ 1575 г. Онъ находится въ Британскомъ Музеѣ и дата его публикаціи въ «Каталогѣ книгъ Б. М.... напечатанныхъ до 1640 г.» въ гипотетической формѣ отнесена къ 1575 г. Возникаетъ мысль, что авторъ статьи о Гукерѣ въ D. N. B. былъ введенъ въ заблужденіе датами, приведенными въ указанномъ каталогѣ и въ памфлетахъ Сомерса: разницу въ обозначеніи года напе-

чатанія книги Гукера онъ принялъ за разницу въ числѣ изданій. Что послѣднихъ было лишь одно, за это говоритъ не только молчаніе каталоговъ—само по себѣ не достаточно убѣдительное—но и то обстоятельство, что Гукеръ въ длинномъ предисловіи къ своему сочиненію (1575 г.) не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека, что она печатается во второй разъ.

То, что дѣлаетъ особенно цѣннымъ книгу Гукера, есть не столько переводъ «Modus»-а, сколько сопровождающій его самостоятельный трактатъ объ англійскомъ парламентѣ въ дни Елизаветы[1]. Изучая этотъ послѣдній, нельзя не вынести впечатлѣнія, что большая несправедливость была совершена по отношенію къ Гукеру какъ его современниками такъ и послѣдующими поколѣніями: въ то время какъ трактатъ Сэра Томаса Смиса лишь до 1641 г. выдержалъ одинадцать англійскихъ и три латинскихъ изданія, сочиненіе Гукера лишь однажды прошло черезъ печатный станокъ[2]. Причину этого игнорированія не трудно найти: она заключается въ различномъ соціальномъ положеніи обоихъ авторовъ. Сэръ Томасъ, который кончилъ свою многостороннюю и блестящую карьеру въ роли государственнаго секретаря, гораздо легче могъ привлечь общее вниманіе, нежели «джентльменъ и казначей» отдаленнаго провинціальнаго города, который къ тому

[1]) Нѣсколько словъ о манускриптахъ и перепечаткахъ этого трактата: къ числу MSS, указанныхъ въ D. N. B. слѣдуетъ еще прибавить MS, находящійся въ городскомъ архивѣ Экстера (Exeter). Любопытно, что трактатъ Гукера неоднократно описывался какъ неопубликованный: такъ поступилъ Charles Worthy относительно MS въ геральдической коллегіи, J. B. Davidson относительно указаннаго экстерскаго MS (Cp. Devonshire Association's Reports, XI, 1879).— Изъ перепечатокъ можно указать: 1) Holinshed's Chronicle 2) the History of the Principal Transactions of the Irish Paliament by Lord Mountmorres, vol. I.— Гукеру приписывается составленіе особаго трактата объ ирландскомъ парламентѣ его дней (ср. An original MS of John Hooker, ed by H. E. Reynolds, 1892, p. I). Это спорный вопросъ. Будучи членомъ парламента въ Дублинѣ (1569), Гукеръ дѣйствительно имѣлъ порученіе ознакомить ирландскую палату съ англійскими парламентскими порядками. Что изъ этого вышло, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ слова самого Гукера въ Holinshed's Chronicle (2nd ed. p. 121), что онъ роздалъ свой «Порядокъ и обычай» членамъ ирландскаго парламента покоятся на очевидномъ недоразумѣніи: трактатъ этотъ во всякомъ случаѣ ранѣе 1571 г. не былъ опубликованъ. Возможно, что тутъ рѣчь идетъ о рукописныхъ наброскахъ, которые Гукеръ впослѣдствіи, лично ознакомившись съ жизнью англійскаго парламента, обработалъ для печати.

[2]) Ссылки современниковъ на Гукера будутъ указаны въ дальнѣйшемъ.—Изъ современныхъ писателей имъ пользуется Porritt. Послѣдній ошибочно называетъ Гукера представителемъ Tiverton-a.

же имѣлъ, повидимому, больше наклонностей антикварія, нежели политическаго дѣятеля.

Свой парламентскій опытъ Гукеръ пріобрѣлъ въ качествѣ члена отъ Экзтера въ парламентѣ 1571 г., и его собственныя слова объ этомъ подтверждаются свидѣтельствомъ въ журналахъ Д'Юса (D'Ewes Journals, p. 162), гдѣ его имя встрѣчается въ числѣ членовъ комиссіи «касательно Бристоля». Отсутствіе его имени среди ораторовъ въ пленарныхъ засѣданіяхъ Гукеръ объясняетъ тѣмъ, что у него были какіе то дефекты въ голосѣ, и «тѣмъ не менѣе», говоритъ онъ, «въ такомъ кредитѣ я былъ у палаты, что по общему согласію часто избирался въ комиссіи по отвѣтственнымъ и важнымъ дѣламъ»[1].

Хотя свой трудъ Гукеръ и предназначаетъ, главнымъ образомъ, для освѣдомленія всего государства («the whole estate and Commonwealth of this Realme»), онъ не упускаетъ изъ виду и критическихъ цѣлей. «Когда я размышляю», говоритъ онъ въ «письмѣ», предпосланномъ его трактату, «о благородномъ чинѣ и большомъ величіи высокаго парламентскаго собранія этого королевства, кое, въ виду его превосходныхъ качествъ, всѣ истинные англичане почитаютъ и любятъ, я прихожу тотчасъ въ большое недовольство самимъ собою и прочими, кто, будучи въ знаніи несвѣдущъ, въ разумѣ слабъ, въ опытѣ неумѣлъ и во всѣхъ отношеніяхъ весьма негоденъ для подобнаго почтеннаго собранія, тѣмъ не менѣе избирается туда.... Если здѣсь по старинному порядку, чиннымъ образомъ должны бы засѣдать древніе годами сенаторы и мудрые отцы (отечества), есть ли здѣсь мѣсто для юнцовъ, быстрыхъ на рѣшеніе, для молодежи безъ образованія и безъ опыта, увлекаемой, подобно перышку вѣтромъ, всякой бездѣлицей,—молодежи, не дающій себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, не взирающей на публичное благо?»[2]

[1]) Что имя Гукера, по словамъ D. N. B., не упоминается въ «Спискѣ членовъ парламента» (The Blue Book, 1878) объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что, по какому то недосмотру, парламентъ 1571 г. пропущенъ въ этомъ изданіи.

[2]) when I do think and consider of the noble state and great majestie of the high courts of Parliament of this Realme which for the excellencie and worthines therof, is of all true English men to be honored and embraced: I do foorth with fall in great dislike as wel with myself as with others which being in

Авторъ подаетъ совѣтъ, «что при избраніи рыцарей и бюргеровъ никто не долженъ проходить, кто чуждъ общественному благу, юнъ годами, слабъ разумѣніемъ и робокъ въ рѣчахъ[1]». Но, хотя этотъ совѣтъ и обращенъ ко всѣмъ членамъ палаты общинъ, однако, въ глазахъ автора, корень зла лежитъ лишь въ дефектахъ при выборахъ представителей отъ городовъ. «Если городскія власти», говоритъ онъ въ концѣ своего письма, «не станутъ болѣе тщательно относиться къ выборамъ своихъ представителей, благосостояніе городовъ можетъ пошатнуться, а ихъ муниципальный строй погибнуть»[2]. Эти слова получаютъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что подобное вторженіе нежелательныхъ элементовъ въ палату общинъ отмѣчено въ дебатахъ, имѣвшихъ мѣсто именно въ томъ парламентѣ, къ которому принадлежалъ Гукеръ. Однако, ораторы, выступавшіе по этому поводу, дѣлали по адресу представителей отъ городовъ упреки не совсѣмъ такого же характера: имъ ставилось въ вину избраніе молодыхъ неопытныхъ людей «изъ-за ихъ образованности» («many young men not experienced for learning sake were often chosen»). Быть можетъ дѣло шло о внѣшнемъ, не углубленномъ житейскимъ опытомъ образованіи, какое и Гукеръ едва ли привѣтствовалъ бы въ стѣнахъ парламента. Но и онъ, и критики внутри палаты подчеркивали наплывъ зеленой молодежи. Это было знаменіемъ времени: палата общинъ разсматривалась уже какъ школа, гдѣ юноша могъ пріобрѣсти извѣстный политическій навыкъ для дальнѣйшей карьеры.

Любопытно, что Гукеръ въ роли члена дублинскаго парламента (1569) выступаетъ въ иномъ свѣтѣ, нежели этого

learning ignorant, in wisdome weke, in experience unskilful and in every respect very unfit for such an honorable assembly, should be chosen and admitted to the same.... If the olde senators and wise Fathers, ought there to sit in ancient order and in grave maner: what place is there for punies, rash heddes and yung men, who having no learning and less experience, are carried away (as a fether with the winde) with every light toy, making no account, nor having any regarde at all to the publique weale»?

[1]) «in choice of the Knights, Citizenes and Burgesses: none be chosen which are straungers to the Common welth, yung of yeeres, weke of discretion and timorous to speak.

[2]) If the Rulers and governors of Citties and townes doo not more carefully look to the choice of their citizens and Burgesses their states may paradventure be in danger to be shaken, und their governments be in peril to perish».

можно было бы ожидать, судя по его трактату. Прежде всего самый фактъ согласія быть представителемъ отъ города, съ которымъ у него не было ничего общаго, мирится плохо съ рѣшительнымъ протестомъ Гукера противъ аналогичныхъ явленій въ Англіи. Еще менѣе вяжется съ его теоретическими воззрѣніями та надменная рѣчь, которую онъ произнесъ въ ирландской палатѣ общинъ, съ цѣлью подавить оппозицію правительственнымъ биллямъ: «ея величество, въ силу ея собственнаго королевскаго авторитета», говорилъ онъ, «могла и можетъ утвердить ихъ (т. е. билли) безо всякаго согласія съ вашей стороны, подобно тому, какъ она ужъ дѣлала въ Англіи»[1]. Напрасно стали бы мы искать въ трактатѣ Гукера какихъ либо точекъ опоры для королевской прерогативы, какъ чего то противоположнаго парламентскимъ правамъ. Авторъ, правда, достаточно знакомъ съ «гражданскимъ», т. е. римскимъ правомъ, чтобы игнорировать изреченіе: «quod principi placet legis habet vigorem», но онъ не извлекаетъ изъ него никакихъ логическихъ выводовъ. Процитировавъ текстъ, онъ спѣшитъ увѣрить читателей, что «даже языческіе писатели держатся того мнѣнія и утверждаютъ, что только то законъ «quod sapienti bonoque principi placet cui nil placet, nisi quod honestum ac quod seniorum juditio atque sententia probatum est fore Republica»[2]. Ту же мысль Гукеръ еще опредѣленнѣе выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «король, хотя онъ и главный правитель, но по законамъ этого королевства онъ не можетъ установить распорядокъ, или издать законъ иначе, какъ въ парламентѣ, съ совѣта и согласія всѣхъ чиновъ и мудрыхъ людей королевства»[3]. Участіе сословій въ законодательствѣ въ глазахъ Гукера оправдывается также практическими соображеніями: «ко-

[1]) «her majestie of her owne roiall authoritie might and may establish the same without anie of your consents as she hath alreadie doone the like in England», Holinshed's. 2 nd vol., p. 120.

[2]) «the Ethnics themselves doo holde the opinion and affirme, that unless the lawes be just and made according to the rule of wisdome, and for the commonwealth: it is no law, for that is law (въ текстѣ).

[3]) «the King himself although he be cheefest ruler yet by the laws of this realme he can not establish order or make any law: but only in Parliament and with advise and consent of all the Estates and sages of the same».

роль или первоправитель (Prince), какъ бы онъ ни былъ мудръ, ученъ опытенъ, не въ состояніи, однако, быть точнымъ и совершеннымъ во всѣхъ вещахъ. Не то сенатъ, состоящій изъ мудрыхъ, солидныхъ, ученыхъ и опытныхъ людей; собираясь вкупѣ они составляютъ какъ бы единое тѣло, со многими глазами, чтобы смотрѣть, со многими ногами, чтобы ходить, со многими руками, чтобы работать: столь осмотрительны они въ отношеніи правительственныхъ дѣлъ, что они все замѣчаютъ, нѣтъ для нихъ ничего, скрытаго или тайнаго, ничего чуждаго или новаго, великаго или важнаго, будь то вопросы войны или мира, во всемъ этомъ они дадутъ добрый совѣтъ, все это они взвѣсятъ съ мудростью, осторожностью и искусствомъ»[1]. Созывъ подобнаго собранія способенъ произвести въ беззаконномъ государствѣ «какъ бы метаморфозу»: внести миръ и порядокъ на мѣсто гражданскихъ междоусобицъ. Таковъ былъ результатъ созыва сословій въ англо-саксонскую эпоху, моментъ, къ которому авторъ относитъ начало парламентовъ въ Англіи. Подобное настаиванье на древности парламентскихъ учрежденій весьма характерно: палата общинъ стремится стать на твердое основаніе, а чѣмъ глубже въ даль вѣковъ можетъ быть заложено это послѣднее, тѣмъ лучше.—Трактатъ Гукера является лишнимъ доказательствомъ, что и въ XVI ст. идея парламента, какъ учрежденія экстраординарнаго, продолжала жить въ умахъ: король, говоритъ нашъ авторъ, «долженъ созывать парламентъ лишь изъ-за важныхъ и большихъ дѣлъ, въ коихъ онъ, въ силу необходимости, долженъ воспользоваться совѣтомъ всѣхъ сословій королевства. Прежде всего касательно религіи, затѣмъ—матеріальнаго обезпеченія короля, королевы и ихъ потомства, заключенія ихъ браковъ, установленія

[1]) «the king or Prince, be never so wise, learned and expert; yet is imposible for any one to be exact and and perfit in all things, but a senate of wise, grave, learned, and expert men, being assembled in councel together: they are as it were one body, having many eyes to see, many feet to go, and many hands to labour with all, and so circumspect they are for the government of the Commonwealth, that they se all things, nothing is hid or secret, nothing is strange or new, nothing is so great or weightie to them, but whether it be in cases of war, or of peace, they will be well advised and measure all things. with good reason, circumspection and policie».

порядка престолонаслѣдія, устраненія измѣнниковъ, предупрежденія войнъ, открытія военныхъ дѣйствій, подавленія мятежей, умиренія гражданскихъ войнъ и потрясеній, взыманія субсидій для поддержанія короля и государства, а также для изданія добрыхъ, благодѣтельныхъ законовъ или же отмѣны прежнихъ»[1]. Въ этомъ исчисленіи такъ характерно, что законодательству отводится послѣднее мѣсто, но все же оно отводится опредѣленнымъ образомъ, и нельзя поэтому назвать иначе какъ искусственной попытку Mc Ilwain-a (The High Court of Parliament) доказать, что понятіе законодательной дѣятельности парламента было осознано лишь въ слѣдующемъ, XVII-мъ столѣтіи.

Указы о созывѣ парламента изданы. Страна приступаетъ къ выборамъ. Задача Гукера дать указанія, чѣмъ должны руководиться избиратели. На первомъ мѣстѣ стоитъ соблюденіе избирательныхъ законовъ, а эти послѣдніе предписываютъ, что избранными могутъ быть лишь лица, живущія въ томъ графствѣ или городѣ, отъ котораго они намѣрены пройти[2]. Гукеръ намѣренно игнорируетъ фактъ, что хотя избирательные законы Генриха V и VI и продолжали оставаться въ силѣ, тѣмъ не менѣе «обычай страны» обнаружилъ тенденцію освобождать кандидатовъ отъ стѣснительной необходимости принадлежать къ своему избирательному округу. Дебаты въ парламентѣ 1571 г. показываютъ, что это расхожденіе между закономъ и обычаемъ было общепризнаннымъ фактомъ, который не могъ не обратить на себя вниманія Гукера. Очевидно, вмѣстѣ съ другими членами палаты, онъ видѣлъ въ возвращеніи къ старинымъ из-

1) «ought not to summon his Parlement, but for weightie and great causes, and in which he of necessitie ought to have the advise and counsel of all the estates of his Realme. First for Religion.... Also for assurance of the King and Quecnes persons and their childern, their advancement and preferment in marriages, the establishing of succession, the suppression of Traitors, advoyding and echewing of warres, the attempting or mooving of warres, the subduing of Rebelles and pacifying of civil warres and commotions, the levying or having any aide or subsidye for the preservation of the king, and publique estate. Also the making and establishing of good and wholesome lawes, or the repealing and debarring of former lawes».

2) Good regarde is to be had that the lawes and customs of the Realme be heerin kept and observed, for none ought to be chosen: unlesse he be resiant and dwelling with the sheer, citty or Town, for which he is chosen».

бирательнымъ порядкамъ средство, съ помощью котораго города, пришедшіе въ упадокъ, могли бы возвратить утраченныя силы: у нихъ должны быть для этого свои, а не со стороны пришедшіе, представители.—Отъ формальностей, связанныхъ съ производствомъ выборовъ, Гукеръ переходитъ къ характеристикѣ тѣхъ качествъ, какія оно хотѣлъ бы видѣть у народныхъ представителей. Мало того, чтобы членъ парламента былъ уменъ, образованъ и опытенъ,—у него должно хватать смѣлости «безстрашно высказывать то, что у него на душѣ. Это его долгъ, ибо никто не долженъ быть нѣмъ въ палатѣ, но сообразно съ талантомъ обязанъ держать рѣчь на пользу короля и государства[1]». Стоитъ припомнить, какъ предусмотрительно Гукеръ счелъ нужнымъ объяснить свое молчанье въ стѣнахъ палаты общинъ, и послѣднія его слова не покажутся общимъ мѣстомъ политической мудрости. Въ тѣ дни у средняго члена парламента едва ли было больше возможностей обнаружить свои ораторскія способности, нежели у современнаго коммонера, хотя и по другимъ причинамъ: не столько ограниченность времени въ распоряженіи палаты, сколько извѣстная робость говорить въ присутствіи высшихъ представителей власти, выдающихся юристовъ, вліятельныхъ мѣстныхъ людей дѣлала «нѣмыми» не мало членовъ палаты общинъ въ дни Тюдоровъ. Это въ особенности примѣнимо по отношенію къ маленькимъ людямъ, избранникамъ обветшавшихъ городскихъ общинъ, которыя—пока что—еще не цѣликомъ въ рукахъ окрестныхъ джентри или лондонскихъ карьеристовъ. А дѣйствительно «маленькіе люди» были нѣкоторые изъ этихъ бюргеровъ. Однажды, когда палата постановила, что члены ея должны сдѣлать взносъ «для немедленной помощи увѣчнымъ и больнымъ солдатамъ» («for some present relief for poor maimed and sick souldiers», D'Ewes, p. 503) «одинъ бѣдный бюргеръ отказался платить указанный сборъ въ размѣрѣ пяти шиллинговъ, онъ согла-

[1]) «he ouyht to be grave, wise, learned, skilful, and of great experience in causes of policies and of such audacitie as bothe canne and will boldely utter and speake his minde according to deuty, for no man ought to bee silent or dumb in that house, but according to his talent he must and ought to speak in the furtherance of the King and Commonwealth».

сенъ былъ платить лишь два шиллинга и шесть пенсовъ; вслѣдствіе чего спикеръ хотѣлъ подвергнуть его аресту за неповиновеніе палатскому постановленію, но большинство членовъ было противъ этого, такъ онъ и отдѣлался ничѣмъ». («a poor Burgess refused to pay his said contribution of five shillings, would only pay two shillings and six pence: whereupon the Speaker would have committed him for disobeying the order of the said house. but most of the members of the same were against it, and so he escaped», D'Ewes, p. 507). — У народнаго избранника должно быть еще другое качество: своимъ мѣстомъ онъ не обязанъ королевскому вмѣшательству въ выборы. Описывая «должность и авторитетъ короля», Гукеръ подчеркиваетъ, что «король не долженъ производить выборы, или вліять на нихъ: однако, его добрымъ совѣтомъ не слѣдуетъ пренебрегать»[1].

Парламентъ созванъ и избранъ. Гукеръ приступаетъ къ анализу его внутренней организаціи и функціонированья. Детали, которыя онъ при этомъ даетъ, болѣе многочисленны, нежели въ трактатѣ Смиса и содержатъ рядъ интересныхъ фактовъ относительно парламентскихъ должностныхъ лицъ и ихъ вознагражденья. Такъ напр. о палатскомъ приставѣ Гукеръ сообщаетъ, что, помимо своего обычнаго жалованья, онъ имѣетъ отъ каждаго рыцаря и члена отъ сити по два съ половиной шиллинга, а отъ прочихъ бюргеровъ по два шиллинга[2], — подробность, которая уясняетъ намъ тѣ соціальныя подраздѣленія внутри палаты общинъ, которыхъ еще не сгладилъ процессъ нивеллированья. — Въ главѣ о спикерѣ Гукеръ даетъ понять, въ какой степени возможность, что «первый коммонеръ «окажется подъ воздѣйствіемъ сторонннхъ вліяній была больнымъ мѣстомъ въ его дни. Какъ мѣру предосторожности

[1]) «the King, ought not to make any choice, or cause any choice to be made of any Knight, Citizens, Burgesses, Proctors of the Clergy, Speaker of the common house or Prolocutor of the Convocation house... and yet his good advise is not to be contemned».

[2]) Эта сумма, очевидно, варіировалась: подъ 1592 г. мы читаемъ у Д'Юса о томъ, что «there was given by every member of the House twelve pence a piece to the serjeant... for his attendance, and for the charges of a clock set up by him for the use of the House» (D'Ewes, p. 507). Т. о. за удобства, вродѣ стѣнныхъ часовъ, членамъ палаты приходилась расплачиваться изъ собственныхъ кармановъ.

Гукеръ рекомендуетъ бдительный контроль за дѣйствіями спикера: «онъ не долженъ посѣщать знатныхъ людей, членовъ королевскаго совѣта и другихъ лицъ по парламентскимъ дѣламъ иначе, какъ въ сопровожденіи подходящаго (компетентнаго) коммонера, который можетъ явиться свидѣтелемъ его дѣяній»[1]. Что и внутри палаты поведеніе спикера было далеко не выше критики, на это достаточныя указанія содержатся въ журналахъ елизаветинныхъ парламентовъ[2].—Крайне любопытны тѣ замѣчанія, какія Гукеръ дѣлаетъ касательно распредѣленія мѣстъ въ палатѣ общинъ. «Въ нижнемъ ряду, по обѣ стороны отъ спикера, сидятъ лица, принадлежащія къ королевскому частному совѣту, или главные слуги короля. Что же касается остальныхъ, ни у кого нѣтъ права на особое мѣсто, кромѣ одного исключенія: справа отъ спикера, вслѣдъ за членами совѣта, засѣдаютъ представители отъ Лондона и Іорка, а за ними въ порядкѣ остальные члены городовъ—сити»[3]. Сидѣть вблизи спикерскаго мѣста считалось цѣнной привилегіей. Живую иллюстрацію этому даетъ слѣдующій отрывокъ изъ безцѣнныхъ журналовъ Д'Юса. Государственный секретарь Сесиль, прерывая свою рѣчь, сказалъ: «если въ числѣ тѣхъ, кто сидитъ у выхода, есть желающіе высказать свое мнѣніе, я готовъ не только уступить имъ свое

[1]) «he ought not to restore to any noble man, councellor, or other person to deal in any of the Parliament matter: but must and ought to have with him a competent member of that house. who may be witnesses of his doings».

[2]) Въ парламентѣ 1580 г. «М-ръ Копъ... обратился къ спикеру съ упреками, что по предметамъ, къ которымъ спикеръ относится благосклонно, онъ, безъ разрѣшенія палаты, говоритъ въ ихъ пользу, а въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о чемъ либо ему неугодномъ, онъ путемъ предварительнаго вопроса, лишаетъ слова членовъ палаты», («Mr Cope... said... that Mr Speaker, in some such matters, as he hath favoured, hath without licence of this House spoken to the Bill, and in some other cases which he did not favour and like of, he would prejudice the speeches of the Members of this House with the question, D'Ewes). Джонъ Попамъ (John Popham), королевскій стряпчій (the Queen's Solicitor), былъ въ то время спикеромъ, и у насъ достаточно основаній полагать, что едва ли онъ былъ безпристрастенъ въ отношеніи такихъ безпокойныхъ головъ, какъ Копъ (Authony Cope): тотъ самый Копъ, что въ 1586 г. вмѣстѣ съ тремя коллегами былъ заключенъ въ Тауэръ за пуританскія тенденціи.

[3]) «Upon the lowere rowe on bothe sides the Speaker: sit such personages as be of the Kings privy councel or his chief officers, but as for any, other: none claimeth nor can claim any place, saving, that on the right hand of the Speaker next beneath the said Councellers: the Londoners and the Citizens of York do sit, and in order should sit all the Citizens accordingly».

мѣсто, но и выразить свою благодарность за облегченіе моего труда». Это было истолковано какъ намекъ на сэра Эдуарда Гобби, который, не найдя свободнаго мѣста у спикерскаго кресла, вынужденъ былъ устроиться у дверей. «Мы, сидящіе здѣсь», продолжалъ секретарь, «я говорю по крайней мѣрѣ за себя, принимаемъ эту привилегію какъ результатъ любезности со стороны палаты, а не какъ нѣчто должное».[1] Характерно проявленіе подобной изысканной вѣжливости со стороны министра, который незадолго до этого выслушалъ рѣзкую отповѣдь отъ того же Гобби (Hobby—одинъ изъ блестящихъ парламентаріевъ дней Елизаветы и Якова) за недостатокъ осмотрительности въ способахъ обращенія къ палатѣ.[2]—Характерны замѣчанія, какія Гукеръ дѣлаетъ по поводу внѣшности коммонеровъ: «такъ какъ каждый изъ нихъ долженъ быть солиденъ, мудръ и опытенъ, то соотвѣтственно онъ долженъ выглядѣть и въ костюмѣ: никто изъ членовъ парламента не являлся въ минувшіе годы иначе какъ въ гражданскомъ одѣяніи (gown), а не въ вооруженіи и не опоясанный мечомъ; вѣдь парламентъ есть мѣсто для мудрыхъ, солидныхъ и добрыхъ людей, которые туда являются совѣщаться, дебатировать и рѣшать какіе законы и постановленія необходимы для государства: это не мѣсто для вооруженныхъ людей, готовыхъ биться и рѣшать все мечемъ».[3] По поводу избранія рыцарей отъ графствъ Гукеръ замѣчаетъ: «хотя слова указовъ о созывѣ парламента и гласятъ, что тѣ

[1]) «It there be any that sits next to Door that desires to sit next the chair to give his opinion, I will not only give him my place, but thank him to take my charge». This was conceived to be Sir Edward Hobbie who coming to sit near the Chair and not giving him place, sate next the Door. «We that sit here, for my part, take your favours out of courtesy, not out of duty», D'Ewes, p. 630.

[2]) Сесиль выразился, что спикеръ долженъ «явиться» (to attend) въ королевскій совѣтъ; Гобби потребовалъ отъ него объясненія, какимъ образомъ онъ рѣшается «все королевство» въ лицѣ спикера посылать въ совѣтъ? Сесиль извинился.

[3]) «You shale understand that as every such person ought to be grave, wise and expert, so ought he to show himself in his Apparail, for in times past: none of the Councellors of the Parliament came other wise than in his gown, and not armed nor girded with weapon, for the Parliament house is a place for wise, grave and good men, to consult debate and advise, how to make laws and orders for the Commonwealth, and not to be armed as men to fight, or to try matters by the swoord».

должны быть избраны, кто опоясанъ мечомъ, отсюда не слѣдуетъ, что избранные должны являться въ палату въ вооруженіи или съ мечами, но что они должны быть опытными и свѣдующими людьми въ военныхъ дѣлахъ»[1]. Настаивать на гражданскомъ характерѣ палаты общинъ, напоминать ея членамъ, что даже у представителей отъ графствъ не осталось ничего отъ ихъ воинственнаго характера кромѣ опытности въ военномъ дѣлѣ, едва ли было бы необходимо, если бы это являлось аксіомой, и дѣйствительно въ парламентѣ 1601 г. «усовѣщеваніе было сдѣлано спикеромъ членамъ палаты, чтобы они воздержались впредь являться на засѣданія въ шпорахъ, въ виду того, что это можетъ показаться обиднымъ остальнымъ присутствующимъ... Раздавались также голоса (хотя изъ этого ничего и не вышло), чтобы воспрещены были высокіе сапоги и рапиры»[2]. Что эти попытки были безуспѣшны, вполнѣ понятно: вѣдь и внутри палаты членамъ ея не всегда можно было разставаться съ оружіемъ. Нѣкоторые изъ коммонеровъ имѣли обыкновеніе являться въ парламентъ въ сопровожденіи толпы челяди, и въ результатѣ создавался такой безпорядокъ, что «безъ провожатаго не рѣшались спускаться по лѣстницѣ» («a man dare not go down the stairs without a conductor»), гдѣ, очевидно, вся эта компанія убивала время. Палата неоднократно выносила соотвѣтствующія постановленія, но фактъ, что необходимо было подтверждать ихъ снова и снова, свидѣтельствуетъ, какъ трудно было бороться со зломъ. Внѣ стѣнъ парламента его члены, подобно простымъ смертнымъ, должны были надѣяться главнымъ образомъ на свои силы: въ журналахъ Д'Юса мы слышимъ жалобу М-ра Нортона о томъ, что привратники одной изъ корпорацій юристовъ «весьма дурно обошлись

[1]) «the words of the writs are that such should be chosen for Knights as be cincti gladio not because they shall come into the Parliament House in armour, or with swoords: but because they should be such as have good experience and knowledge in feates of warre, and of martial affaires».

[2]) «Monition was given by Mr Speaker unto the Members of this House they would forbear from henceforth to come into this House with their spurs on, in regard is very offensive to many others of the residue of them... Others also (although nothing were done therein) moved to have Boots and Rapiers away». D'Ewes. 623).

съ нимъ», когда онъ направлялся въ палату, и это не единичный случай[1].

Рядъ вещей въ трактатѣ Гукера, взятыхъ въ отдѣльности, едва ли привлекли бы наше вниманіе, но будучи поставлены въ связь съ журналами палаты общинъ, онѣ выступаютъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Такъ напр. упоминаніе о томъ, что «члены парламента должны быть неподкупны, не должны брать какихъ либо вознагражденій, подарковъ за составленіе биллей или за произнесеніе рѣчей,»[2] становится весьма знаменательнымъ, когда мы наталкиваемся у Д'Юса на тотъ фактъ, что въ парламентѣ 1571, гдѣ Гукеръ присутствовалъ, была назначена комиссія въ отвѣтъ на обвиненія нѣкоторыхъ членовъ въ полученіи взятокъ за вотированье («some of the members of this House should take money for their voices»). Послѣ разслѣдованія—повидимому, весьма поверхностнаго—комиссія сдѣлала докладъ въ томъ смыслѣ, «что члены ея не могли узнать о комъ либо, кто продавалъ свой голосъ или вообще какъ либо незаконно и не напрямикъ поступалъ въ этомъ отношеніи, на что м-ръ Нортонъ заявилъ, что по слухамъ это онъ подъ подозрѣніемъ; онъ оправдывался и, по общему вотуму палаты, подозрѣніе было съ него снято[3]». Быстрота, съ которой казусъ былъ признанъ исчерпаннымъ, можетъ быть, до извѣстной степени, оправдана тѣмъ, что палата была наканунѣ роспуска.

Въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія Гукеръ даетъ касательно распредѣленія времени въ палатѣ общинъ, содержится утвержденіе, что въ послѣполуденные часы засѣданій нѣтъ, такъ какъ это время предназначено для комиссій и конвокаціи духовенства. На дѣлѣ, однако, палата засѣдала и «post meridiem», какъ на это неоднократно указываютъ журналы Д'Юса;

[1]) «two porters of Serjeants Inn, in Fleet Street have much misused him in his attending the service of the house».

[2]) «every one of these houses ought to be incurrupt no briber nor taker of any rewards, gifts, or money, either for devising of any bil, or for speaking of his minde».

[3]) «they cannot learn of any that hath sold his voice in this House, or any way dealt unlawfully or indirectly in that behalf, and therein Mr Norton declaring that he heard that some had him in suspicion, justified himself, and was upon the question purged by the voice of the whole House». (D'Ewes, p. 190). Ср. Commons Journals (temp. Jacobi I) vol. I, p. 212.

къ тому же, самъ Гукеръ въ дневникѣ, который онъ велъ въ парламентѣ 1571 г., упоминаетъ о томъ, что три раза въ недѣлю свой полдень палата отдаетъ частнымъ биллямъ[1]. Послѣднее, однако, не совсѣмъ точно: изъ журналовъ видно, что и публичные билли становились предметомъ занятій въ послѣобѣденные часы,—косвенное указаніе на ростъ парламенскихъ дѣлъ. На это, однако, смотрятъ все еще какъ на экстраординарное, преходящее явленіе, если упомянуть о немъ не считаетъ нужнымъ и сэръ Томасъ Смисъ, подобно Гукеру говорящій лишь о частныхъ биллахъ, какъ предметѣ послѣполуденныхъ засѣданій.

Увеличивающійся престижъ палаты общинъ влечетъ за собой торжественность во внѣшней обстановкѣ: засѣданіямъ палаты готовы придать оттѣнокъ какого то священнодѣйствія. «Когда членъ парламента входитъ въ собраніе, онъ долженъ отдать почтительный поклонъ, а затѣмъ ужъ сѣсть на мѣсто... Каждый ораторъ долженъ говорить стоя и съ обнаженной головой»[2]. Когда сэръ Уольтеръ Роли (Sir Walter Raleigh) попытался произнести свою рѣчь сидя, онъ натолкнулся на рѣшительный протестъ со стороны палаты. хотя онъ и ссылался, что это было комиссіонное засѣданіе (D'Ewes, p. 630). Предложенія, направленныя на увеличеніе импозантности засѣданій, находятъ живой отликъ. Журналы Д'Юса (p. 282) говорятъ о предложеніи «какъ весьма понравившемся и принятомъ палатой», чтобы «спикеръ и остальные члены, званіемъ получше, въ концѣ засѣданія удалялись чиннымъ и примѣрнымъ образомъ, отдавая низкій поклонъ изъ почтительности къ собранію... а не толкались и не толпились неподобнымъ и грубымъ образомъ, какъ это наблюдалось послѣднее время»[3].

[1]) «At afternone the howse sat also, and accordinge to an order taken that on monedayes wenesdayes and frydayes the howse sholde sytt aswell at afternones as at the forenones for the hyring and allowinge of pryvat bylls».

[2]) «when any Knight, Citizen or Burgesse dooth enter and come into the lower House he must meake his dutiful and humble obeyance at his entry in; and then take his place... And wheresoever any person dooth speak to any Bill: he ought to stand up and to be bare headed, and he then with all reverence, gravity, and seemly speach, to declare his minde».

[3]) «Mr Speaker and the residue of the House of the better sort of calling, would always at the rising of the House depart and come forth in comely and civil sort, for the reverence of the House in turning about with a low courtesy

Любопытно, что инициатива этого предложенія исходила отъ представителя правительственной власти.

Заключительныя страницы трактата Гукера посвящены вопросу объ юридическомъ характерѣ парламента. Послѣдній есть «высшее, главнѣйшее и величайшее собраніе (букв. судъ), какой только есть или можетъ быть внутри королевства» («highest, chiefest and greatest court that is, or can be within the Realm»). Его члены призваны «судить» (try) дѣла, восходящія на ихъ разсмотрѣніе, поэтому—очевидно, по аналогіи съ судьями королевскихъ судовъ—въ моментъ вынесенья рѣшенья они обязаны сидѣть, а не стоять, какъ во время дебатовъ. Основаніе, почему парламентъ есть высшеее судъ-собраніе, заключается въ томъ, что въ его составъ входятъ всѣ три сословія, изъ которыхъ слагается королевство, т. е. король, лорды и общины[1]. Эти сословія «могутъ съ общаго согласія установить и издать любой законъ, ордеръ и статутъ, но за отсутствіемъ согласія они не могутъ ничего сдѣлать»[2]. Однако, безразсудство (folly) со стороны лордовъ, отказывающихся уступить чему либо (to «do or yeeld to anything») не должно «урѣзывать короля и общины въ ихъ законной дѣятельности въ парламентѣ» («abridge the King and the Commons of their lawful proceedings in the Parliament»): въ случаѣ ихъ отказа въ кооперированіи съ остальными сословіями «король съ согласія его общинъ можетъ повелѣть и установить любой актъ или законъ, какой имѣетъ столь же полную силу, какъ если бы лорды дали свое согласіе»[3]. Этотъ смѣлый тезисъ Гукеръ подкрѣпляетъ «историческими» доказательствами и аргументами юридическаго характера: «когда парламенты были установлены, въ нихъ не было ни барововъ, ни прелатовъ, а свѣтскихъ лордовъ было мало или почти что совсѣмъ не было,

...and not so unseemly and rudely to thrust and throng out as of late time hath been disorderly used».

[1]) «it consisteth of the whole Realme whiche it devided into three estates».

[2]) «may jointly and with one consent and agreement, establish and enact any laws, orders and statutes for the Commonwealth but being devised, and one swarving from the other: they can do no thing».

[3]) «the King with the concent of his Commons may ordain and establish any Act or law, which are as good, sufficient and effectual as if the Lords had given their consent».

и въ то время король и его общины составляли полный парламентъ, каковой авторитетъ никогда не былъ урѣзанъ. Кромѣ того, бароны въ парламентѣ представляютъ только самихъ себя и говорятъ лишь за себя, рыцари же и горожане представляютъ народъ всего королевства и каждый изъ нихъ даетъ согласіе не только за себя, но и за всѣхъ, за кого они посланы»[1]. Наоборотъ, ничто не можетъ имѣть совершенія помимо общинъ.—Идеологія, ведущая къ признанію политическаго суверенитета палаты общинъ, была т. о. намѣчена у Гукера, и ужъ одно это обстоятельство, казалось бы, должно давать ему право на большее вниманіе, нежели онъ находилъ до сихъ поръ.

---

1) «When Parliaments were first begun and ordained: there were no Prelats or Barons of the Parliament, and the Temporall Lords were very few or none; and then the King and his Commons did make a full Parliament. which authority was hetherto never abridged, again every Baron in Parliament dooth represent but his owne person, and speaketh in the behalf of himself alone. But in the Knights, Citizens and Burgesses, are represented the Commons of the whole Realme, and every of these giveth not consent only for himself but for all those for whom he is sent».

„Замѣчанія о парламентскомъ правѣ“ Ламберта.

Среди манускриптовъ Британскаго Музея (Add. 5123) есть небольшой трактатъ подъ названіемъ: «Нѣкоторыя замѣчанія о порядкѣ, процедурѣ, взысканіяхъ и привилегіяхъ нижней палаты парламента»[1]. Авторъ этого трактата—Уильямъ Ламбертъ или, какъ онъ себя называетъ, Ламбартъ былъ членомъ палаты общинъ въ парламентѣ 1563—67 гг. Онъ представлялъ Ольдборо (Aldborough in York). О своемъ авторствѣ Ламбертъ упоминаетъ въ «Замѣчаніяхъ», когда ему приходится касаться столкновенія палаты общинъ съ Елизаветой по вопросу о престолонаслѣдіи: дебаты были открыты, говоритъ, онъ, «рѣчью автора настоящаго сочиненія У. Л. («by a speech of this writer W: L.»). Что эти инициалы не могутъ означать кого либо иного какъ не Уильяма Ламберта, видно изъ журналовъ Д'Юса, гдѣ подъ 8 ноября 1566 г. упоминается, что «мистеръ Ламбертъ приступилъ къ солидной рѣчи о возобновленіи челобитья къ ея королевскому величеству по поводу

[1]) «some certaine notes of the Order, Proceedings, punishments and privileges of the lower howse of Parliament» by William Lambert or Lambart.—Уже послѣ того какъ манускриптъ былъ мною подвергнутъ изученію, я натолкнулся въ книгѣ Parritt-a, the Unreformed House of Commons, vol. I, p. 435, на цитату изъ трактата, опубликованнаго подъ тѣмъ же почти заглавіемъ въ 1641 г. и перепечатаннаго въ «Harleian Miscellany». По сравненію тѣхъ выписокъ, какія я сдѣлалъ изъ манускрипта, съ печатнымъ текстомъ я убѣдился, что дѣло идетъ не о чемъ другомъ какъ о перепечаткѣ, хотя и не вполнѣ полной «Замѣчаній» Ламберта. Какъ въ сущности бѣдна была литература по парламентскому праву до гражданскихъ войнъ XVII ст., если могъ разсчитывать на распространеніе трактатъ, написанный чуть ли не 60 лѣтъ ранѣе!—Porritt не обратилъ вниманія на характерный языкъ XVI в., какимъ писалъ Ламбертъ и воспользовался его «Замѣчаніями» для иллюстраціи парламентскихъ порядковъ XVII в.

опредѣленія (порядка) престолонаслѣдія»[1]. Къ сожалѣнію, дальше этого констатированія факта авторства итти не приходится: б. м. поиски въ городскихъ архивахъ Ольдсборо откроютъ иныя данныя касательно Ламберта. Его «Замѣчанія» представляютъ интересъ какъ одна изъ самыхъ раннихъ, робкихъ попытокъ систематизаціи парламентскаго права. Если Гукеръ, на котораго Ламбертъ ссылается[2], даетъ обобщающую картину жизни парламента, то задача Ламберта болѣе узкая: онъ хочетъ лишь дать рядъ конкретныхъ прецедентовъ, на которыхъ палата базируетъ свою дѣятельность.

Разсмотрѣнію вопроса о привилегіяхъ палаты и нѣкоторыхъ особенностяхъ ея внутренней жизни, авторъ предпосылаетъ главу о томъ, «какія лица могутъ быть бюргерами въ парламентѣ и какія нѣтъ» («what persons may be Burgesses in Parliament and whoe not»). Было бы ошибочно думать, что рѣчь здѣсь идетъ лишь о представителяхъ отъ городовъ: подъ терминомъ «бюргеръ» Ламбертъ разумѣетъ вообще членовъ палаты. За этой «сбивчивой» терминологіей стоитъ сложная исторія, которую продѣлало парламентское представительство ко второй половинѣ XVI ст.: изъ двухъ раздѣльныхъ группъ— рыцарей и бюргеровъ—образовалась единая масса депутатовъ; по преимуществу дворяне, они оказались окрещенными терминомъ «бюргеръ»: вѣдь численный перевѣсъ на сторонѣ представителей отъ городовъ, хотя бы эти представители и были зачастую членами того же сословія какъ и рыцари отъ графствъ.

Во главѣ палаты стоитъ избранный ею спикеръ. Ламбертъ отмѣчаетъ, что разрѣшеніе «избрать свободно спикера» сводится на практикѣ къ тому, что одинъ изъ членовъ частнаго совѣта называетъ желательнаго королю кандидата («One of his Matie Councell doth use to propound that yt is Matie pleasure that they shall freely chuse a speaker for them. And yeat

[1]) D'Ewes. p. 128: «Mr Lambert began a learned oration for iteration of the Suit, to the Queens Majesty for limitation of succession».

[2]) Свои источники Ламбертъ исчисляетъ въ такомъ видѣ: 1. The ould Treatise: Modus tenendi Parliamentum. 2. Hokers book of the Parliament. 3. The Treatise of Parliament. 4. The fragments of my Writings. 5. The Charter of the Order of Sittinge in Parliament. 6. The Statutes for places in parliament and oath to the Bar.—Было бы любопытно установить, что за «Трактатъ о парламентѣ» имѣетъ Ламбертъ въ виду.

commendethe in his opynione some persoun by name»). Призванный наблюдать за ходомъ преній спикеръ долженъ прежде всего слѣдить, чтобы никто не выражался непочтительно о королѣ и его совѣтѣ. Нарушителей этого правила ждетъ не только лишеніе слова, но и Тауэръ какъ крайняя мѣра. («If anie shall speake dishonorablie of the Kinge or his Councell, he is not only to be ynterupted, but may be alsoe sent by the house into the Tower»). Въ отношеніи королевскихъ совѣтниковъ свободны отъ отвѣтсвенности выступающіе противъ нихъ, когда обвиненія не направлены по адресу опредѣленныхъ лицъ: Ламбертъ ссылается на случай съ лордомъ Уильямомъ Гауордомъ (William Howard), въ царствованіе Елизаветы, когда одинъ изъ представителей отъ Лондона обвинялъ его въ злоупотребленіяхъ, не называя по имени; палата не привлекла обвинителя къ отвѣтственности. Любопытна постановка вопроса, рѣчь идетъ не объ отвѣтственности королевскихъ совѣтниковъ, а о безотвѣтствености депутатовъ, выступающихъ, хотя и съ безымянными обвиненіями; въ дни Ламберта нѣкогда могучее средство—преслѣдованіе министровъ судомъ парламента было позабыто; послѣдній случай этой своеобразной формы судебнаго процесса («impeachment») относится къ 1459 г., и лишь въ 1621 г. палата берется за это старое орудіе въ борьбѣ съ правительственной властью.—Шестнадцатый вѣкъ далекъ еще отъ мысли о парламентской гильотинѣ, и для Ламберта внѣ спора, что «если кто либо говоритъ слишкомъ долго, но говоритъ къ дѣлу, его нельзя оборвать» («If anie speake twoe longe and speake within the matter, hee may not be cutt of»). Вмѣшательство спикера умѣстно лишь тогда, когда говорящій уклонился въ сторону отъ вопроса, занимающаго въ данный моментъ палату, но и въ этомъ случаѣ все, что спикеръ долженъ сдѣлать это «мягко убѣдить его въ томъ, что у палаты мало времени, а много дѣла, и просить его по возможности быть короче» («gentlie admonishe him of the tyme or the busines of the house and pray him to speake as shorte as hee may»). Но этотъ недостатокъ законныхъ средствъ умѣрить ораторскій пылъ компенсировался примѣненіемъ болѣе энергичныхъ мѣръ отъ шума до «оплевыванья», чему свидѣтельство палатскіе

журналы дней Елизаветы. Ламбертъ предвидитъ возможность не только длинныхъ, но и бранныхъ рѣчей; на этотъ случай онъ вкладываетъ въ уста спикера такое обращеніе къ провинившемуся: «прошу васъ оставить эти рѣчи, онѣ здѣсь не подобаютъ, вѣдь это мѣсто правительственное и совѣта. Дѣлать такъ, на это не было приказа. Прошу васъ подумать о насъ всѣхъ, какую опасность толки объ этомъ могутъ породить для насъ» («I prey you spare these worde they become not theis place that is a place of state of councell. It hath not beene the order herd soe to doe. I pray you take care of us all, considering, what daunger the Report thereof may breede unto us»).—«Правительственное мѣсто», палата общинъ должна принимать мѣры, чтобы засѣданія ея посѣщались регулярно. «Обычный пріемъ», сообщаетъ Ламбертъ, «въ среду объявить, что палата произведетъ перекличку въ субботу, а въ субботу, что въ среду и такъ отъ одного дня до другого путемъ страха переклички держать собраніе вмѣстѣ» («It is a comon policie to saye uppon the Wendesday that the house shalbe called on Saturday and on Saturday to say yt shalbe called on Wendesday and soe from day to day by feare thereof to keepe the companie together»)[1].

Наброски Ламберта относятся къ эпохѣ, когда основные принципы парламентскаго права находились въ стадіи формированія; трудно поэтому ожидать онъ нашего автора опредѣленнаго отношенія къ проблемамъ, поставленнымъ жизнью, но еще не рѣшеннымъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Ламбертъ ограничивается нерѣдко исчисленіемъ ряда прецедентовъ, хотя бы и противорѣчивыхъ, но воздерживается отъ выводовъ.— Свободенъ ли парламентъ въ своихъ дѣйствіяхъ, или же онъ долженъ подчиняться указаніямъ со стороны короля? Ламбертъ сообщаетъ, что и отъ короля давались приказы о пріостановленіи неугоднаго ему билля (Commons Journals, 5. III. 1558)

[1]) Ламбертъ игнорируетъ, однако, что парламентъ его дней пытался добиться неукоснительности въ посѣщеніи членами засѣданій и не только путемъ подобнаго пріема: можно было бы указать на цѣлый рядъ законопроэктовъ царствованія Эдуарда и Елизаветы, направленныхъ противъ абсентеизма. Что касается акта 1515 г., то онъ былъ направленъ лишь противъ оставленія Лондона до конца сессіи, «когда различныя большія и важныя матеріи трактуются и принимаются».

и отъ палаты у главы государства искалось разрѣшеніе внести новый билль въ отмѣну стараго (Commons Journals, November, 1549). Коллизій при этомъ не возникало. Ламбертъ ссылается, однако, на менѣе мирный казусъ изъ царствованія Елизаветы, казусъ, въ которомъ онъ самъ являлся однимъ изъ активныхъ участниковъ: это указанное выше столкновеніе королевы съ палатой по вопросу объ установленіи порядка престолонаслѣдія (Ноябрь, 1566). Въ воспрещеніи касаться этого пункта палата усмотрѣла ограниченіе ея свободы. Выходъ изъ обострившагося положенія былъ найденъ въ томъ, что королева взяла назадъ свой запретъ, а члены палаты «поразсмысливъ между собой, воздержались отъ дальнѣйшихъ дѣйствій» («uppon consultation amongst themselves they spared to proceede anie further therein»). Свобода дѣйствій парламента близко затрагиваетъ Ламберта и онъ снова возвращается къ этому вопросу по поводу «наказаній», налагаемыхъ на всю палату за трактованіе извѣстныхъ предметовъ противу королевскаго приказа («for treating of matters against comaundement»). Ламбертъ цитируетъ при этомъ статутъ 1399 г. (cap. 12), гдѣ объявляются измѣнниками члены парламента, если бы они, отложивши въ сторону дѣла, изъ за которыхъ они призваны королемъ, занялись бы, въ первую очередь, чѣмъ либо инымъ. Указавши на то, что статутъ этотъ, принятый въ годъ паденія Ричарда II, былъ отмѣненъ Генрихомъ IV тотчасъ по восшествіи на престолъ, Ламбертъ выражаетъ сомнѣніе, нужно ли было изданіе указаннаго статута даже съ точки зрѣнія королевскихъ интересовъ: «вѣдь король.... созываетъ парламентъ и можетъ распустить его, если ему неугодна его дѣятельность» («the kinge... doth sumon the Parliament and may as well dissolve as he did sumon it if he like not theire Proceedinge»). Идея о томъ, что парламентъ воленъ дѣлать не только то, для чего созвалъ его монархъ, но и проявлять собственную инициативу, робко пробивалась въ сознаніи людей XVI ст., и Ламбертъ, повидимому, стоитъ на сторонѣ Елизаветы, когда послѣдняя въ попыткѣ палаты установить ежегодный публичный постъ и ежедневную проповѣдь передъ началомъ засѣда-

нія парламента (въ 7 час. утра!) усмотрѣла новшество и посягательство на ея церковный авторитетъ (Январь 1581 г.), «въ виду чего», констатируетъ Ламбертъ, «палата подчинилась, и королева даровала свое прощеніе» («for which cause the Comons submitted themselves and she gave them theire pardon»).

Другимъ существеннымъ пунктомъ, около котораго сталкивались интересы короля, парламента и націи, былъ вопросъ о свободѣ членовъ палаты и ихъ челяди отъ ареста. Ламбертъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, частноправовую сторону этой привилегіи: политическое ея значеніе имъ не игнорируется, но трудно сказать, въ какую сторону онъ склонялся. Съ олимпійскимъ спокойствіемъ онъ цитируетъ казусъ съ сэромъ Эдуардомъ Уорнеромъ[1] (Warner), попавшимъ въ 1554 г. въ Тауэръ по приказу королевы; онъ ссылается при этомъ на слова Уильяма Сесиля, что ея величество, по заключенію судей, можетъ заключать въ тюрьму каждаго члена палаты, во время парламентской сессіи, въ наказаніе за оскорбленіе короны и ея достоинства; при этомъ, судьи базировались на нѣкоемъ прецедентѣ («the Queene was offered by the justices that she might comitt any of the house duringe the parliament for any offence aganist the Crowne and dygnitye and that they shewed presidente thereof»). Воздерживается отъ своего сужденія Ламбертъ и тогда, когда ему приходится коснуться классическаго казуса съ Ричардомъ Стродомъ (Strode), который породилъ статутъ 1543 г. о безотвѣтственности членовъ палаты передъ судами за ихъ парламентскую дѣятельность. Этотъ казусъ игралъ большую роль въ XVII ст., но изъ трактата Ламберта видно, что и въ XVI ст. съ нимъ приходилось считаться: когда въ 1586 г. были арестованы четыре члена палаты, королевскій совѣтъ призналъ, «что статутъ (по дѣлу Строда) имѣетъ силу лишь по отношенію къ преслѣдованіямъ, возбуждаемымъ

[1]) Въ «Members of Parliament» (The Blue Book, 1878) имя сэра Эдуарда отсутствуетъ: въ моментъ ареста онъ былъ комендантомъ Тауэра, и арестъ его состоялся, вѣроятно потому, что онъ былъ отчимомъ мятежнаго Уайатта. Трудно сказать, какимъ образомъ этотъ казусъ сдѣлался предметомъ обсужденія въ парламентѣ.

частными лицами, въ обыкновенныхъ судахъ, но не препятствуетъ королевѣ наказывать за злыя слова и иныя злыя дѣянія въ парламентѣ («in the case of Cope and others... the Councell... held that this statute hath place against vexations by other persons in other Courts but not to bynde the Queene that shee shall not punish evill worde or other evill demeanor in Parliament»). Любопытно, что эта послѣдняя фраза выпущена въ печатномъ изданіи 1641 г.

Въ той фразѣ, какую Ламбертъ вкладываетъ въ уста спикера, когда нарушается благопристойность дебатовъ, палата общинъ названа «мѣстомъ правительственнымъ и совѣта». Въ трактатѣ есть, однако, и болѣе опредѣленныя указанія на то, какъ авторъ представлялъ себѣ ея юридическій status. «Если засѣданія палаты прерваны на одинъ день и дальше, по собственному ея постановленію, всетаки спикеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ, долженъ во время этого перерыва прочитывать какой нибудь билль «pro forma exceptis diebus non juridicis» («If the sitting be respited for a Day or more by Order, yet then the speaker, accompanied with some, ought in that Respite, to read a Bill etc»). Этотъ своеобразный формализмъ доказываетъ, что пониманіе палаты общинъ какъ судебнаго органа связывалось съ практическими выводами — разумѣется, когда эти послѣдніе не налагали стѣсненій на дѣятельность палаты; какъ у судей есть сессіонный періодъ, который прерывается лишь по «неприсутственнымъ» днямъ, такъ и въ палатѣ общинъ: прервать теченіе сессіи внѣ ея власти, покуда ея засѣданія не отложены королевскимъ указомъ.

Не объемистый, довольно фрагментарный трактатъ Ламберта заслуживаетъ все же быть отмѣченнымъ въ исторіи конституціонной доктрины, какъ одна изъ самыхъ раннихъ попытокъ систематизаціи парламентскаго права.

Артуръ Холль и его памфлетъ.

Отъ города Grantham въ парламентѣ 1572 г. былъ избранъ нѣкій Артуръ Холль. Если можно довѣрять собственной его характеристикѣ, то, по англійской пословицѣ, Богъ сдѣлалъ по отношенію къ нему свое дѣло («God hath don his parte on him as wee say in English»). Онъ одаренный человѣкъ, съ «sensible tongue», мужественный, «не безъ образованія и не безъ знакомства съ различными языками» («not wholly unlearned, with a smacke of the knowledge of diverse tongues»). Его дефекты: излишнее самомнѣніе (overweenyng of himselfe) и неспособность выносить противорѣчіе (furious when he is contraried). Этому своему послѣднему качеству Холль обязанъ, вѣроятно, тѣмъ, что на него наложенъ запретъ «нарушенья мира» въ его графствѣ подъ страхомъ высокой пени («bound to the peace in no small summes for troubles in his own shire»). Своимъ воспитаніемъ Холль обязанъ Уильяму Сесилю; слугой послѣдняго, т. е. лицомъ, находившимся подъ его патронатомъ Холль себя именуетъ. Тому же Сесилю онъ обязанъ доступомъ ко двору. Признательный кліентъ шлетъ своему покровителю произведенія своей музы, и образецъ послѣдней въ формѣ новогодняго поздравленія сохранился среди документовъ англійскаго государственнаго архива (Record office). Литературные таланты Холля идутъ, однако, дальше: онъ первый переводитъ на англійскій языкъ—хотя и не съ оригинала—Иліаду.

Попавши въ парламентъ, Холль съ мѣста провинился въ произнесеніи «различныхъ скверныхъ рѣчей, какъ въ палатѣ

такъ и внѣ ея»[1]. На этотъ разъ дѣло ограничилось покаяніемъ со стороны виновнаго и «хорошимъ внушеніемъ» (a good exhortation) со стороны спикера. Засѣданія парламента были отсрочены, и вотъ въ перерывѣ между сессіями съ Холлемъ и случился казусъ, который имѣлъ для него рядъ непріятныхъ послѣдствій. Холль, въ его собственномъ изображеніи, былъ большимъ любителемъ таверны и игорнаго дома,—его не смущало, повидимому, званіе народнаго представителя, къ которому онъ готовъ предъявить такія высокія требованія въ своихъ писаніяхъ. Во время одной пирушки у Холля произошло столкновеніе съ нѣкимъ Маллери (Mallerie). Дѣло приняло серьезный оборотъ и кончилось тѣмъ, что слуга Холля жестоко избилъ его противника у собора св. Павла: въ тѣ дни соборъ былъ мѣстомъ для прогулокъ фешенебельной публики, являвшейся туда въ сопровожденіи не только челяди, но и породистыхъ собакъ. Маллери возбудилъ судебное преслѣдованіе-«горячее преслѣдованіе» (hoate suyte). Холль обратился съ просьбой о заступничествѣ къ Лейстеру (Earl of Leicester); послѣдній далъ письмо къ регистратору суда въ Сити (Recorder of London)—вѣдь преступленіе совершилось въ предѣлахъ «города»—процессъ былъ пріостановленъ, но лишь «на немножко» (a while), и, хотя и съ опозданіемъ, судъ все же состоялся. Въ пользу слуги Холля давали показанія лица, обладавшія достаткомъ, «какой по англійскому праву весьма цѣнится въ подобныхъ случахъ»[2]. И все же приговоръ былъ не въ его пользу. Но развѣ братъ истца не велъ какихъ то таинственныхъ переговоровъ со старшиной присяжныхъ засѣдателей во время обѣденнаго перерыва? Нѣкій Гай протестовалъ противъ этого: вѣдь вердиктъ не былъ еще вынесенъ[3]. Холлю удалось найти лицъ, поручившихся, что слуга его уплатитъ штрафъ, къ которому его присудили, но вѣдь отвѣтственность должна въ результатѣ пасть все же на Холля, и вотъ его изобрѣтательность останавливается на слѣдующемъ

---

1) «sundry lewd speeches used as well in this House as also abroad elsewhere». D'Ewes, подъ 17 мая 1572 г.

2) «Theyr free hold, which in the Common Law of England is in such cases much respected, is large. (p. 18 изъ памфлета, о которомъ ниже).

3) «One Guy toke exceptions too, bycause the verdite was not given up», p. 19.

средствѣ: необходимо, чтобы слуга былъ арестованъ за неуплату штрафа, а затѣмъ освобожденъ отъ ареста на основаніи парламентской привилегіи, распространявшейся не только на членовъ парламента, но и на ихъ челядь, «даже на ихъ поваровъ», по выраженію Генриха VIII. Отвѣтственность поручителей, а за ними и Холля должна тогда отпасть[1]. Планы истца или вѣрнѣй его наслѣдниковъ—Маллери къ этому времени уже скончался—были, однако, совсѣмъ иные: если бы слуга не подвергся аресту въ теченіе 15 дней послѣ того, какъ приговоръ былъ вынесенъ, они могли обратить взысканіе на достатки поручителей. И вотъ происходятъ своеобразныя сцены: слуга напрашивается на арестъ, старается держаться у всѣхъ на глазахъ, но его не трогаютъ. Въ дѣло, наконецъ, вмѣшивается воспитатель сына Холля, и арестъ совершается. Но въ палатѣ общинъ хитроумная комбинація Холля потерпѣла фіаско: слуга былъ освобожденъ изъ тюрьмы въ Сити, чтобы попасть въ карцеръ палатскаго пристава. Любопытно, что еще раньше чѣмъ была раскрыта истинная суть дѣла и въ палатѣ поднимался вопросъ о необходимости настаивать на парламентской привилегіи, спикеръ старался отговорить членовъ отъ вмѣшательства въ исторію: вѣдь все равно судьи отмѣнятъ ихъ постановленіе объ освобожденіи арестованнаго (the Judges would rule them over), на что́ ему было отвѣчено, что не судьи имъ, а они судьямъ дѣлаютъ указанія. Холль сообщаетъ, какъ онъ, отправившись просить

[1]) Какъ реагировалъ англійская нація на эту парламентскую привилегію? Лучшимъ отвѣтомъ можетъ послужить памфлетъ (circa 1512) Генри Бринклоу (Henry Brinclow) «Жалоба Родерика Морза» («Complaynt of Roderyck Mors»; E. E. T. S., 1874): въ число золъ, на устраненіи которыхъ настаиваетъ авторъ, включена и свобода отъ ареста коммонеровъ и ихъ слугъ. Авторъ обращается къ парламенту съ слѣдующими энергичными словами: «Вы должны прежде всего покончить съ подобными противососѣдскими, не-братскими и не-богоугодными привилегіями, которыми Вы пользуетесь противно праву и совѣсти, а затѣмъ Вы ужъ сумѣете позаботиться объ общемъ благѣ... Что это, какъ не оплотъ зла?.... Во имя Бога, обратите на это вниманіе и слѣдуйте совѣту Б. Августина: «Пусть обычай дастъ мѣсто истинѣ, чтобы эта послѣдняя управляла вещами». («Se that ye breake first soch unneyhborly, unbrotherly, yea, and ungodly privylegys, as ye yourselvys do enjoy against right and conscience, and than shal ye better se to seke the common welth.... What is this but a mayntenaunce of wyckednesse?... For the lordys sake loke upon these thynges, and folow the councel of S. Austen:—«Let custome gyve place to the truth, so that the truth may rule all things» (p. 44).

за своего слугу, укорялъ спикера тѣмъ, что онъ рѣшился выступить противъ палатскихъ привилегій: «спикеръ, повидимому, былъ задѣтъ за живое»[1]. По разслѣдованіи дѣла палата постановила заключить слугу Холля въ Тауэръ, а его самого обязала уплатить штрафъ въ 100 ф. ст. въ пользу наслѣдниковъ Маллери. Чувство мести заговорило въ пылкомъ эсквайрѣ, и въ результатѣ противъ палаты общинъ появился злостный памфлетъ, который безошибочно былъ отнесенъ на счетъ авторства Холля. Если бы послѣдній въ своемъ «Letter, or rather missive Pamphlet» ограничился сведеніемъ личныхъ счетовъ, его произведеніе могло бы претендовать на мѣсто лишь въ исторіи политическихъ правовъ, но авторъ—по тѣмъ или инымъ соображеніямъ идетъ дальше: язвительные выпады по адресу своихъ противниковъ онъ перемѣшиваетъ съ разсужденіями о происхожденіи, роли и составѣ парламента. Памфлетъ Холля представляетъ поэтому извѣстный интересъ и для историка конституціонной доктрины. Къ тому же и въ бытовой его сторонѣ можно видѣть отраженіе общихъ политическихъ воззрѣній автора.

Памфлетъ носитъ, по обычаю тѣхъ дней, длинное заглавіе: «Письмо, посланное нѣкимъ Ф. А. его близкому другу Л. Б., находившемуся тогда въ Италіи, касательно частной ссоры и недружелюбія, имѣвшаго мѣсто между Артуромъ Холлемъ и Мельхиседекомъ Маллери, джентльменами.—Съ наставленіемъ отца Ф. А. этому послѣднему, какъ члену парламента, для его лучшаго тамъ поведенія»[2]. Памфлетъ Холля обратилъ на себя вниманіе королевскаго совѣта, и автору было приказано пріостановить его распространеніе. Холль, однако, не выказалъ повиновенія, и въ результатѣ въ палатѣ общинъ былъ возбужденъ вопросъ объ опубликованіи памфлета какъ произведенія «не только весьма оскорбитель-

1) He mervailed that he dealt so extraordinarily against him. as to have leave to speake in the prejudice of the priviledge: he seemed to be moved there with», p. 28.

2) A letter sent by F. A. touching the proceedings in a private quarell and unkindnesse between Arthur Hall and Melchisedech Mallerie. gentlemen, to his very friend L. B. being in Italy.—With an admonition by the Father of F. A. to him. being a Burgesse of the Parliament for his better behaviour therein. – Reprinted in Miscellanea Antiqua Anglicana. vol. I, 1816.

наго по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ добрымъ членамъ палаты, но и весьма клеветническаго и порочащаго общій авторитетъ, власть и достоинство палаты и могущаго набросить тѣнь на ея дѣйствія въ созданіи и установленіи законовъ»[1]. Холль изгоняется изъ парламента и заключается въ Тауэръ. Все это не помѣшало ему, однако, пройти въ слѣдующій парламентъ отъ того же города; онъ уклонялся, впрочемъ, отъ посѣщеній палаты, за что получилъ «предостереженіе» (warning) черезъ палатскаго пристава. Съ именемъ Холля мы встрѣчаемся еще разъ въ 1604 г.: въ «Record Office» хранится тщательно переписанная тетрадь, въ изящномъ переплетѣ, съ подписью «Артуръ Холль 24 Апрѣля 1604 г.» Эта докладная записка, посланная Холлемъ Якову I. Изъ нея мы узнаемъ, что Холль находился въ тотъ моментъ въ тюрьмѣ, что ему пришлось и приходится много терпѣть изъ-за «сплина», т. е. изъ злыхъ чувствъ, нѣкихъ лицъ, близкихъ къ королю[2]. Холль пишетъ свою записку, чтобы открыть послѣднему глаза на злоупотребленія при выборахъ въ парламентъ 1604 г. и настоять на необходимости немедленнаго его роспуска. У насъ нѣтъ данныхъ относительно того, какъ и когда скончалъ свои дни неугомонный эсквайръ, но даже предполагая, что въ парламентъ 1572 г. Холль попалъ молодымъ человѣкомъ, къ 1604 г. онъ былъ уже на склонѣ лѣтъ.

Памфлетъ Холля является едва ли не первой, хотя бы и со своеобразной цѣлью задуманной попыткой поставить вопросъ о происхожденіи англійскаго парламента на научную почву. Для автора ясно, что не все то, что выступаетъ подъ обозначеніемъ «парламентъ» и есть тѣмъ самымъ тотъ «новый парламентъ», какой получилъ свое бытіе при Генрихѣ III: вѣдь еще въ эпоху Генриха VIII терминологія такъ неустойчива, что въ статутѣ по дѣлу Ричарда Строда собраніе добытчиковъ олова названо «парламентомъ». Противъ возмож-

[1]) «not only greatly reproachful against some particular good Members of this House of great credit, but also very much slanderus and derogatory to the general Authority, Power and State of this House, and prejudicial to the validity of the Proceedings of the same in making and establishing of Laws». D'Ewes, подъ 4. II. 1581.

[2]) «the splene againste me of some great personages aboute you, whiche I have done and do feele verye heavely».

ности существованія парламентовъ въ подлиномъ смыслѣ этого слова въ эпоху англо-саксонскую Холль выдвигаетъ то соображеніе, что тогда «не было свободнаго времени для парламентовъ» (ther was no leysure for Parliament): это была эпоха войнъ, формированія единаго государства изъ разрозненныхъ частей. Когда Канутъ Датчанинъ сдѣлался абсолютнымъ повелителемъ всего королевства англійскаго, отъ него нельзя было ожидать уступокъ въ пользу націи: «столь великіе завоеватели, по общему правилу, не жалуютъ своимъ подданнымъ свободъ настолько большихъ, чтобы признавать ихъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ (собственно «имѣть съ ними интересъ въ государствѣ»); не берутъ они на себя, съ другой стороны, крѣпкихъ обязательствъ ничего не постановлять безъ согласія двухъ другихъ сословій»[1]. Сказать, что парламентовъ не было въ англо-саксонскую эпоху, значило разрушать вѣру въ «общины» какъ въ искони существовавшій элементъ въ системѣ государственныхъ учрежденій. Холль опредѣленно заявляетъ, что онъ не признаетъ древности «третьихъ голосовъ», т. е. палаты общинъ, хотя бы ему и пришлось разойтись съ мнѣніемъ многихъ[2]. Онъ не хочетъ, однако, чтобы зародилось подозрѣніе въ томъ, что онъ будто бы намѣренъ «набросить тѣнь на это именитое, достойное и необходимое третье сословіе парламента»[3]. Въ участіи общинъ въ правленіи онъ видитъ счастливое и, къ тому же, рѣдкое явленіе: вѣдь дѣло все же идетъ о государствѣ, гдѣ отъ монарха «идетъ ударъ»[4]. А если такъ, то англичане должны памятовать о «великомъ, милостивомъ, щедромъ и постоянномъ фаворѣ со стороны ихъ государей, которые не только дали свободное согласіе на установленіе третьяго сословія, но и больше того: никогда не раскаивались

[1]) «Canutus the Dane... was absolute King of the whole Realme... so great conquerors do not commonly grant such large freedoms to subjects. to have interest with them in the common wealth, neither yet do bind themselves to so hard termes. to establish no thing without the consente of the other two states». Любопытно понятіе «участія въ государственномъ интересѣ»: въ XVII ст. оно сдѣлается крайне употребительнымъ.

[2]) «the Antiquity of our thirde voices. which many do defende», p. 78.

[3]) «to disgrace that noble, grave. and necessarie third state of Parliament. ibid.

[4]) «how happilly we obtained that rare interest in the common wealth. where the monarchial government strikes the stroke», ibid.

въ своемъ согласіи»[1]. Не умалить значеніе палаты общинъ, напротивъ, указать, что за драгоцѣнность въ рукахъ у англичанъ въ видѣ изданія законовъ «по самому свободному и всеобщему консультативному способу»[2],—въ этомъ цѣль памфлета.

Монархія, аристократія и демократія—каждой изъ этихъ формъ правленія присущи извѣстные дефекты, но изъ комбинированія ихъ можно, по мнѣнію Холля, создать такой порядокъ, при которомъ ни у кого не будетъ основанія для жалобъ: вѣдь въ законодательствѣ будутъ принимать участіе всѣ, а если такъ, то каждый тѣмъ самымъ будетъ выражать согласіе на то, что можетъ оказаться къ его благу или ко вреду[3]. Согласіе съ общей волей есть согласіе съ самимъ собой—двумя столѣтіями позже скажетъ Руссо. Подобный идеалъ и осуществляетъ организація англійскаго парламента. Послѣдній состоитъ изъ трехъ чиновъ (сословій): монарха, знати и общинъ. Подъ общинами Холль разумѣетъ, прежде всего, младшихъ сыновей знати и, за немногими исключеніями, всѣхъ «heires apparante»: подъ этимъ терминомъ Холль имѣетъ въ виду старшихъ представителей аристократическихъ домовъ. Любопытно, что ихъ участіе въ нижней палатѣ принимается имъ за общее правило—очевидно, это признавалось необходимой ступенью для будущихъ наслѣдственныхъ законодателей. Затѣмъ слѣдуютъ, въ исчисленіи Холля, джентри и «всѣ остальные» (the whole rest). Въ рукахъ трехъ чиновъ парламента распоряженіе не только жизнью и имуществомъ подданныхъ, но и королевской короной; отъ нихъ зависитъ созданье и измѣненье законовъ: «употребляя англійскую фразу, можно сказать, что законъ въ ихъ рукахъ» («to use the English phrase, the lawe lies in their hands»). Опираясь на все насе-

[1]) «we should not be forgetful of the great, gracious, liberall, and continual favour of our Princes of this land, who have not only consented freely to the confirmation of this third estate, but more than that, never undoubtedly repented the allowance therof», p. 79.

[2]) «to shew what a jewel you have of this most free, general, and universal consultative kind of Lawmaking», ibid.

[3]) «no lawe passe without all their consents, who shall have cause to complaine? who is exempted out of this common wealth? who is wronged or put to the wall? who agrees not to his owne wealth or want?» ibid.

леніе, начиная съ послѣднихъ бѣдняковъ и кончая дворянствомъ, кромѣ тѣхъ его элементовъ, которые засѣдаютъ въ палатѣ лордовъ, общины имѣютъ за собой авторитетъ какъ числа, такъ и силы—авторитетъ народной массы, которая и короля поддерживаетъ, и страну отъ вѣка и до вѣка культивируетъ и населяетъ, и отъ чьихъ рентъ и оброковъ лорды остаются лордами[1]. Облеченная столь высокимъ авторитетомъ, палата общинъ не должна считаться съ желаніями ни монарха, ни лордовъ, поскольку своей уступчивостью она нарушила бы интересы націи. Если на короля и знать не дѣйствуютъ указанія на вредъ, могущій проистечь для страны, палата должна, въ концѣ концовъ, сказать свое «нѣтъ». Если бы не такъ, палата уподобила бы себя—своей неустойчивостью—«бабочкѣ или птичкѣ съ короткимъ вѣкомъ» («a Butterfly, a sixe weekes Birde»)[2]. Для бо́льшей наглядности Холль проводитъ сравненіе палаты общинъ со слугой, рѣжущимъ правду въ глаза хозяину, и со слугой, подобострастно соглашающимся съ каждой его глупостью. Въ результатѣ, и тотъ и другой изгоняются, но авторъ утѣшается тѣмъ, что правда въ итогѣ должна восторжествовать. Обращаясь къ современной ему дѣйствительности, онъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что члены палаты далеки отъ надлежащей стойкости: если бы они всѣ были Улиссами, сиренамъ пришлось бы искать новаго занятія, «но изъ той огромной толпы, что пришла войной къ Троѣ, Улиссъ считался не ровней прочимъ по уму и силѣ сужденія»[3]. Какъ, однако, ординарному коммонеру быть стойкимъ, когда во главѣ палаты стоятъ спикеры, которые не подаютъ соотвѣтствующаго примѣра? Играя словами, Холль

[1]) «it is playne, that you have your authority of the greatest in number, the mightiest de se in force, and by whome the Prince is maintained. the country from age to age manured and peopled, and the Lordes remaine Lordes, whose rentes and services could not be due without them, p. 18.

[2]) «I may not deny but per chaunce some Prince may be willing to procure the passing of a law more beneficiall in particular to him selfe, than pleasaunt to those who are represented in your house. And also the nobility may do the like in their own causes: may you not ductifully repugne such demaundes? may you not argue the inconvenience is like to ensue? may you not boldely yeelde your no? Yes assurdely, and incur no displeasure at all», p. 83.

[3]) «But of that huge multitude that came to the warre of Troye, he was taken the odde manne for witte and judgement», p. 92.

даетъ такую характеристику спикеру Бэллю (to bell=звонить), предсѣдательствовавшему въ парламентѣ 1572 г.: «когда онъ трезвонитъ въ пользу монарха, то полонъ напряженья (to lay on loade=to thrash=добиваться съ усиліемъ) когда говоритъ въ пользу знати, стучитъ ногами, восхваляетъ великодушіе, проповѣдуетъ милосердіе, превозноситъ справедливое выполненіе законовъ, готовъ при случаѣ заткнуть за-поясъ религію, провозглашаетъ ревностную заботливость о бѣдныхъ подданныхъ... и, въ результатѣ способенъ подѣйствовать на людей съ добрыми намѣреніями, которые за недостаткомъ глубокаго сужденія могутъ сказать «да» вразрѣзъ съ ихъ собственными интересами»[1]. Членовъ палаты подстерегаетъ и другая опасность: на нихъ можетъ быть оказано давленіе въ формѣ денежнаго подкупа. «Что мнѣ сказать объ этомъ грязномъ, противоестественномъ и рабскомъ порокѣ, стяжательности, способеномъ изъ-за нѣсколькихъ золотыхъ обратить васъ (члены палаты) въ пристрастныхъ ходатаевъ въ парламентѣ, по подобію ходатаевъ во всякомъ другомъ судѣ, взирающихъ не на благо страны, но на звонъ монеты. У подобныхъ посредниковъ все дѣло дѣлается быстро: билль переписанъ, и они толкутся въ палатѣ, чтобы провести его поскорѣй, сидятъ съ документами въ рукахъ, прочитываютъ ихъ, пересматриваютъ, а все почему?.. Да потому, что денежки побрякиваютъ у нихъ въ копелькѣ: вѣдь билль то частный, касающійся отдѣльнаго лица или же очень немногихъ лицъ, самое бо́льшее муниципальной, купеческой или гильдейской корпораціи или чего либо подобнаго»[2]. Парламентъ т. о. не долженъ

[1]) «if he ring for the prince he layes on loade, if for the nobility he shakes both legges at once, he commends liberality, he prayses mercy, he extolles just execution of lawes, he matches religion where it should be, he soundes out zealous care on poore subjects... he... may move many well meaning gentlemen, who for wante of deepe judgemente may say yea to their own prejudice» p. 93.— Какъ бы ни была утрирована характеристика спикера, сдѣланная Холлемъ, но въ его словахъ, вѣроятно, не малая доля правды: засл. ги Бэлля въ парламентѣ были оцѣнены правительствомъ, и послѣ 4-хлѣтняго спикерства онъ былъ сдѣланъ главнымъ Барономъ Казначейства (Chief Baron of Exchequer). Ср. Dasent, The speakers of the House of Commons, 1911, p. 139.

[2]) «What should I write of this most filthie, unnatural, and servile vice, whiche shall for a fewe angels make you pleade as parcially in parliament, as in any other court, not regarding your countrey, but the jinks in your pocket. Such spokesmen I warrant you have the matter as their fingers endes, the writer

быть обращаемъ въ нѣчто аналогичное «другому суду», но изъ этого не слѣдуетъ, что Холлю вообще была чужда концепція парламента какъ судебнаго учрежденія. Когда дѣло касается его личныхъ интересовъ, онъ готовъ парламентскую дѣятельность разсматривать подъ угломъ процессуальнаго права: онъ заявляетъ напр. «отводъ» (exceptions) противъ ряда членовъ комиссіи, которой поручено разслѣдованіе проступка его слуги[1]. Но онъ цѣликомъ на сторонѣ регистратора суда Сити, тщетно убѣждавшаго палату не считаться съ принципомъ неизмѣнности, quasi-судебности ея рѣшеній: «хотя они (т. е. члены палаты) и вынесли рѣшеніе (по дѣлу Холля).... однако, у нихъ не должно быть колебаній измѣнить, при достаточномъ основаніи, принятое рѣшеніе; ораторъ ссылается при этомъ на прецедентъ, имѣвшій мѣсто въ парламентѣ, въ которомъ и онъ присутствовалъ, касательно билля о лондонскихъ виноторговцахъ: случилось такъ, что эти послѣдніе радѣли о проведеніи статута о напиткахъ. Билль долженъ былъ читаться и обсуждаться въ субботу пополудни. Многимъ изъ членовъ парламента въ этотъ день было предложено виноторговцами обѣденное угощенье. Покончивъ съ подобнымъ пріятнымъ дѣломъ, они идутъ на совѣщанье: Бахусъ говорилъ въ парламентѣ за своихъ слугъ, виноторговцевъ, (какъ видно изъ послѣдствій) и статутъ прошелъ безъ задержки... Въ понедѣльникъ, однако, члены паламента нашли, что не все въ порядкѣ въ томъ, что они сдѣлали, и, въ результатѣ, не колеблясь, уничтожили то, что хорошее угощенье виноторговцевъ заставило ихъ принять въ субботу». Холль меланхолически добавляетъ, что ни разсказъ, ни предложенье, сдѣланное регистраторомъ, отмѣнить принятое палатой рѣшенье, не имѣли по-

out of the copyes of Billes is set a worke, and many times too for drawing the cause they come into the house, and sitte with paper, bookes, often read them, well consider of them, and why?.. then pence are as well hearde chocke in the sachel, as the white paper seene in hande. why? the bill is either private, touching some one, else some very few, or else some one corporation of citie, town, or marchants; else the fraternity of some occupation, or such like», p. 94.

[1]) «Hall declared unto them that he maveled to see so many Committees in the cause wherein he was a partie, and they to be named without his consent, he specially toke exceptions to M. Norton, who was well pleased to depart... But M. Mildway told M. Hall ther was none there would be ruled by him, wherupon he kept his place», p. 33.

слѣдствій[1].

Хотя, какъ указано выше, Холль и старается устранить отъ себя подозрѣнье въ желаньи умалить достоинство парламента, онъ не пропускаетъ случая, чтобы не бросить язвительнаго замѣчанія по адресу его членовъ, подчеркнуть ихъ слабыя стороны. Но при всей недоброжелательности Холля въ отношеніи его къ парламенту, въ немъ трудно видѣть скрытаго сторонника абсолютизма. Уже въ царствованіе Якова, когда абсолютистскія тенденціи нашли бы откликъ съ высоты престола, Холль въ своемъ обращеніи къ королю говоритъ лишь о реформѣ состава парламента, а не о его полномъ упраздненіи. Любопытно при этомъ, что и необходимость реформы Холль обосновываетъ всего менѣе съ точки зрѣнія исключительно королевскихъ интересовъ. «Въ прошломъ, еще недавнемъ прошломъ, когда царствовали ребенокъ (Эдуардъ VI) и двѣ женщины (Марія и Елизавета), многіе изъ могущественнѣйшихъ англійскихъ подданныхъ были обвинены открыто въ парламентѣ народомъ, который они притѣсняли и тиранизировали, злоупотребляя довѣріемъ монарха и страны. Они были признаны виновными и понесли соотвѣтственное наказаніе... Если тѣ или иные подданные могутъ по желанію... производить избраніе рыцарей и горожанъ въ парламентъ, они сумѣютъ избавиться отъ обвинителей и найдутъ друзей, готовыхъ втихомолку поддерживать ихъ и подавать въ ихъ пользу свой голосъ, въ особенности, если дѣло идетъ о собраніи, кишащемъ продажными юристами, — этими лживыми болтунами»[2]. Отсюда слѣ-

[1]) «tho they had passed in the cause, as is recited, yet they should not doubt upon good occasion to reverse the judgement they had past, producing a president hapned in a Parliament wherin he was, which fell out in a bill for the vinteners at London. It was so, that they lavored for a Statute to passe touching wines, whiche was to be read and argued in the after noon on the Saterday. Many of the Parliament were that day at dinner feasted by them. Their good chere ended to counsell they goe: Baccus spake in the Parliament (as the sequele doth declare) for his ministers the Vinters: what more the law had free passage. It was but a daye betweene, as master Recorder said, a Monday morning they found a fault with their Saterdays after noone work, and made no bones advisedly to dash that which Vinteners good chere had unadvisedly caused them to determine late a Saterday: this tale and motion toke no effect» p. 32.

[2]) In tymes past not longe nether, but even since a childe, and two women raigned: many of the greatest subjects in Engl: were in Parliament openlye complained of by the people whome they had oppressed tirannised, and misbehaved them selves to the prince and state, and called to answer, and founde

дуетъ необходимость обставить выборы такими гарантіями, чтобы избирались ходатаи народа, а не приспѣшники сильныхъ людей. Король долженъ распустить парламентъ: вѣдь въ немъ царитъ смута и неспособность быть на высотѣ призванія. Отъ такого собранія можно ожидать, что его члены такъ далеко зайдутъ въ расширеніи своихъ «свободъ», что ужъ будетъ поздно итти назадъ[1]. Совѣтъ Холля, если онъ только былъ выслушанъ, оказался безрезультатнымъ.

---

guiltie, were punished accordinglye... If particuler subjects. may at their pleasures... nominate knightes. and Burgesses of parlement they will keepe themselves from beinge complained of and if they should so be, finde freandes in corners tô pleade, and yeilde voices for them; especiallye the companye swarming with mercinarye lawyers many of whome can talke and lye well...

[1]) «there is nothinge in a manner but confusion, and insufficiencie ....And what soever shall happen them to increase their liberties, were it very preposterous, yt shalbe carefullye registred for ever to serve their tournes».

Два анонимныхъ трактата о парламентѣ.

Ральфу Старки (Ralph Starkey), лондонскому купцу и антикварію, приписывается авторство анонимнаго трактата о «Привилегіяхъ и практикѣ англійскаго парламента», опубликованнаго въ 1628 г.[1] Если бы потребовалось доказательство въ пользу того, какъ медленно и слабо идеи конституціонализма находили себѣ выраженіе въ текущей политической литературѣ, на лицо—фактъ успѣха трактата Старки: результатъ диллетантской работы, крайне скудный и блѣдный по содержанію, онъ, тѣмъ не менѣе, выдержалъ рядъ изданій.[2] Былъ слѣдовательно спросъ, но мало предложенія. Съ нимъ считаются тѣ, кто въ борьбѣ королевской власти съ парламентомъ бралъ сторону первой. Изъ ихъ лагеря выходитъ критическій разборъ произведенья Старки—«Истинное изображеніе прошлыхъ парламентовъ на поученіе нынѣшнихъ и послѣдующихъ временъ»[3]. Былъ ли авторомъ послѣдняго сэръ Джонъ Доддриджъ (Sir John Doddridge), остается подъ сомнѣніемъ. То обстоятельство, что «Истинное изображеніе» не было опубликовано, говоритъ скорѣе въ пользу, нежели противъ авторства Доддриджа: написанное въ годъ его смер-

[1]) The Priviledges and practice of Parliaments in England. Collected out of the Common Lawes of this Land. Seene and allowed by the learned in the Lawes. 1628.

[2]) Въ Британскомъ музеѣ есть изданія 1628, 1640, 1641 и 1860 гг. Prof. Pollard въ біографіи Старки (D. N. B.) говоритъ лишь о MS трактата, обходя молчаніемъ фактъ его многократнаго опубликованія.

[3]) Я пользовался MS Lansd. 213.

ти (1628), оно, очевидно, такъ и осталось подъ спудомъ. Самый трактатъ даетъ рядъ указаній, которыя позволяютъ отнести его на счетъ Доддриджа. Такъ напр. въ немъ говорится, что авторъ былъ «не только королевскимъ слугой въ судѣ, но и слугой государства въ качествѣ недостойнаго члена почтенной палаты общинъ»[1], фактъ, вполнѣ согласный съ біографіей сэра Джона. Далѣе, авторъ трактата обнаруживаетъ знакомство съ Уэльсомъ, съ его языкомъ, а перу Доддриджа принадлежитъ исторія этой страны. Нѣкоторыя сомнѣнія способно возбудить то враждебное отношеніе, какое авторъ питаетъ къ сословію «законниковъ»: отсутствіе ихъ въ парламентѣ «составляетъ одинъ изъ наименьшихъ дефектовъ, которые могутъ быть поставлены въ вину этому учрежденію»[2]. Авторъ невысокаго мнѣнія объ этическихъ понятіяхъ среди адвокатскаго сословія: юристы рѣдко подаютъ совѣтъ «сверхъ мѣры по отношенію къ платѣ, напротивъ они всегда продаютъ его слишкомъ дорого, а часто берутъ деньги за пагубный совѣтъ или ничего нестоящій»[3]. Но вѣдь авторъ, хотя и членъ королевскаго суда, отмежовываетъ себя отъ юристовъ «общаго права», которые «никогда не изучали цивилистики» («a common Lawyer who never learned civillitie»), поэтому и его выпады по ихъ адресу едва ли говорятъ противъ гипотезы, что «Истинное изображеніе» написано Доддриджемъ.

Читая трактаты Старки и Доддриджа, нельзя не найти въ различномъ подхожденіи авторовъ къ проблемѣ верховной власти нѣчто аналогичное тому, что имѣетъ мѣсто въ современной литературѣ Германіи: и у нихъ расхожденіе по вопросамъ о томъ, кто является истиннымъ законодателемъ, король или парламентъ, каково значеніе королевской санкціи. Едва ли Лабандъ, выдвигая свою теорію о различіи между

1) «not onely the Kings servant in Court, but allso a servaunt to the common wealth in my countrie in beeinge an unworthie Member of the Honourable Howse of Commons».

2) «I thincke the absence of Lawyers in a Parliament, is one of the least imputacons can befall the great high and venerable Court».

3) Lawyers seldome givinge overplus of measure of Counsell for their ffee but rather sellinge their advice at a verie deere rate allwaies and manie times takinge money for perverse Councell, or such as is pernitious, or worth nothinge».

«Gesetzesbefehl» и «Gesetzesinhalt, зналъ, что у него уже былъ англійскій предшественникъ въ лицѣ Доддриджа[1]. И если и въ наши дни за чисто юридическими, казалось бы, спорами нужно искать политическіе—сознательные или безсознательные—мотивы, то еще въ бо́льшей степени нужно съ этимъ считаться по отношенію къ англійскимъ писателямъ XVII в., когда проблема взаимоотношеній короля и парламента получила столь обостренное значеніе. И лишь учитывая это обстоятельство можно понять, что́ заставило Доддриджа заявить свой энергичный протестъ противъ доктрины Старки, столь умѣренной въ сущности.

Характерно для до-революціоннаго періода въ Англіи, что роль сторонниковъ конституціонализма заключается въ томъ, чтобы лишь удерживать то политическое наслѣдіе, какое досталось имъ отъ предковъ; чѣмъ ближе къ Великому Возстанію, тѣмъ больше мѣняется ихъ позиція: не объ удержаніи только, но и о возвращеніи того, что было будто бы отобрано у націи, заходитъ уже рѣчь. Конечно, возможны разногласія о размѣрахъ «отобраннаго», но исходный пунктъ оказывается тождественнымъ и у мирнаго антикварія сэра Роберта Коттона, и у искателей новыхъ путей, у левеллеровъ[2]. Ральфъ Старки еще на прежней позиціи: государственный строй Англіи не потерпѣлъ какихъ либо измѣненій вслѣдствіе нашествія норманновъ; Вильгельмъ Завоеватель оставилъ существовавшія учрежденія, а слѣдовательно и парламентъ, въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ихъ нашелъ[3]. Противъ подобнаго утвержденія

[1]) Указанный споръ приходится дѣйствительно все еще считать современнымъ: Лабандъ не уступаетъ занятой имъ позиціи вплоть до послѣднихъ изданій своего «Deutsches Reichsstaatsrecht» (напр. 1909), и у него есть послѣдователи: см. Tezner, Der Kaiser, 1909, pp. 5—6.

[2]) «manifest it is, that the Conquerour changed not the frame or jurisdiction of this Court in any point», p. 2.

[3]) Ср. Sir Robert Cotton, The forme of government of the Kingdome of England, 1642, p. 3,—Ср. также Henry Parker's Observations, 1642, p. 3: онъ говоритъ о «free customes and Lawes of which the conqueror and his successors had in part disinherited them», т. е. предковъ.—Крайне любопытенъ памфлетъ G. W. (George Walker), Anglo-Tyrannus, Or the Idea of a Norman Monarch. Represented in the paralell Reignes of Henrie the third and Charles Kings of Engl nd, 1650. Авторъ выставляетъ (p. 51) два постулата: во 1-хъ, «That continual claim hath been made by the English to their rights and Liberties, so that in point of Law, no pretended succession, continued by force, fraud, and perjury, can be a just plea to barre us of our inheritance, our Native Freedo-

Доддриджъ выдвигаетъ цѣлый рядъ аргументовъ. Итти въ глубь вѣковъ въ поискахъ за моментомъ возникновенія парламентовъ значитъ, въ концѣ концовъ, добраться до того «совѣщанія, какое имѣли Три Лица Пресвятой Троицы по поводу созданія человѣка»[1]. Когда мы отыскиваемъ происхожденіе вещей, заранѣе должно опредѣлить, что̀ именно требуется найти и тогда ужъ устанавливать черты сходства и несходства настоящаго съ прошлымъ[2]. На примѣрѣ исторіи изобрѣтенія бумаги авторъ доказываетъ, что старые и новые образцы въ силу измѣненій настолько различны, что едва ли являются одной и той же вещью. Аналогичный фактъ—трансформація парламентовъ: вѣдь если не видѣть различія между собраніями бриттовъ и и парламентами новаго времени значитъ уподобляться тому близорукому стрѣлку изъ лука, который стрѣляетъ по бѣлой лошади и говоритъ, что это была мишень, потому что онъ видѣлъ бѣлый цвѣтъ[3]. Соглашаясь съ тѣмъ, что у англо-саксовъ были народныя собранія, Доддриджъ не можетъ, однако, допустить, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть подобіе законодательныхъ собраній современной ему эпохи: вѣдь то былъ періодъ, когда царилъ мечъ, когда королевская воля была закономъ. Онъ дѣлитъ англо-саксонское общество на majores и minores regni и только первыхъ считаетъ участниками народнаго вѣча. Въ этомъ отношеніи парламентъ его дней представляетъ рѣзкій контрастъ: вѣдь въ немъ «самый скудоумный

me, which we have now gained possession of; во 2-хъ, «That the whole frame of just government hath been dissolved by our Norman Lords, who have made their own proud wills the rules and their own greatnesse and absolutenesse the end of their government».

[1]) «it may bee said to bee as ancient as Adam, and before him, for there was a consultation amonge the Three blessed Persons of the Trinitie aboute the Creacon of Man».

[2]) «first in the search of Antiquites, and the originall of things, wee consider howe farre it is lawfull, or usuall and convenient to search after them; next that in search of things, wee determine what wee would bee at, and what wee looke for, and would proove, or find whether the same thinge, in all Points, to have binn in elder Times, as is nowe in Moderne, or some thinge that is like it, or doth tauntamount unto it .

[3]) «a purblind Archer goe into the feild and shoote at a white Horse, and say hee was a Marke, because hee was white».—Взгляды Доддриджа интересно сопоставить съ современными теоріями трансформаціи учрежденій: выдвигая понятіе мѣняющейся ихъ цѣли, Еллинекъ, подобно Доддриджу, ставитъ на подобающее мѣсто претензіи на «историчность», заявляемыя тѣмъ или инымъ учрежденіемъ.

членъ городской корпораціи или рыбацкаго поселка, у котораго нѣтъ ни разумѣнья законовъ, ни знанья латыни, едва ли даже есть грамотность, или же старшій сынъ его степенства, чей отецъ популярный человѣкъ и гостепріимный хозяинъ, хотя бы онъ ничего не смыслилъ въ дѣлахъ графства, а лишь въ охотѣ съ соколами, или гончими, или въ томъ, гдѣ удобнѣе всего выѣздить лошадь, гдѣ лучше играть въ мячъ,—будучи довольно безразборчиво избраны, благодаря пролазливости или же безсмысленной симпатіи со стороны корпораціи или графства, способны не только называть себя, но и даже серьезно думать, что они являются членами Великаго Королевскаго Совѣта. Между тѣмъ, зачастую ихъ способности настолько далеки отъ того, чтобы дать заслуживающій вниманія совѣтъ, что нужно пожелать, чтобы ихъ избиратели памятовали наставленіе, какое авторъ лично слышалъ отъ одного трезво судящаго валлійскаго проповѣдника: если вы не можете избрать тѣхъ, кто въ состояніи дать добрый совѣтъ, ради Христа избирайте тѣхъ, кто будетъ подчиняться доброму совѣту»[1].

Хотя въ своемъ анализѣ процесса прохожденія биллей черезъ парламентъ Старки и не отступаетъ отъ обычной легальной точки зрѣнія, отдѣльныя выраженія въ его трактатѣ могутъ быть истолкованы какъ признаніе доминирующей роли палаты общинъ: «парламентскіе акты и статуты принимаются въ высокомъ собраніи парламента королемъ съ согласія

[1]) «the syllyest Burgesse of a Corporation or ffishertowne, that neither understandes lawe, nor latine, scarce letters, or his worshipps eldest sonne, whose ffather is a popular man, and greate Howse keeper in his Countie (though hee understande nothinge of the state of the Countie, but where the best Haukinge or Huntinge is, or where the best ground to course a Horse, or to boule on) beeinge called or rather indiscreetely chosen, through impornunitie or preposterous affeccon of the Corporacon or Countie, will extend his denominacon soe farre, nay some times his opinion of himself, that hee must bee one of the Kings Greate Counsell, when as ofte times his abillities are soe farre from beeinge fitt to give any Counsell of Moment that it were to bee wished that the Countie or Corporacon that chooses such a one had heard that exortacon, which I my self heard from a welsh plaine meaninge preacher one Mr Thomas ap Rees delivered to the Bayliffs and Sheriffs of Shrewesbure upon their ellection of Counsellors for that towne, who said, Master Baliffe, nowe you make choice of Counsellors, for our Towne of Salopp: If you cannot make choice of such as can give good counsell, ffor Christ his sake make choie of such as will take good counsell. But this obiter».

общинъ или бо́льшей ихъ части»[1]. Старки ссылается здѣсь на Littleton-a, но у послѣдняго особое упоминанье общинъ, наряду съ парламентомъ, какъ бы ставитъ ихъ внѣ послѣдняго: статуты принимаются королемъ вкупѣ съ его Великимъ Совѣтомъ, но не безъ сопутствующаго согласія общинъ. Для Старки выдѣлить общины изъ состава парламента, значитъ сказать, что именно здѣсь рѣшающій голосъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, готовъ понять Старки его противникъ Доддриджъ: со всей страстностью обрушивается послѣдній на это упоминанье согласія общинъ: «король единолично издаетъ законы, въ смыслѣ дарованья ихъ подданнымъ. Хотя про послѣднихъ, какъ участниковъ въ созданіи законовъ, можно сказать, что и они законодательствуютъ,—тотъ основной признакъ законовъ, который заключается въ томъ, чтобы выразить королевскую волю касательно управленія націи и то ихъ дѣйствіе, которое заключается въ томъ, что они обязываютъ къ подчиненію, проистекаетъ, однако, исключительно отъ короля: власть повелѣвать скорѣе подкрѣпляется, но не создается согласіемъ подданныхъ»[2]. Доддриджъ готовъ выдѣлить палату общинъ изъ состава парламента, но для того только, чтобы признать одну лишь палату лордовъ образующей «парламентъ», «ибо только это собраніе король Яковъ хотѣлъ бы назвать парламентомъ, а другую половину его—палатой общинъ»[3]. Во всякомъ случаѣ авторъ не собирается «смѣшивать и безразборчиво путать подъ однимъ именемъ двѣ палаты, какъ если бы онѣ были одно и то же, одного качества и различались бы только по мѣсту засѣданія: въ дѣйствительности, однако, и достоинство, и положеніе, и заслуги членовъ верхней палаты—majores regni, meliores или optimates—

1) Acts of Parliament aup Statutes are made in this high court of Parliament by the King; with the consent of the Commons, or by the greater part of them, p. 42.

2) «the Kinge alone makes Lawes, in the sense of givinge Lawes to his subjects, who as the fframers, or fformers of Lawes, may allso bee said to make Lawes. But the essential forme of Lawes which is to expresse the Kings will for the goverment of the People, and the Powre of lawes to binde the people solely proceedes from the Kinge as touching command. and is rather fortified, then create1 by the subjects consents».

3) «for that Howse Kinge James would have onelie to bee called the Howse of Parliament and the other the Howse of Commons».

значительно разнятся отъ minores, отъ общинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ власть, способъ ихъ созыва, порядокъ ихъ дѣятельности»[1]. Различіе во власти сказывается въ томъ, что лишь палатѣ лордовъ принадлежатъ судебныя функціи («sole powre of Judicature»). Палата общинъ могла бы выражать претензію на подобное привилегированное положеніе, если бы у нея была власть приводить подсудимыхъ къ присягѣ; этого полномочія палата не имѣетъ, а поэтому у нея нѣтъ и права суда какъ надъ собственными членами, такъ и надъ посторонними лицами[2].—Нѣкоторые члены палаты общинъ полагаютъ, что «будучи избраны націей, они обязаны стоять за нее, за свободу подданныхъ, за свободу рѣчи, добиваться отъ короля какъ можно бо́льшихъ привилегій. Если они упорствуютъ въ отказѣ субсидіи, съ цѣлью пощадить свои карманы и средства страны, тогда они превосходные патріоты, добрые граждане: они съ умѣньемъ и честью оправдали то довѣріе, какое возложили на нихъ города и графства. Но есть люди, держащіеся другого мнѣнія: хотя члены палаты общинъ и избираются какъ лица, наиболѣе подходящія къ роли представителей и глашатаевъ отъ городовъ и графствъ...., тѣмъ не менѣе.... они не суть Tribuni Plebis.... они не посылаются въ парламентъ, чтобы вступить въ переговоры и заключить контрактъ съ королемъ-суверенъмъ за счетъ страны, въ качествѣ равноправной стороны, по принципу quid pro quo. Они полагаютъ, что хотя ихъ избралъ народъ, но самые выборы состоялись по королевскому приказу.... Они не игнорируютъ того, что и будучи парламентскими людьми, они продолжаютъ быть королевскими подданными, какими они были и раньше: вѣдь ихъ званіе представителей «нисколько не выдѣляетъ ихъ

[1]) «I must not confound, or promiscuously mingle or mencon, the two Howses togeither, as if they were all one thinge or of one qualitie, onely distinguished by Place, for the Dignitie, Place, and Worth of the higher Howses Members, the Majores Regni, the Meliores or optimates doe much differ from the minores, the Commons (as wee doe call them) soe doe their Powre: their Manner of Summons and Proceedings».

[2]) «for point of Judicature, that is to say, for the Minores Regni to say that they have Powre to judge or execute judgement on ani capitall offendor, as of themselves, without the power of the Higher howse, they may pretend to it but I shall say they have it, when I see they of themselves have the authoritie to minister an Oath».

изъ среды тѣхъ, за кого они говорятъ»[1]. Это не прекращающееся отношеніе подданства налагаетъ на избранныхъ обязанность и въ стѣнахъ парламента руководиться указаніями свыше. Парламентъ «призванъ собственно подавать свой совѣтъ лишь о тѣхъ предметахъ, по какимъ его мнѣніе спрашивается королемъ, и только о нихъ»[2]. Въ этомъ смыслѣ «палата общинъ ограничена, а не король» («the commons are limmitted, and not the Kinge»). Народные представители «созываются не въ ихъ собственный, а въ королевскій парламентъ» («are summoned to come, not to their owne Parliament, but to the Kings Parlyament»). А если такъ, то станетъ ли король спрашивать у своихъ совѣтниковъ чего либо, что можетъ быть ему въ ущербъ: «едва ли найдется кліентъ, который станетъ обращаться за составленьемъ крѣпостного акта къ юристу, который, познакомившись съ документами, рѣшитъ использовать ихъ въ своихъ интересахъ и заявитъ какую либо претензію на часть его земель»[3]. Необходимость слѣдовать указаньямъ короля Доддриджъ готовъ вывести не только изъ отношеній подданства, но и родства: вѣдь король—отецъ отечества, и этотъ титулъ каждый «добрый государь» можетъ

1) «beeinge chosen by the Countrie they are to bee all for the Countrie, for the libertie of the subject, for the freedome of speech, and to gaine as much and as many Priviledges for the subject from the Kinge as is possible and if they stand stiflie oute in the deniall of subsedies to save their owne, and the Countries moneys, then they are excellent Patriotts, good Commons wealths Men: they have well and faithfully discharged the trust reposed in them by their Cittie or Countrie. On the other side: Others beeinge of opinion that although they are chosen by their Countries and Burroughes, as the fittest Men to bee the Representers and Speakers of the votes of the Cittie or Countrie... yet they are not Tribuni Plebis... they are not sent thether to treate or capitulate for the Countrie or on the behalfe of it with the King and soveraigne, upon equall Termes or upon a quid pro quo: But doe rather soe conceive and understand as though they bee chosen by the Countrie, yet their election is commanded by the Kings writt of Summons... they are not ignorant that though they bee parliament Men, yet they are still the Kings Subjects as they were before: and that the Relacon of their election to bee Knights and Burgesses... doth not make them anie greater, then those for whome they speak».

2) «the Greate Counsell of Parliament is properlie to give their advise onely upon such things whereof or whereupon their opinion or likinge is demanded by the Kinge, and not of other things».

3) «ffor there is no Clyent (I suppose) will goe and ffee a companie of Lawyers for their advise in the draught of a conveyance for estatinge of his land of whome hee shall have but a suspition that upon sight of his deeds and evidences, they will make their owne ends uppon him, by settinge a foote some Title for themselves to some part of his lands».

взять на себя[1].

Будучи ограничены въ предметахъ, подлежащихъ ихъ сужденію, члены парламента ограничены и въ способахъ изъявленія своихъ сужденій: Доддриджъ называетъ «мнимымъ» (supposed) то особое отношеніе, которое устанавливается между націей и ея представителями и которое, будто бы, даетъ имъ право говорить болѣе свободно, нежели въ другихъ случаяхъ. Ихъ языкъ долженъ быть языкомъ любящихъ, послушныхъ, лойяльныхъ подданныхъ: вѣдь тѣ, кто присутствуетъ въ парламентѣ, признаются дѣйствующими и говорящими за всю массу подданныхъ, а поэтому и не могутъ сказать болѣе, нежели это возможно, если бы въ парламентѣ были на лицо дѣйствительно всѣ подданные[2]. Если бы нашелся членъ парламента, который изъ недовольства или по невѣжеству, изъ желанья сдѣлать нѣчто полезное странѣ, сталъ говорить слишкомъ свободно, король могъ бы заключить виновнаго въ тюрьму, и едва ли страна выразила бы протестъ[3]. Королю, однако, гораздо легче избѣгнуть какихъ либо конфликтовъ со своими подданными и удержать ихъ въ «абсолютномъ повиновеніи», если только онъ сумѣетъ избавить себя отъ «абсолютной необходимости» обращаться къ нимъ за денежной помощью. Доддриджъ полагаетъ, что у короля есть пути, законные и честные, для полученья средствъ помимо парламента или подданныхъ, откуда,—онъ однако, не объясняетъ[4].

[1]) «the Kinge is Pater Patriae (which title everie good Prince may assume».

[2]) «noe supposed Relacon which Parlyament men have to the Countrie or Kingdome in generall, or any Countie Cittie, or Burrough in speciall, should make them speake more freely in Parliament then otherwise they would doe, if they were out of it; which ought to bee noe other then the Language of the Lovinge and obedient Loyall Subject; for they that are present in Parlyment are understood to doe and speake noe other thinge then the whole multitude of all the subjects, would doe or say it they were present in Parliament».

[3]) «if a man in Parliament shall either out of his owne spleene, speake against the Kinge: or ought of an ignorant preposterous zeale to the good of the Countrie, speake or doe somthinge in Parliament, which shall cause the Kinge to take awaie his liberty, and imprison him, I will not medde to tell the Practise of Parliaments in that Case, but for the Practise of the Countrie, I thinke experience will manifest, that neither the Kingdome or Countrie will own or avouch anie thinge that is spoken in their behalfe, which shall distast the Kinge».

[4]) «the Kinge that will keepe his subjects in absolute obedience with love. Let him keepe himself out of absolute necessitie of their money and then hee shall finde them in all his Treaties with them more calme anb Temporate. Это

Несмотря на всѣ его ультра-монархическіе принципы, Доддриджъ все же не абсолютистъ, и хотя его король, какъ и король сэра Уольтера Роли не связанъ ничѣмъ кромѣ его совѣсти («Kings care no way to bee bound but by their Pietie», Sir Walter Ralegh, The Prerogative of Parliaments in England), отсюда, однако, далеко еще до провозглашенія принципа надзаконности королевской власти: отвѣтственность короля только передъ самимъ собой есть здѣсь не болѣе какъ эквивалентъ его безотвѣтственности передъ другими государственными органами.

Въ своемъ противникѣ Доддриджъ готовъ видѣть «одно изъ тѣхъ грубыхъ животныхъ, которыя смѣютъ отзываться дурно о властяхъ придержащихъ» («one of those brute beasts, that dares speake ill of those in Authoritie»); въ дѣйствительности, однако, Старки крайне умѣренный человѣкъ и какъ разъ именно въ самомъ существенномъ пунктѣ,—вопросѣ о подзаконности королевской власти. Для Старки не подлежитъ сомнѣнію, что «Богъ установилъ королей и вручилъ имъ законы; этимъ самымъ онъ далъ имъ авторитетъ и власть законодательства; первое время короли издавали законы, правили съ ихъ помощью и измѣняли ихъ отъ времени до времени, когда находили это нужнымъ для собственнаго блага и для блага своихъ подданныхъ»[1]. Старки не выясняетъ, когда же прекратилось это «первое время», во всякомъ случаѣ англійскіе короли нуждаются въ согласіи подданныхъ для измѣненія законовъ и обложенія ихъ налогами. Онъ цитируетъ при этомъ Фортескью «De Laudibus Legum Angliae»[2], но авторитетъ послѣдняго не царитъ безраздѣльно надъ Старки: ему извѣстенъ «Толковникъ» д-ра Джона Кауэлля (John Cowell's Interpreter, 1607), онъ приводитъ оттуда слѣдующій

возможно «if the Kinge bee supplied with money (which hee may bee justlie and honestlie) without a Parlyament or Subjects».

1) «I make no doubt, but as God ordained Kings, and hath given Lawes to Kings themselves, so he hath authorized and given power to Kings to give Lawes to their subjects, and so Kings did first make Lawes, and then ruled by their Lawes, and altered and changed their Laws from time to time, as they saw occasion, for the good of themselves and of their subjects».

2) Сочиненіе это появилось трижды въ англійскомъ переводѣ въ XVI ст.: въ 1567, 1573, 1599 гг.

отрывокъ: «изъ двухъ утвержденій одно должно быть истинно: или король выше парламента, т. е. выше позитивныхъ законовъ королевства, или онъ не абсолютный король.... Поэтому, хотя бы и было гуманной политикой, а также политичной гуманностью (неустранимыми безъ большой опасности) издавать законы съ согласія всего королевства, ибо такимъ путемъ ни у кого не будетъ основанія жаловаться на пристрастіе,—связывать, однако, короля безъ дальнѣйшаго (simply) было бы противно природѣ и конституціи абсолютной монархіи.[1]» Кауэлль не объясняетъ, въ чемъ заключается неудобство «безъ дальнѣйшаго» связывать короля законами. Не находитъ нужнымъ сдѣлать этого и Старки, который вообще воздерживается отъ какихъ либо комментаріевъ по поводу антитезы Кауэлля. Въ «Толкователѣ» можно, однако, найти, хотя и въ другомъ мѣстѣ, чего собственно опасался авторъ: «если мы станемъ отрицать внѣзаконность королевской власти, тѣмъ самымъ мы вынуждены отрицать за нимъ право диспенсаціи, право издавать спеціальныя привилегіи и хартіи»[2]. Если Старки не даетъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, считаетъ ли онъ англійскую монархію подзаконной, если онъ ставитъ рядомъ и Фортескью и Кауэлля, то объясняется это, вѣроятнѣй всего, скуднымъ его разумѣніемъ точныхъ юридическихъ подраздѣленій, но если не разумъ, то чувство влечетъ Старки въ сторону «парламентскихъ людей»: все цѣнное, все полезное для государства признается имъ исходящимъ отъ парламента. Этихъ симпатій не могъ простить Старки Доддриджъ.

---

[1]) «And of these two one must needes be true, that either the king is above the Parliament, that is the positive lawes of his kingdome, or els that he is not an absolute king... And therefore though it be a mercifull policie, and also a politique mercie (not alterable without great perill) to make lawes by the consent of the wholl Realme, because so no one part shall have cause to complaine of a partialitie: yet simply to binde the prince to or by these lawes, weare repugnant to the nature and constitution of an absolute monarchy». Любопытно, что въ числѣ авторитетовъ, на которые въ параграфѣ, откуда взята эта цитата («О парламентѣ»), ссылается Cowell значится «Vowell alias Hooker, in his booke purposely written of this matter».

[2]) Въ параграфѣ «О королѣ»: «For then must we deny him to be above the lawe, and to have no power of dispensing with any positive lawe, or of grounting especiall privileges and charters unto any».

Сэръ Джонъ Эліотъ о монархіи.

Сэръ Джонъ Эліотъ не былъ первымъ, кто находясь въ Тауэрѣ, свой вынужденный досугъ, цѣликомъ, или частью, просвятилъ проблемамъ политики: здѣсь возникъ трактатъ о «Древѣ Государственномъ» (The Tree of Common wealth), который приписывается министру Генриха VII, Дадли (Dudley); здѣсь трудился надъ составленіемъ своего діалога «О прерогативѣ англійскихъ парламентовъ» сэръ Уольтеръ Роли. Если относительно предшественниковъ сэра Джона могутъ быть возбуждены болѣе или менѣе основательныя подозрѣнія въ томъ, что не одни только стремленья къ истинѣ, но и желанье повернуть судьбу въ свою сторону руководило ими, то безупречность Эліота выше какихъ либо сомнѣній: онъ могъ бы и болѣе простымъ путемъ добиться своего освобожденья, будь онъ только способенъ сойти съ той непримиримой позиціи, какую онъ занялъ по отношенію къ королю.

Уже современники Эліота (Hampden) ставили ему въ упрекъ отсутствіе чувства мѣры въ его работахъ: не выиграла ли бы трактовка темы, если бы все это было болѣе сжато, не руководился ли авторъ примѣромъ Виргилія, который, стремясь написать число стиховъ соотвѣтственно размѣру, убѣждался, что содержаніе вложилось бы и въ меньшее ихъ число[1]? Тотъ багажъ, который привлекаетъ себѣ на помощь Эліотъ, дѣйствительно, слишкомъ великъ, чтобы мы-

1) «would not a lesse modell have given a full representation of that subject? not by diminution. but by contraction of parts?... Or that the author imitated Virgill, who made more verses by many than he intended to wright, to extract a just number»? Monarchy of Man, vol. 1, 103.

сли самого автора не потеряли въ своей отчетливости: Библія, греческіе и римскіе классики, средневѣковыя хроники, творенія Св. Отцовъ, Кодексъ Юстиніана, комментаріи легистовъ, Боденъ—все это проходитъ пестрой, нескончаемой вереницей, и на долю самого Эліота остается скромное мѣсто. Но развѣ цѣль автора не заключается въ томъ, чтобы взять себѣ въ руководители «авторитетъ, а не собственную фантазію»? И въ поискахъ за этимъ авторитетомъ Эліотъ обращается одинаково охотно къ христіанскимъ, какъ и языческимъ источникамъ: Платона онъ называетъ «божественнымъ», и въ твореніяхъ Сенеки, полныхъ безвѣрія, онъ находитъ лишь укрѣпленіе собственной вѣры[1]. Всю эту громоздкую, разнохарактерную массу источниковъ Эліотъ рѣшается использовать для обоснованія своей вѣры въ то, что лишь монархическій образъ правленія отвѣчаетъ божественнымъ планамъ и гармонически входитъ въ строй вселенной. Монархическое государство это лишь одна изъ ступеней, ведущихъ отъ монархизма человѣческой личности къ той конечной монархіи, которая есть міросданіе въ его цѣломъ: на небѣ мы должны искать наиболѣе чистое воплощеніе монархическаго начала, его идею[2]. Будучи однимъ изъ этихъ естественныхъ единствъ, государство, построенное на монархическихъ основаніяхъ, предполагаетъ опредѣленное соотношеніе его частей. Во главѣ стоитъ король, обязанность котораго повелѣвать; тѣло госу-

[1]) «Senecca... whose speculation in Philosophie doe preach divinitie to us, and his unbelife may indoctrinate our faith», vol. 2, p. 98.

[2]) «the beginning of these Monarchies and Monarchs, wee must first search the Heavens.... the great ruler there haveing soe decreed it, in conformity to his government: from his owne excellence and perfection was theire Idea taken», p. 14.—Зналъ ли Эліотъ, что у него былъ ближайшій предшественникъ въ лицѣ Edward Forset-a, автора «A comparative discourse of the bodies natural and politique» (1606)? У Эліота есть нѣкоторые намеки, но трудно сказать, относятся ли они именно къ Forset-у. Послѣдній обнаруживаетъ больше критицизма, нежели Эліотъ: если и онъ въ организаціи космоса и человѣческаго организма ищетъ критеріевъ для построенія идеальной государственной организаціи, онъ далекъ въ то же время отъ того, чтобы стирать различія между этими единствами: «it is the greatest miracle of Gods powerfull wisdome in the innumerable formes of things, to make so infinite variation» (To the Reader). Тѣ указанія, какія можно найти у Forset-a, слишкомъ незначительны, чтобы на нихъ основаться и судить объ его политическихъ воззрѣніяхъ: во всякомъ случаѣ онъ не причисляетъ себя къ тѣмъ лицамъ, которыя «being indeed of too hard a temper», хотѣли бы дать королямъ «absolutenes of sole power in law-giving» (p. 16).

дарственное образуютъ подданные, на долю которыхъ выпадаетъ долгъ повиновенья. Какъ послѣдніе не должны дѣлать себя центромъ государственнаго единства, такъ и король не долженъ искажать свою природную миссію, направляя свои помыслы въ сторону своихъ частныхъ цѣлей и плановъ[1]. Эту послѣднюю часть своего утвержденія авторъ старается обосновать какъ можно детальнѣй: онъ привлекаетъ себѣ на помощь параллели между королемъ, съ одной стороны, пастыремъ, кормчимъ, лекаремъ, съ другой стороны,—все въ доказательство той преданности интересамъ своихъ подданныхъ, какую долженъ проявить король. Этой преданности, однако, недостаточно: нужно найти какой либо руководящій принципъ, чтобы дѣятельность главы государства, хотя и самоотверженная, не вылилась въ произвольныя формы. Король долженъ править не «ad libitum», а «secundum et propter artem». Задача и заключается въ опредѣленіи того, что такое искусство правленія. Это крайне сложный вопросъ, и вокругъ него въ дни Эліота «было выдвинуто не мало контровезъ, не мало злобныхъ духовъ было вызвано, которые все еще бродятъ, не повинуясь заклинаньямъ, полные вредоносной заразы для истины»[2]. Рѣшеніе вопроса авторъ надѣется найти въ раскрытіи смысла формулы, которую онъ нашелъ у Тацита: «государямъ дана богами высшая юрисдикція» («principibus summum rerum judicium Dii dederunt»). «Высшая юрисдикція» въ болѣе узкомъ смыслѣ означаетъ право суда, въ болѣе уже широкомъ «власть правительственную» (a power of government). Готовясь перейти къ анализу этого понятія, Эліотъ говоритъ объ ощущаемой имъ радости «извлечь на свѣтъ эту драгоцѣнность (красоту), которая среди испареній, окутывавшихъ ее послѣднее время и цѣликомъ еще не улегшихся, кажется поверженной въ великій мракъ»[3]. Едва ли возникаетъ сомнѣніе, что

1) «The King is to command; the subject to obey: both with like readines in their places, and like affection to each other: the subject must not make his center in himselfe... and the King, to answeere this observance in correspondency thereof, must not retire his thoughts to private purposes and designes».

2) «What is this Art or Rule? Wherin noe small controversies have been moved, and such ill spirits raised, that they yet wander beyond all power of conjuration, obnoxious and infestuous to the trueth».

3) «We wille imploy the greater paine and travell to draw that beauty into

власть правительственная, поскольку она состоитъ въ томъ, чтобы творить судъ и расправу среди подданныхъ есть власть подзаконная: судья не болѣе какъ «loquens lex». Трудность вопроса обнаруживается тогда, когда рѣчь заходитъ о томъ, «имѣютъ ли законы примѣненіе по отношенію къ самому королю» («whither the lawes have an operation on the Prince»). Это очень щекотливый пунктъ: вѣдь онъ лежитъ въ той таинственной области, которая называется королевской прерогативой. Здѣсь нужна поэтому крайняя осторожность: иначе какъ бы автору не пришлось навлечь на себя «новаго потока ужасовъ»[1]. Если раньше рѣчь шла объ обязанности подданныхъ къ повиновенію внѣ отношенія къ его предѣламъ, то здѣсь, въ связи съ проблемой о границахъ королевской власти, Эліотъ не можетъ обойти коррелативной проблемы о правовомъ положеніи націи. Привилегіи короля онъ противопоставляетъ «законы и привилегіи каждой страны. И то, и другое нужно для подданнаго: въ силу привилегіи онъ свободенъ отъ всего кромѣ повиновенья законамъ; по законамъ онъ стремится быть во всемъ урегулированнымъ; въ силу привилегій въ его рукахъ право (принадлежность) согласія на принятіе (санкцію) всѣхъ законовъ; съ законами онъ стремится соразмѣрить свои дѣйствія; въ силу привилегіи всѣ признанные обычаи пріобрѣтаютъ силу и крѣпость законовъ; въ силу законовъ фактическое осуществленіе безъ принятія и одобренія (со стороны подданныхъ) не можетъ создать обычая»[2]. Въ какихъ же отношеніяхъ стоитъ король ко всей массѣ законовъ и обычаевъ страны? Съ прискорбіемъ Эліотъ констатируетъ, что здѣсь приходится ему сталкиваться съ потоками

light, which trough some late exhaltation of grosse vapours not yet thoroughly digested, seems cast into a grosse darkness and obscuritie, p. 39.

[1]) «this with more difficulties is involved. as lying within that misterie, the prerogative of kings, which is a pointe soe tender, as it will hardly beare a mention, wee may not therfore handle it with any roughnesse, least it reflect some new beame of terrour on our selves», ibid.

[2]) «the lawes and priviledges of each countrey, in both which the subject has like interest, by the priviledge he is free from all things but the Lawe; by the law he craves in all things to be regulated; by the privilege he has a propriety of consent in the sanction of all lawes; by the lawes he has a certaine rule, and levell, by which to square his actions; by the priviledge all approved customes are received in the strength and vigor of the lawes; by the lawes no actual repititions shall create a custome, without acceptation and allowance».

лести, стараньями сдѣлать монархію неограниченной, поставить управленье страной внѣ сдержекъ. Много ухищреній, тонкихъ ухищреній, искаженій и порчи авторитетныхъ источниковъ имѣетъ при этомъ мѣсто; ученость идетъ въ услуженіе лжи, религія обращается въ политику; небо низводится на землю, свѣтъ обращается въ мракъ. Пытаться оказывать сопротивленіе значитъ грести противъ теченія[1]. Эліотъ идетъ на это и категорически утверждаетъ, что и короли должны соблюдать законы (M. of. M. p. 47). Онъ предвидитъ возраженіе, что за ихъ нарушенье короли не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности. Это обстоятельство не мѣняетъ дѣла: то же самое мѣрило, коимъ регулируются дѣйствія подданныхъ, остается въ силѣ и по отношенію къ королямъ; одинаковый долгъ выпадаетъ на долю обѣихъ сторонъ, хотя и въ различныхъ формахъ: за его несоблюденіе въ одномъ случаѣ имѣетъ мѣсто моральная, въ другомъ—уголовная отвѣтственность[2]. Какъ бы въ утѣшенье королямъ Эліотъ, подобно Фортескью, старается ихъ увѣрить, что въ этой связанности нѣтъ какого либо униженія (dishonor) ихъ власти: король, повинующійся законамъ становится «superior sui». «Не будучи въ состояніи стать меньше, онъ можетъ стать больше себя: вѣдь справедливость имѣетъ такое вліяніе на преданность народа, что послѣдній всецѣло отдастъ себя въ руки короля, который пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ мощь Геркулеса»[3]).—Дѣлаясь подзаконной власть правительственная способна выполнить одну изъ своихъ задачъ: привести въ правильное соотношеніе части государственныя—иными словами, лишь тамъ мыслима охрана правопорядка, гдѣ его охранители чувствуютъ себя связанными правомъ.—

1) «there is such a confluence of flatterie conducing to our prejudice, such labour to make Monarchie unlimited, an absolutenes of goverment without rule, soe much affection or corruption rather specified, such distortion and perversion of Authorities to that end, learning made prostitute to fallacie, Religion turned to pollicie, Heaven brought downe to earth, light transformed to darknes, as to attempt against it is now to row against the tide», p. 46.

2) «the same levell is a diversion to his actions as of the subjects, the same dutie is inferred equally on both, though in a different manner, the one onely obnoxious to his conscience, the other to a punishment», p. 48.

3) «though he cannot be lesse, yet he may be greater then himselfe: ffor such an influence has justice upon the affections of the people that it workes them whollie to the King, and gives him power like Hercules», p. 57.

Носителямъ власти выпадаетъ на долю еще другая задача: это «сохраненіе и поддержаніе цѣлаго» («the safety and preservation of the whole»). Дѣло касается защиты страны отъ иноземной рати, усмиренія внутреннихъ смутъ, а также проведенія въ жизнь всего того благого, чего способна доискаться человѣческая изобрѣтательность. Хотя понятія (notions) даютъ другія лица, лишь король обладаетъ возможностью ихъ реализаціи. Сюда относятся ремесла и промышленность, у которыхъ не хватаетъ собственной инерціи. Къ этой же государственной дѣятельности, какую современный изслѣдователь назвалъ бы культурно-охранительной, Эліотъ причисляетъ всю внѣшнюю политику съ ея сношеніями, трактатами, конвенціями и лигами[1]. Если относительно правоохранительной функціи правительства можно сказать, что тамъ господствуютъ «правила и указанія» (rules and directions), то здѣсь все опредѣляется принципомъ полезности (virtue). Это не можетъ не отразиться на государственной организаціи. Хотя королевскій санъ и былъ первоначально обусловленъ достоинствами его носителей, времена измѣнились, короли подверглись дегенераціи, такъ что «личнаго ихъ превосходства приходится скорѣе желать, нежели находить»[2]. Но даже и при всѣхъ достоинствахъ у короля не можетъ быть той энциклопедичности познаній, чтобы въ его умѣ умѣстились всѣ вещи, а поэтому и было признано необходимымъ дать ему на помощь и поддержку сенатъ[3]. Эліотъ не развиваетъ своихъ воззрѣній

[1]) «prevention of those evills, which the law by power or terrour cannot reach, be it either forraigne or domesticke, proceeding from corrupt humors in the body, or some malevolence abroad, the practise and invasion of the enemies, or sedition and defection in the subjects, as also for the operation of all good, which industrie and wisedome shall invent; for the benefitt and commoditie of the Kingdome; wherin, though the notions flow from others, Princes onely can reduce them into act.... all things exoticke or innate, objects to arte or industrie, for the strengthning or enriching or the state, which want that motion of themselves.... all treaties and conventions doe fall within this exercise, all leagues and correspondencies with others, and the breaches and dissolutions of those knotts, all peace, all warre, all preparations, and all actions, both offensive and defensive», p. 63.

[2]) «that degree of men being first raised from a principalitie in vertue but by the change of tymes, princes are degenerate, soe as that excellencie in their persons is rather to be wished then expected», p. 65.

[3]) «a Prince cannot have that universalitie of science to comprehend all things, in his brains; and therfor a Senate was thought necessarie to auxiliar and assistant», p. 69.

на составъ и права этого учрежденія: его вниманіе слишкомъ поглощено анализомъ королевской власти, условій ея функціонированья. Эта исключительность интереса и создаетъ ту иллюзію неумѣреннаго ройялизма, въ которомъ готовы обвинить Эліота нѣкоторые изъ его современниковъ, «монархія слишкомъ здѣсь превознесена» («Monarchie to much extolled»), писалъ одинъ изъ нихъ (M. of M., vol. I, p. 117).

Еще болѣе рѣзкую аберрацію даютъ построенія Эліота касательно суверенной власти въ государствѣ: здѣсь онъ способенъ вызвать представленіе о себѣ, какъ о сторонникѣ абсолютизма. Ближайшій анализъ его доктрины обнаруживаетъ, однако, неосновательность подобнаго представленія[1].—Суверенная, или высшая власть въ государствѣ есть та, которая, обязывая всѣхъ къ подчиненію законамъ, сама не связана ничѣмъ, кромѣ какъ божескимъ и естественнымъ правомъ[2]. Подобная власть, или суверенитетъ принадлежитъ каждому «совершенному государству» (а «perfect comon wealth»), и государство въ сущности и есть ничто иное какъ право, или пользованье суверенной властью надъ подданными[3]. Эта власть должна находиться въ рукахъ одного лица—физическаго, или «по

1) Эліотъ не былъ первымъ, кто поднялъ въ англійской литературѣ вопросъ о суверенитетѣ: уже у его однофамильца, сэра Томаса Эліота въ «Книгѣ о правителѣ» (Sir Thomas Elyot, The Boke named the Governour, 1531) встрѣчаются разсужденія о суверенитетѣ главы государства, но едва ли эти робкія начинанія могли привлечь къ себѣ вниманіе Эліота Младшаго. Послѣдній ссылается на трактатъ «сэра Джона Хейурда «О верховенствѣ въ дѣлахъ религіи (Sir John Hayward, Of supremacie in affaires of Religion, 1624), какъ на одинъ изъ своихъ «авторитетовъ», но у Хейурда Эліотъ не могъ найти ничего кромѣ повторенія мыслей Бодена, которому онъ и самъ такъ обязанъ. «Шесть книгъ о республикѣ» были переведены на англійскій языкъ въ 1606 г. О томъ успѣхѣ, какимъ пользовалось сочиненіе Бодена въ Англіи, свидѣтельствуетъ казаніе, сдѣланное въ предисловіи переводчикомъ R. Knolles-омъ: «one Olybius a Frenchman, privatly in noble mans houses in London, and another likewise in the Universitie at Cambridge, with great obscuritie and difficultie... (tried)... to interprete those his bookes of a Commonweale». Эта трудность пониманія Бодена въ оригиналѣ, при наличности спроса на его книгу, и побудила Knolles-a взяться за переводъ.—Крайне поучительно было бы прослѣдить вліяніе Бодена на англійскую политическую литературу. Частью это уже выполнено. Ad. Buff-омъ, Ueber Drei Ralegh'sche Schriften, Englische Studien, B. II, 1879. Ср. Brushfield, A. Bibliography of Sir W. Ralegh, 1908, p. 132.

2) «Majesty properlie taken is chiefe power in any Estate which bindes all other under it within lawes, but is not holden itself by any lawes but of God and nature», De Jure Majestatis, p. 4.

3) «a common wealth is nothinge else but a right and exercise of soveraigne power over their subjects».

аналогіи» («either in nature or in Analogie»): Эліотъ поясняетъ это въ томъ смыслѣ, что хотя въ аристократическомъ или демократическомъ государствѣ и управляютъ многіе, это дѣлается не порознь, а въ единеніи, и въ результатѣ получается правленіе единаго государства черезъ многихъ правителей[1]. Для Эліота не представлялось т. о. затруднительнымъ понять юридическое единство аристократіи и демократіи, несмотря на множественность составляющихъ это единство элементовъ. Подобнаго распредѣленія власти между нѣсколькими органами Эліотъ не можетъ допустить по отношенію къ монархіи: въ его глазахъ жизненный ея принципъ заключается именно въ томъ, что суверенитетъ государственный воплощается здѣсь въ лицѣ единаго его носителя, монарха. «Если мы предположимъ, что король и народъ противостоятъ другъ другу, какъ равныя власти, ни та, ни другая сторона не можетъ быть названа главной, ибо одна власть будетъ останавливать другую власть[2]». «Мы освободили бы себя отъ многихъ сложныхъ вопросовъ, какими опутываютъ себя и своихъ читателей другіе авторы, о томъ напр., свободенъ ли король отъ законовъ, имѣетъ ли народъ права надъ нимъ и противъ него, если только эти разсужденія мы свяжемъ съ подлиннымъ ихъ объектомъ, вопросомъ о суверенитетѣ. Вѣдь тѣ, кто обсуждаетъ вопросъ, an rex sit solutus legibus, дѣлаютъ свои разсужденія легковѣсными, такъ какъ не опредѣляютъ того, что́ должно быть сдѣлано въ первую очередь, именно, принадлежитъ ли королю полный суверенитетъ, вѣдь обладанье имъ дѣлаетъ короля свободнымъ отъ законовъ»[3].

---

[1]) «in a Aristocracie, and Democracie, where albeit many doe governe, yett because not every one alone, but all (in) conjunction doe rule, it is to be esteemed the rule of one state by many ministers», p. 9.

[2]) «If wee doe suppose that kings and people have both equall power against one another neither cann be called cheife, because one power checkes another», p. 9.

[3]) «wee may ease our selves of many intricate questions which intangle themselves and their readers in; as whether the prince be freed from law: or whether the people have any right power over or against the kinge: if wee will sett and designe all these disputations to majestie tanquam adaequato subjecto.... For men who dispute. An rex sit solutus legibus, doe make their discourse frivolous because they doe not determine (which should have been done in the first place) whether the Kinge have full majestie: for full majestie frees him from Lawes», p. 9.

Эліотъ прибавляетъ затѣмъ: «абсолютная власть связана съ суверенитетомъ и не должна быть приписана королямъ какъ таковымъ»[1]. Король абсолютенъ по скольку онъ мыслится въ концепціяхъ суверенитета.—Логическій выводъ изъ этихъ построеній есть признаніе, что монархія въ подлинномъ смыслѣ на лицо лишь тамъ, гдѣ королю принадлежитъ верховная власть; тѣ примѣры монархій, гдѣ народу—въ той или иной формѣ—дано право низложенья королей, суть въ дѣйствительности примѣры народоправствъ. «Короли правятъ здѣсь лишь precario, покуда ихъ держатъ; въ такихъ государствахъ они ничѣмъ не отличаются отъ иныхъ должностныхъ лицъ, остающихся на своихъ мѣстахъ подъ условіемъ хорошаго поведенія или вѣрнѣй пока ими довольны[2]. Ложно было бы, однако, думать, что признать верховную власть въ государствѣ свободной отъ законовъ значитъ освободить ее отъ «руководительства законовъ» («all direction of law»): кто, какъ не верховный органъ призванъ вдуть жизнь въ законы? Но стоитъ упомянуть не о руководительствѣ, а о связанности суверена законами, и тотъ, кто призванъ править, незамѣтнымъ образомъ обращается въ подданнаго. Поэтому относительно монарха приходится ограничиваться тѣми узами, какія налагаютъ на него «религія, благочестіе, мудрость справедливость и добродѣтель, его миссія намѣстника Бога на землѣ,... наконецъ та удивительная польза, какая проистекаетъ для подданныхъ отъ его благого примѣра»[2]. «Если ни человѣческій законъ не можетъ судить короля, ни человѣческій авторитетъ—подвергнуть его наказанію, то божескій законъ осудитъ его, и рука Всевышняго, хотя бы и черезъ посредство руки человѣческой, падетъ на него местью»[3].

[1]) «such states were popular and all right of Majesty resided in the people: and Kings were Kings precario and during pleasure and differed nothing from mean officers, that held ther places with a proviso of good behaviour, nay of good likeing», p. 11.

[2]) «A King... that is just, wise and godly, wilbe a law to himselfe and moderate his high power, not that any man cann compell him, but for these reasons: viz. because Religion, piety, and wisedome, justice, vertue and his royall place of gods deputy, doth require it: besides the mervealous profitt, that comes to his own subjects by his good example», p. 19.

[3]) «though neither mans lawe cann judge him, nor mans authority punish him, yett Gods law will condemne, and his hand even by mans hand, execute vengeance on him», p. 20.

Съ обладаніемъ суверенной властью для короля связаны два послѣдствія: невозможность сдѣлаться вассаломъ другого короля, не-правовой характера клятвъ, принимаемыхъ имъ по отношенію къ подданнымъ. «Враги суверенитета готовы заключить, что у подданныхъ есть не меньше правъ къ королю, въ случаѣ если бы послѣдній не сдержалъ своей клятвы, нежели у короля по отношенію къ подданнымъ, ибо, въ силу взаимныхъ клятвъ, они вступаютъ въ договоръ другъ съ другомъ»[1]. Въ глазахъ Эліота это крайне ложная доктрина, гибельная для королей, зловредная для государствъ: «вѣдь развѣ въ цѣломъ мірѣ найдется столь совершенный или, вѣрнѣй, столь счастливый король, который не способенъ ни въ чѣмъ провиниться, не сдѣлать чего либо, что̀ можетъ быть истолковано какъ нѣчто идущее вразрѣзъ съ его долгомъ и вѣрностью клятвамъ.... Въ результатѣ всегда найдется причина низложить короля»[2]. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы короли, обладающіе абсолютной властью не налагали на себя извѣстныхъ клятвъ, съ цѣлью дать народу лишнее доказательство своей преданности: вѣдь этимъ они обязываются къ соблюденію того, чего и безъ клятвъ требуетъ отъ нихъ королевскій долгъ[3]. Естественный выводъ изъ этихъ предпосылокъ: отрицанье права отложенія подданныхъ отъ законнаго суверена, какъ бы послѣдній ни былъ строгъ, жестокъ и пороченъ. Къ тому же, утверждать противное значитъ игнорировать плачевныя послѣдствія государственныхъ потрясеній: они тяжелѣе отзываются на жизни націи, нежели дурное правленіе. Отголоски патримоніальныхъ воззрѣній—заключительный аргументъ, приводимый Эліотомъ: допустить право

[1]) «the enemies of soveraigntye would inferr, that subjects could have noe lesse right, and authoritie against Kings, if they shall chaunce not to keep their oathes then Kings have against subjects: because, say they that by mutuall oathes they enter into contract to one another», p. 58.

[2]) «this is a most fals doctrine pernitions to princes, pestilent to commonweales... for what prince in the whole world shalbe found soe perfect or (which I should rather say) happie, which offende not in somethinge, doth not somethinge which may be wrested to be against duty and fidelity... and... ther will never want cause to depose... kings», p. 60.

[3]) «these princes have not the power limited and bounded within certeyne condicions, but being of absolute power, they are content for the better assuring of the people of their love, to binde themselves by oath to performe that which the duty of their place requires them», p. 63.

«отложенія», значитъ подвергнуть наслѣдниковъ престола риску потерять ихъ законное право[1].

Совсѣмъ другой характеръ пріобрѣтаютъ клятвенныя обѣщанія, какія беретъ на себя король, чье право на престолъ обусловливается принятіемъ опредѣленныхъ условій: въ этомъ случаѣ онъ обязанъ соблюдать клятвы, но допустить, что несмотря на это онъ остается облеченнымъ верховной властью значило бы пытаться примирить непримиримое. Подобный монархъ передаетъ свои обязательства по отношенію къ подданнымъ и на своихъ пріемниковъ[2]—въ противоположность суверенным монархамъ, которые съ актами своихъ предшественниковъ считаются лишь посколько этого требуетъ польза государства и божескій законъ.

Эліотъ имѣетъ, повидимому, въ виду суверенную монархію, когда онъ говоритъ о правѣ короля созывать «хранителей государства» («conservers of the state»),—парламентъ; полнымъ молчаніемъ обходится, однако, и составъ, и право этого учрежденія. Послушно слѣдуя Бодену въ исчисленіи королевскихъ «регалій», или «прерогативъ», Эліотъ причисляетъ къ нимъ право «налагать подати и пошлины». Это не даетъ, однако, королю абсолютной власти надъ имуществомъ его подданныхъ: льстецы тѣ, кто утверждаетъ противное («fflatteres, that give to Kings absolute power, interest, and property in and over all his subjects, goods and lands»). Эліотъ подчеркиваетъ различіе между властью dominus-a и imperator-a: лишь въ силу послѣдней король облагаетъ подданныхъ, руководясь, при этомъ, исключительно соображеніями общественнаго блага. Требуется ли согласіе плательщиковъ? Этотъ пунктъ, а его утвержденіе стоило Эліоту жизни въ сыромъ

[1]) «Gods owne ordinances will forbidde the subjects to seeke divorse from their lawfull prince, albeit he be severe, cruell, wicked, for we are bound to obey him for conscience sake. for the Lord: yea reason also injoynes us to doe the same, for avoidinge perturbation and ruine of the state, from whence might issue greater evills then doth from misgoverment: and also least right succersors might be robbed of their lawfull right», p. 68.

[2]) «in all such Kingdomes which Kings receive from their subjects by compact they must keep the lawes of their predecessores, and may not alter them at pleasure, not for that the power of the predecessor doth binde the successour. but because the subjects did soe covenant with their Kinge, before he was Kinge», p. 77.

казематѣ Тауэра, обходится молчаніемъ. О согласіи рѣчь идетъ лишь тогда, когда возникаетъ вопросъ объ отчужденіи цѣлаго королевства, или его частей[1].

Въ лицѣ Эліота мы имѣемъ дѣло со сторонникомъ монархіи, —не «мнимой», договорной монархіи, а той, которая базируется на своихъ собственныхъ, освященныхъ религіознымъ авторитетомъ правахъ. Въ этомъ смыслѣ верховнымъ правамъ монарха, не могутъ быть противопоставлены права націи. Практическая сторона этого постулата—отрицаніе права сопротивленія. У Эліота не разграничивается активное и пассивное сопротивленіе, но не доказалъ ли онъ собственнымъ примѣромъ, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ имѣетъ въ виду лишь активное сопротивленіе? Дурное правленіе предпочитается имъ революціи. Съ его политической умѣренностью, отрицаньемъ «права на революцію», гармонируетъ доктрина суверенитета въ той ея формулировкѣ, которая суверенитетъ государства отождествляетъ съ суверенитетомъ одного изъ государственныхъ органовъ, монарха. Отождествляя власть монарха съ государственнымъ суверенитетомъ, Эліотъ отрицаетъ возможность мыслить монарха «связаннымъ» правовыми нормами, «кондиціями». Но изъ этого не слѣдуетъ, что монархъ не «долженъ» соблюдать законовъ: послѣднія остаются «директивой» и для абсолютнаго монарха. Тогда, когда Эліотъ разсматриваетъ монархію внѣ плоскости суверенитета, онъ не задумывается противопоставить королю «законы и привилегіи страны», онъ утверждаетъ, что характеръ подчиненія короля законамъ носитъ такой же характеръ какъ и у подданныхъ. Стоитъ ему, однако, заговорить о королѣ не «какъ таковомъ», а какъ о верховномъ органѣ, и на сцену выступаетъ моральная или утилитарная, но никакъ не правовая его связанность: вмѣстѣ съ водой, революціей, Эліотъ выбрасывалъ и ребенка, —подзаконность власти монарха.

---

[1]) «A prince therefore may not alienate eithe the whole Comon wealth, or any part of it, without the consent of those, who have interest in the propriety, as he hath in the soveraignty», p. 175.

Филиппъ Хантонъ и Генрихъ Паркеръ.

I.

Сэръ Робертъ Фильмеръ едва ли ошибался, полагая, что трактатъ Филиппа Хантона о монархіи (Philipp Hunton, A treatise of Monarchy) есть первое детальное изслѣдованіе природы ограниченной монархіи[1]. Опубликованъ онъ былъ въ маѣ 1643 г. и явился отвѣтомъ на памфлетъ Генриха Ферна о непротивленіи властямъ[2]. Проблема, поставленная Хантономъ, не была, разумѣется, новой, но это не уменьшаетъ его

[1]) Sir Robert Filmer, The Anarchy of a limited or mixed monarchy, 1648 (2nd ed. 1652), p. 1.

[2]) Dr. Henry Ferne, The Resolving of conscience etc., 1643. Памфлетъ этотъ породилъ большую литературу. Заслуживаютъ вниманія: An Answer to misled Doctor Fearne (by Herle?), 1642; The wounded conscience cured, the weak one strengthened, and the doubting satisfied, by W. Bridge, 1642; Scripture and reason pleaded for defensive armes, by divers Reverend and Learned Divines, 1643; A Post-script, briefly answering a late treatise by Henry Ferne, by Jer. Burroughs, 1643; A fuller answer to a treatise written by Doctor Ferne, 1642, by Ch. Herle. Въ отвѣтъ на послѣдній, а частью и на другіе памфлеты Ферна опубликовалъ возраженіе: «Conscience satisfied etc., April 1643. На это Herle выпускаетъ (Май 1643) «An Answer to Doctor Fernes reply». Одновременно выходитъ трактатъ Хантона, такъ что второе возраженіе Ферна «A reply unto severall treatises» (1643) направлено и въ его сторону. Въ свою очередь Хантонъ не остается безъ отвѣта и издаетъ «A vindication of the treatise of Monarchy» (1644). Въ D. N. B. его авторству приписывается трактатъ «Jus Regum» (1645) и указывается при этомъ, что въ Брит. Муз. нѣтъ экземпляра этого сочиненія. Не идетъ ли здѣсь дѣло о памфлетѣ, выпущенномъ подъ тѣмъ же заглавіемъ и въ томъ же году, авторомъ котораго является Henry Parker?—G. P. Gooch, The History of English Democratic Ideas in the 17th century, 1898, p. 112—113, посвящаетъ нѣсколько словъ трактату Хантона, но для того лишь, чтобы указать на «extraordinary confusions», которыми будто бы полно это произведеніе. Но то, что говорится Gooch-емъ, доказываетъ лишь о его поверхностномъ знакомствѣ съ Хантономъ.

заслуги дать ей точную формулировку, проанализировать до конца правовые принципы, опредѣляющіе существо конституціонной монархіи, прослѣдить практическія слѣдствія, вытекающія изъ этихъ принциповъ.

Оставаясь вѣрнымъ традиціоннымъ взглядамъ на природу государственной власти, какъ божественнаго установленія, Хантонъ трактуетъ политическія проблемы внѣ какой либо зависимости отъ религіозныхъ контроверзъ. Божественный авторитетъ освящаетъ власть какъ таковую; нѣтъ, однако, основаній думать, будто отъ Бога исходятъ велѣнія или указанія относительно преимуществъ извѣстной формы правленія надъ другой. Люди вправѣ поэтому, подъ вліяніемъ собственныхъ склонностей и сужденій, производить свой выборъ[1]. Было бы абсурдно думать иначе, вѣдь въ такомъ случаѣ мы вынуждены были бы высказать осужденіе по адресу всѣхъ политическихъ общинъ (communities), живущихъ не по тому образцу, какой мы принимаемъ за установленный Богомъ, и признать ихъ не имѣющими легальнаго базиса[2]. Библія говоритъ о случаяхъ, когда то или иное лицо было облечено авторитетомъ власти, полученной отъ Бога, но это исключительные примѣры; по общему правилу правители своимъ положеніемъ обязаны нѣмому или же явному согласію подданныхъ: «основ-

[1]) Въ своемъ «Reply unto severall treatises», p. 6., Фернъ указываетъ, что въ рѣшеніи политическихъ проблемъ мы должны руководиться тѣмъ, чтобы согласно Матѳ. 10, 25 не стать выше Нашего Учителя. Это утвержденіе находитъ энергичный отпоръ у Хантона въ его «Vindication», p. 5—6: «Христіанинъ во внѣшнихъ дѣлахъ обязанъ быть не въ лучшемъ положеніи, нежели Христосъ? Если Ему угодно было родиться подъ абсолютнымъ владычествомъ... налагаетъ ли это необходимость на всѣхъ не быть свободнѣе? Гукеръ (въ Церковной политикѣ) могъ учить насъ..., что цѣль Св. Писанія дать намъ credenda, но въ матеріяхъ, лежащихъ въ области, объемлемой разумомъ, для насъ достаточно его ясныхъ указаній, scriptura non contra dicente» («What? is every Christian bound for his outward state to be in no better case then Christ was? If he were pleased to be borne under an absolute government.... doth this impose a necessity on all to be no freer?.... Mr. Hooker might have taught... that the intent of the Scripture is to deliver us credenda: but in matters within the compasse of Reason, it is enough if we have evident reason for it, etc»).

[2]) «God hath given no word, either to command or commend one kind above another: Men may according to their Relations to the forme they live under to their affections and judgements in divers respects. preferre this or that form above the rest: but we have no divine limitation: and it were absurditie to think so; for then we should uncharitably condemne all the communities which have not that form for violation of Gods ordinance and pronounce those other Powers unlawfull, p. 3.

ная присяга», договоръ или государственное соглашеніе равносильны здѣсь слову Божію[1].—Среди различныхъ формъ правленія центръ вниманія автора направленъ на правленіе монархическое какъ «главное и наболѣе обычное» въ его дни. Здѣсь нужно различать два основныхъ типа: монархію абсолютную и ограниченную. Въ первомъ случаѣ можно констатировать три подвида: во 1-хъ, монархію, гдѣ отсутствуютъ постоянные законы, а ихъ замѣняютъ «непосредственные эдикты и велѣнія» монарха («immediate Edicts and commands»); во 2-хъ, монархію съ наличностью постоянныхъ законовъ, но съ правомъ на сторонѣ монарха отступать отъ нихъ («reserving to himselfe liberty to vary from it»); въ 3-хъ, монархію, гдѣ глава ея «не только устанавливаетъ опредѣленное правило и законъ для своего руководства, но зачастую также обѣщаетъ и беретъ на себя обязательство не измѣнять ихъ. Это обязательство есть лишь снисхожденіе и актъ милости, не уничтожающій абсолютной присяги повиновенія, которая была до этого принесена подданными... Такой правитель не столь абсолютенъ какъ предшествующіе въ пользованіи своей властью, ибо на немъ лежатъ узы, которыхъ онъ не можетъ порвать, не нарушая своего обѣщанія, т. е. не совершая грѣха..., но это не политическія узы»[2]. Такимъ образомъ уже въ абсолютной монархіи, безъ нарушенія ея жизненнаго принципа, неограниченности, возможно ввести «пользованье» властью въ опредѣленныя рамки[3]. Совершенно иная природа тѣхъ узъ, какія наложены на власть монарха при ограниченной формѣ

1) «the tacite and virtuall or else expresse and formall consent of that society of men they governe,... a publique Fundamentall Oath, contract, and agreement of the state, it is equivalent then to a Divine word,» p. 4.

2) «not onely sets downe an expresse Rule and Law to governe by, but also promiseth and engages himself in many cases not to alter that rule: but this engagement is an after condescent and act of grace, not dissolving the absolute oath of subjection, which went before it.... This Ruler is not so absolute as the former in the use of his power, for he hath put a bond on that, which he cannot breake without breach of promise, that is, without sin.... it hath no politick bounds,» p. 7.

3) Доктрина XIX ст. о монархическомъ принципѣ полагаетъ возможнымъ создать промежуточный типъ между абсолютизмомъ и конституціонализмомъ: монархъ, говорятъ намъ, юридически связанъ въ пользованіи своей властью, но сохраняетъ тѣмъ не менѣе всю ея полноту. Едва ли это явное насиліе надъ логикой можетъ быть признано шагомъ впередъ по сравненію съ теоріей Хантона.

правленія. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не объ ограниченіяхъ въ пользованіи, а объ ограниченіяхъ въ самой природѣ власти монарха. «Тотъ монархъ есть монархъ ограниченный, чья власть измѣряется закономъ, а не его собственной волей»[1]. Ограниченія налагаются здѣсь «ab externo» и обязаны своимъ происхожденіемъ «согласію и основному договору націи» («the consent and fundamentall contract of a nation of Men»), но возможны случаи, когда монархъ, который путемъ завоеванія или по другому какому либо титулу пользуется дискреціонной властью, формальнымъ путемъ или посредствомъ дѣйствій, которыя могутъ быть истолкованы въ этомъ смыслѣ, отказывается отъ своего прежняго положенія и принимаетъ новый «легальный» титулъ; этотъ отказъ отъ абсолютныхъ правъ есть какъ бы «вторичное первоначальное конституированье» государственнаго порядка[2]. Естественнымъ слѣдствіемъ введенія этой «умѣренной и легальной конституціи» («allay and legall constitution») является освобожденіе подданныхъ отъ обязанности оказывать повиновеніе дѣйствіямъ власти, идущимъ вразрѣзъ съ требованіями закона. Граница повиновенія лежитъ въ томъ пунктѣ, дальше котораго итти нельзя въ нарушеніи законовъ страны («the uttermost extent of the Law of the Land»). Поэтому во избѣжаніе «скандала и подрыва уваженія къ властямъ» («to prevent scandall or any occasion of slighting the power»), надлежитъ убѣдиться, какъ далеко заходятъ власти въ нарушеніи закона. Если это незначительный, не подрывающій государственнаго строя актъ противозаконія, скорѣе его слѣдуетъ перенести терпѣливо, нежели ставить на карту существованіе государства, полагая раздоръ между главой и тѣломъ политическимъ[3]. И лишь тогда, когда

---

1) «He is then a limited Monarch, who hath a Law beside his owne will for the measure of his power, p. 12.

2) «a Lord, who by conquest, or other right, hath an absolute arbitrary power, but not liking to hold by such a right, doth either formally or virtually desert it, and take a new legall right as judging it more safe for him to hold by, and desirable of the people to be governed by.... this is in that respect a secondary originall constitution», ibid.

3) «If the act in which the exorbitance and transgression is supposed to be of lesser moment, and not striking at the very being of that government it ought to be borne by publique patience, rather then to endanger the being of the state by a contention betwixt the head and body politique,» p. 17.

нарушеніе законовъ касается самыхъ устоевъ правленія страны и общественной свободы, съ подданныхъ снимается долгъ повиновенія. Но не слѣдуетъ сразу переходить къ сопротивленію, не испробовавъ обращенія къ монарху съ петиціей[1]. Однако, и въ томъ случаѣ, когда обращеніе къ силѣ оправдывается высшими соображеніями, личность монарха должна оставаться неприкосновенной.

Всякая форма правленія, въ конечномъ счетѣ, покоится на предпосылкѣ «согласія» со стороны подданныхъ; нельзя поэтому дѣлать юридическіе выводы изъ историческихъ фактовъ происхожденія власти. Съ этой точки зрѣнія Хантонъ отказывается видѣть принципіальное различіе между завоеваніемъ, давностью и выборомъ, какъ базисомъ монаршихъ правъ. Одинъ субъектъ можетъ быть вынужденъ, подобно неразумнымъ существамъ, подчиниться власти другого, который способенъ всячески попирать его, но обязанность подчиненія, какъ акта моральнаго, не можетъ быть наложена на человѣка, какъ носителя свободной воли, помимо его согласія[2]. Сила меча можетъ быть «отдаленной, движущей причиной», приводящей націю къ повиновенію, но ее нельзя признать «непосредственной, формальной причиной», налагающей на націю обязанность повиновенія[3].

Наряду съ классификаціей по принципу полноты или ограниченности власти Хантонъ выставляетъ иную классификацію, основанную на принципѣ распредѣленія власти. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ «простымъ» правленіемъ, когда власть ввѣрена въ руки одного лица, и отъ него, путемъ делегаціи, по-

1) «If it be mortall and such as suffered dissolves the frame and life of the government and the publique liberty. Then the illegality and destructive nature is to be set open, and redresment sought by Petition; which if failing, Prevention by resistance ought to be,» ibid.

2) «my reason is, because man being a voluntary agent and subjection being a morall act, it doth essentially depend on consent: so that a man may by force and extremity be brought under the power of another, as unreasonable creatures are, to be disposed of, and trampled on, whether they will or no: But a bond of subjection cannot be put on him, nor a right to claime obedience and service acquired, unlesse a man become bound by some act of his owne will», 19.

3) «a remote impulsive cause it oft is, but not an immediate formall cause: for that must ever be the consent of the people, whereby they accept of and resigne up themselves to a Government, and then their Persons are morally bound, and not before, p. 22.

лучаютъ свою власть остальные органы. Въ государствѣ нѣтъ авторитета кромѣ того, что исходитъ отъ единаго носителя власти. Этотъ послѣдній есть «индивидуально одно лицо», и въ такомъ случаѣ передъ нами примѣръ «простой монархіи». Носителемъ власти можетъ быть «сложное тѣло», составленное изъ аристократическихъ элементовъ въ «простой аристократіи», или изъ демократическихъ, безъ различія происхожденія и состоянія, въ «простой демократіи»[1]. Смѣшать всѣ три элемента: монархическій, аристократическій и демократическій, такъ, чтобы высшее повелѣвающее начало (the highest command) распредѣлилось поровну между ними, достижимо съ большимъ трудомъ. И если бы это, дѣйствительно, осуществилось, мы имѣли бы дѣло просто со «смѣшаннымъ государствомъ» (Mixed State). На практикѣ, однако, тотъ или иной элементъ изъ трехъ получаетъ опредѣляющее значеніе, и лишь этимъ путемъ достигается въ государствѣ единство. По имени преобладающаго элемента политическія организаціи и получаютъ имя монархій, аристократій и демократій[2]. Если въ «простомъ» государствѣ высшая власть принадлежитъ единому ея носителю, будь то физическое или сложное, ассоціативное цѣлое, въ государствѣ «смѣшанномъ» суверенитъ («a full authority») возвышается надъ тремя составными элементами (estates), хотя послѣдніе и черпаютъ его (are all sharers) въ согласіи съ «основной конституціей»[3]

1) «simple is when the government, absolute or limited, is so intrusted in the hands of one, that all the rest is by deputation from him; so that there is no authority in the whole Body but his, or derived from him: And that one is either individually one Person, and then it is a simple Monarchy: Or one associate Body, chosen out of the Nobility... or out of the Community, without respect of birth or state, op. cit. p. 22.

2) «if there be priority of Order in one of the three (as I thinke there must be or else there can be no Unity) it may take take the name of that which hath the precedency. But the firmer Union is, where one of the three is predominant and in that regard gives the denomination to the whole», p. 25.

3) Кто является ея творцомъ? Тотъ, кому принадлежитъ въ государствѣ учредительная или, какъ выражается Хантонъ, «архитектоническая» власть. Въ «Вицикаціи трактата о монархіи» говорится о присущей народу власти «общимъ согласіемъ и договоромъ учредить ту или иную форму правленія и привести себя въ состояніе подчиненія на условіяхъ и въ соотвѣтствіи съ формой, имъ установленной». «Это то», прибавляетъ Хантонъ, «что я называю архитектонической властью» («we speake of a people free from all government; but they have a vitruall radicall power, by publike consent and contract to constitute this or that forme of Government, and resigne up themselves to a condition of sub-

страны: вѣдь если предположить, что власть одного элемента есть власть первоначальная, а власть остальныхъ делегированная, въ этомъ случаѣ принципъ «смѣшенія» былъ бы нарушенъ. Но при одинаковомъ правовомъ базисѣ элементы или «чины» какъ ихъ называетъ Хантонъ, образующіе смѣшанное государство, могутъ быть тѣмъ не менѣе обладателями неравныхъ по объему правъ. Это вытекаетъ изъ того преобладанья, какое для достиженія государственнаго единства, дается одному изъ государственныхъ «чиновъ». Таково положеніе монарха въ смѣшанной монархіи. Онъ есть глава и источникъ власти, приводящей въ дѣйствіе установленные законы; отъ него зависитъ выполненіе ряда актовъ, въ силу которыхъ остальные элементы государственной организаціи способны воспользоваться тѣми правами, какія даны имъ конституціей: вѣдь монархъ созываетъ и распускаетъ собраніе остальныхъ двухъ «чиновъ», носителей начала аристократическаго и демократическаго[1]. Но если въ отправленіи этихъ функцій монархъ дѣйствуетъ единолично, то онъ связанъ участіемъ послѣднихъ въ осуществленіи законодательныхъ функцій. Власть законодательная, власть главная, которую авторъ противопоставляетъ власти правительственной, состоитъ въ изданіи новыхъ законовъ и въ аутентичномъ толкованіи старыхъ[2].

Въ чемъ же заключается цѣль подобнаго смѣшенья властей? «Если монархъ вторгнется въ область компетенціи двухъ

---

jection on Termes and after a form of their owne constitution... This is that which I called Architectonicall Power», p. 12).

1) «the head and Fountain of the power which governs and executes the established Lawes»; «a sole and chiefe power of capacitating and putting those persons or societes in such states and conditions, as whereunto such supreme power by the foundations of the Government doth belong, and is annexed: so that though the Aristocratical and Democraticall power which is conjoyned to his, but not from him: yet the definement and determination of it to such persons is from him, by a necessary consecution»; «power of convocating or causing to be put in existence and dissolving such a Court or Meeting of the two other estates as is authoritative, be in him», p. 26.

2) «the supreme power being the Legislative or the Gubernative. In a mixed Monarchy sometimes the mixture is the seate of the Legislative power, which is the chiefe of two: the power of constituting officers for governing by those lawes being left to the Monarch.... By Legislative I meane the power of making new Lawes, if any new be needfull to be added to the foundation: and the Authentick power of interpreting the old», p. 26.

другихъ (чиновъ) или же вступитъ на путь, ведущій къ разрушенію установленнаго строя, эти чины должны использовать свою власть, чтобы спасти государство отъ гибели; въ этомъ и заключается подлинная и основная цѣль смѣшанной формы правленія, а не въ томъ, чтобы власти, препятствуя и сталкиваясь другъ съ другомъ, были бы помѣхой общественному благу. Если одинъ изъ чиновъ перейдетъ положенныя границы, власть сдерживанія и изысканія средствъ предохраненья государства должна быть въ рукахъ остальныхъ. Власть распредѣлена по различнымъ рукамъ, чтобы одинъ элементъ уравновѣшивалъ и уравнивалъ другой[1].

Эти общія соображенія Хантонъ предпосылаетъ анализу англійской монархіи. Ограничена или абсолютна въ послѣдней власть короля? Авторъ отвѣчаетъ въ утвердительномъ смыслѣ: вѣдь всякая смѣшанная монархія есть eo ipso ограниченная. Но если бы этотъ аргументъ не былъ принятъ во вниманіе, развѣ не достаточно того, что съ незапамятныхъ временъ законы и обычаи королевства отстаивались націей и получали признаніе, въ связи съ ограниченіемъ королевской власти, вродѣ торжественныхъ публичныхъ актовъ, начиная съ Великой Хартіи Вольностей? Если нація не соглашалась на подчиненіе иначе какъ въ согласіи съ законами, то и короли не требовали его иначе какъ подъ какимъ либо законнымъ предлогомъ и титуломъ[2]. Этому праву давности защитники королевской прерогативы противопоставляютъ возникновеніе англійской монархіи изъ ряда завоеваній — саксонскаго, римскаго и норманскаго. Можно ли, однако, на-

[1]) «If she Monarch invade the power of the other two or run in any course tending to the dissolving of the constituted frame, they ought to employ their power in this case to preserve the state from ruine; yea that is the very end and fundamentall aime in constituting all mixed Policies: not that they by crossing and jarring should hinder the publique good; but that if one exorbitate, the power of restraint and providing for the publike safety should be in the rest: and the power is put into divers hands, that one should counterpoize and keep even the other», p. 28.

[2]) «the Soveraignty of our Kings is radically and fundamentally limited.... had we no other proofe, yet that of Prescription were sufficient: In all ages, beyond record, the Lawes and customes of the Kingdome have been stood upon, and Grants thereof, with limitations of Royall power, made and acknowledged by Magna Charta, and other publike and solemne acts; and no obedience acknowledged to be due but that, which is according to Law, nor claimed but under some pretext and title of Law», p. 31—32.

шествіе саксовъ разсматривать какъ начало абсолютизма? Развѣ пришельцы потеряли свою свободу, какъ только въ качествѣ побѣдителей ступили на англійскую почву? Какъ разъ наоборотъ: имъ то Англія и обязана тѣмъ, что изъ германскихъ лѣсовъ они принесли ей народную свободу[1]. Нашествіе датчанъ было слишкомъ преходяще, чтобы оно могло опредѣлить собою государственное устройство страны. «Ясно, такимъ образомъ, что англійская свобода оставалась (нетронутой) вплоть до норманскаго нашествія»[2], и она не была уничтожена Вильгельмомъ Завоевателемъ: вѣдь послѣдній основывался на правахъ, дарованныхъ ему королемъ Эдуардомъ. Къ тому же, введя нѣкоторые норманскіе обычаи, онъ оставилъ(!) «судъ присяжныхъ и другіе краеугольные камни правительственнаго строя, изъ которыхъ слагается англійская свобода»[3].—Въ пяти пунктахъ Хантонъ перечисляетъ ограниченія королевской власти: во 1-хъ, власть законодательная (nomotheticall) принадлежитъ всѣмъ тремъ сословіямъ, т. е. королю и двумъ палатамъ парламента; во 2-хъ, власть правительственная (the governing Power) должна осуществляться въ сообразованіи (confinement) съ законами и обычаями страны; въ 3-хъ, король не долженъ творить судъ иначе какъ въ учрежденіяхъ, организація которыхъ основана на законѣ, принятомъ тремя чинами[4]; въ 4-хъ, онъ связанъ порядкомъ престолонаслѣдія и, наконецъ, въ 5-хъ, не долженъ касаться частной собственности подданныхъ. Исходя какъ будто изъ тѣхъ же предпосылокъ и не отрицая «смѣшаннаго» характера англійскаго правленія «величайшіе патроны непротивленія» («the greatest Patrons of irresistibility»)

1) «Rather I conceive the Originall of the subjects libertie was by those our free-fathers brought out of Gormany», p. 35.

2) «Thus it is clear the English Libertie remained to them till the Norman invasion», ibid.

3) «the triall by twelve men, and other fundamentalls of government, wherein the English freedome consists, he left untouched». p. 36.—Любопытно, что и Ферн, противъ котораго, главнымъ образомъ, направлена эта критика, далекъ отъ того, чтобы рекомендовать королямъ—несмотря на ихъ историческій титулъ—править страной подобно завоевателямъ: «Боже упаси». («God forbid»), чтобы они такъ сдѣлали (the Resolving of Conscience, p. 20).

4) «hee cannot judge by himselfe or officers, but in the Courts of justice: so those Courts of justice must have a constitution by a concurrence of the three Estates», p. 38.

дають, однако, такую конструкцію взаимоотношеній составныхъ элементовъ, что въ результатѣ власть короля оказывается неумаленной ни въ чемъ существенномъ. Заблужденіе ихъ состоитъ въ томъ, что, въ ихъ представленіи, вступаютъ въ смѣшенье не власти, а власть и совѣтъ: «авторитетъ короля сообщаетъ силу (законодательнымъ) актамъ, парламентъ лишь совѣтуетъ или предлагаетъ то, что находитъ полезнымъ для страны. Королевская власть какъ бы единолично даетъ жизнь закону»[1]. Подобная точка зрѣнія ошибочна въ томъ отношеніи, что она игнорируетъ юридическій характеръ парламента: вѣдь это ничто иное, какъ «высшій судъ». Очевидно, однако, что судъ есть сѣдалище авторитета и власти, а не совѣта лишь[2]. Существуетъ еще одна теорія, которая, признавая за парламентомъ «авторитативный», а не «консультативный» только характеръ, утверждаетъ, что парламентъ есть королевскій парламентъ, отъ короля заимствуетъ свой авторитетъ, поэтому этотъ авторитетъ является чѣмъ то «субординированнымъ»[3]. Естественнымъ выводомъ для Хантона изъ непризнанія «субординаціи» парламента, было бы признать его «координацію» наряду съ королемъ. Этотъ шагъ рѣшился сдѣлать Герль (Herle) въ своемъ возраженіи Ферну, противъ котораго, главнымъ образомъ, направлена и критика Хантона. «Англійское правленіе», говоритъ Герль, «не есть субординированное и абсолютное, но координированное и смѣшанное. Это смѣшеніе или координація проникаетъ въ самое верховенство власти. Иначе Англія не была бы смѣшанной монархіей, вѣдь во всѣхъ монархіяхъ есть примѣсь въ видѣ подчиненныхъ властей, въ англійскомъ же государствѣ самая высшая власть состоитъ изъ трехъ кординиро-

[1]) «this mixture seems not to be of distinct powers, but of a Power and Councell; authority in the Prince to give power to Acts, and counsell in the two Houses to advise and propose wholesom Acts; as if the royall power alone did give life to the Law», p. 41.

[2]) «Now it is evident that a Court is the seat and subject of Authority and power, and not barely of counsell and adbice, ibid.

[3]) «they have no authority, but subordination to the King, and derived from, as his Parliament. Indeed this is a maine Question, and hath very weighty Arguments on both sides, viz. Whether the authority of both the Houses be a subordinate authority, and derived from the King as its originall», p. 42.

ванныхъ чиновъ: короля и двухъ палатъ парламента[1]». Этого шага не рѣшается сдѣлать Хантонъ: признать координированность палатъ и короля, не значитъ ли это опрокинуть цѣликомъ монархію и свести правленіе къ демократіи[2]. Отсюда двойственность его словъ: боясь употребить столь опасный терминъ, онъ говоритъ по существу то же, что и Герль: субординированнымъ органомъ парламентъ признать нельзя, иначе онъ не былъ бы привлеченъ къ выполненію высшихъ государственныхъ функцій. Къ тому же, если бы власть парламента цѣликомъ зависѣла и проистекала отъ власти короля, цѣль его установленія, заключающаяся въ ограниченіи и сдерживаніи королевской власти, была бы не выполнена[3]. Въ своемъ «Отвѣтѣ» Фернъ указываетъ, что теорія смѣшанной монархіи должна привести къ признанію «нѣсколькихъ независимыхъ властей въ одномъ государствѣ, что въ высшей степени абсурдно»[4]. «Отвѣтъ» Ферна, какъ указывалось уже, вызвалъ «Виндикацію» со стороны Хантона. По мнѣнію послѣдняго, аргументъ, приводимый его противникомъ, бьетъ мимо цѣли: «если дѣйствительно абсурдно говорить о нѣсколькихъ полныхъ независимыхъ властяхъ, то утверждать возможность нѣсколькихъ неполныхъ независимыхъ властей, образующихъ одну интегральную, смѣшанную власть, нисколько не абсурдно: вѣдь таково положеніе вещей во всѣхъ аристократіяхъ и демократіяхъ; то же самое должно быть признано и относительно всѣхъ смѣшанныхъ государствъ, гдѣ высшая власть не находится всецѣло въ рукахъ одного лица»[5].

---

1) «Englands is not a simply subordinative, and absolute, but a coordinative, and mixt Monarchy: This mixture, or Coordination is in the very supremacy of power it selfe, otherwise the Monarchy were not mixt: all Monarchies have a mixture, or composition of subordinate, and under-officers in them, but here the Monarchy, or highest power is it selfe compounded of 3 coordinate Estates, a King, and two Houses of Parliament». Charles Herle, A fuller answer, 1642. p. 3.

2) «this is a very overthrow of all Monarchy, and to reduce all government to Democracy», p. 42.

3) «the end of constituting these two estates being the limiting and preventing the excesses of the third, their power must not be totally dependent and derived from the third, for then it were unsuitable for the end for which it was ordained», p. 43.

4) «it would make severall independent powers in the same state or Kingdome, which is most absurd», Reply, p. 17.

5) «I graunt it be absurd, it he speake of severall complete powers, but to affirme severall incomplete independent powers concurring to make up one

Этой рѣшительности Хантонъ не проявилъ однако въ своемъ основномъ сочиненіи, поэтому и остается неяснымъ, какое понятіе онъ хотѣлъ бы поставить на мѣсто координаціи властей.

Система сдержекъ можетъ примѣняться, и всетаки обращеніе къ праву сопротивленія можетъ оказаться необходимымъ. Прежде чѣмъ переходить къ такому крайнему средству, рекомендуется испробовать рядъ иныхъ, болѣе мягкихъ, способовъ, обѣщающихъ возвратить монарха на путь законности — вѣдь съ его только стороны ожидается возможность тиранiи, о тиранiи парламента пока еще нѣтъ рѣчи[1]. Должны быть испробованы молитва, петиція, отказъ въ повиновеніи, отказъ въ субсидіи («Prayer to god; Petition to the Prince; Deniall of obedience; Deniall of Subsidie»). Изъ этихъ средствъ первыя два, по словамъ Хантона, упоминаются лишь pro forma («are put in to fill up the number»). Остающіяся средства мало дѣйствительны: съ одной стороны, король всегда сумѣетъ найти послушныя орудія своей воли, а съ другой стороны, онъ въ состояніи съ «помощью тысячи способовъ получить все, что ему угодно, не считаясь съ согласіемъ націи. Если королю внушатъ, что онъ можетъ итти такимъ путемъ, не трудно подыскать соотвѣтствующія основанія, чтобы признать его образъ дѣйствій законнымъ, какъ недавній опытъ засвидѣтельствовалъ это болѣе, чѣмъ достаточно»[2]. Право сопро-

integrall mixt power, it is no absurdity at all for so it is in all Aristocracies and Democracies, and must be acknowledged in all mixed states, where the supremacie is not wholy in the hands of one person», Vindication, p. 15.

[1]) Фернъ упрекалъ своихъ противниковъ въ томъ, что для нихъ парламентъ то же, что для католиковъ церковь: «прочтите у себя въ сердцахъ и провѣрьте, не пользуется ли у васъ имя парламента (а въ почетѣ оно у всѣхъ) такимъ же черезмѣрнымъ кредитомъ, какъ имя церкви у папистовъ, не найдется ли у васъ внутри молчаливой мысли о непогрѣшимости этого великаго собранія» (examine your hearts and try if the name of Parliament (which is of honourable esteem with all) be not raised to the like excesse of credit with you, as the name of the Church is with the Papists: if you have not within you a silent thought of infallibility in that great Councell», «The Epistle to all Miss-led People in this Land» (The Resolving of Conscience).—У Паркера (см. ниже) парламентъ дѣйствительно признается непогрѣшимымъ.

[2]) «if he may by thousands of Instruments take all... what need he care whether the people deny or grant: If a Prince be taught that he may do it: cases and reasons will soon be brought to perswade him, that in them he may lawfully doe it: as late experiences have given us too much Testimonie», p. 53.

тивленія неустранимо, если только мы не хотимъ сдѣлать невозможными всѣ формы правленія кромѣ абсолютизма. «Вѣдь цѣль установленія умѣренныхъ формъ заключается не въ томъ, чтобы сдѣлать эксцессы высшей власти легально невозможными, а въ томъ, чтобы лишить высшую власть фактической возможности эксцессовъ»[1]. Въ первой части своей работы Хантонъ констатируетъ лишь «невозможность нахожденія судьи, который рѣшалъ бы споръ о томъ, преступилъ ли носитель суверенитета конституціонныя грани»[2]. Обсуждая болѣе детально эту проблему во второй части «Трактата о монархіи», авторъ приходитъ къ выводу, что подобнымъ судьей не можетъ быть ни одинъ изъ элементовъ, образующихъ верховную власть. «Спросить, кто изъ нихъ вправѣ притязать на окончательное рѣшеніе основныхъ контроверзъ, возникающихъ между ними, было бы равносильно вопросу о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ абсолютная власть»[3]. Авторъ находитъ выходъ изъ тупика въ томъ, что при невозможности легальнаго рѣшенія, каждый долженъ по своему разумѣнію примкнуть къ той сторонѣ, которая ему кажется правой[4].

Знакомство съ политическими построеніями Хантона наталкиваетъ на сближеніе ихъ съ тѣмъ, что сто лѣтъ спустя высказалъ по поводу англійскаго правленія Монтескье. И такое сближеніе не было бы неправильнымъ, поскольку оба автора исторически сложившимся учрежденіямъ даютъ раціональное обоснованіе. Но здѣсь кончается сходство. Монтескье говоритъ о властяхъ, въ смыслѣ различныхъ государственныхъ

1) «the end of all constitution of moderated forms is not that the supreme power might not lawfully exorbitate but that it might have no power to exorbitate», p. 54.

2) «an impossibility of constituting a Judge to determine this last controversie, viz. the Soveraignes transgressing his fundamental limits», p. 17.

3) «To demand which state may challenge this power of finall determination of Fundamentall controversies arising betwixt them is to demand which of them shall be absolute», p. 69.

4) «If it be demanded then, how this cause can be decided? and which way must the People turne in such contention? I answere, If the non-decision be tolerable, it must remaine undecided, whiles the Principle of legall decision is thus devided. and by that division each suspends the others power. If it be such as is destructive. and necessitates a determination, this must be made evident; and then every Person must aide that Part, which in his best Reason and Judgement stands for publike good, against the destructive», p. 73.

функцій, а Хантонъ о «чинахъ», государственныхъ органахъ, безотносительно къ характеру ихъ дѣятельности; центръ тяжести у него переносится не на то, что различныя функціи должны находиться въ различныхъ рукахъ, а на то, что государственный авторитетъ, какъ цѣлое, не долженъ быть сосредоточенъ въ одномъ органѣ. Поэтому имя Хантона нельзя связать съ теоріей раздѣленія властей въ ея традиціонной, ведущей начало отъ Монтескье, формулировкѣ.

II.

Въ своемъ трактатѣ Хантонъ ссылается на автора, который былъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ «Наблюдателя» (Observator). Псевдонимъ этотъ связываютъ съ именемъ Генриха Паркера (Henry Parker). Его перу принадлежитъ рядъ памфлетовъ, опубликованныхъ въ теченіе десятилѣтія между 1640—1650 гг.[1].—Сочиненія Паркера привлекаются для иллюстраціи той перемѣны въ воззрѣніяхъ на монархію, какая совершалась въ англійской націи по мѣрѣ того, какъ конфликтъ между королемъ и парламентомъ принималъ все болѣе обостренныя формы[2]). Языкъ Паркера дѣйствительно становится болѣе энергичнымъ, чѣмъ менѣе достижимой становится возможность примиренія столкнувшихся силъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ошибочно было бы думать, что тѣ политическія формулы, съ которыми Паркеръ началъ свою публицистическую дѣятельность, мѣшали, ему усвоить, съ теченіемъ времени, болѣе радикальную позицію. Уже въ памфлетѣ, написанномъ имъ по поводу дѣла о «корабельной пошлинѣ», можно констатировать основной лейтмотивъ его политическихъ убѣжденій: вѣру въ верховенство народнаго блага, передъ которымъ склоняются всѣ человѣческіе законы, и даже Богъ поступается многими изъ Его велѣній. Желѣзный законъ необходимости и тотъ подчиненъ этому высшему началу: вѣдь предпочтительнѣй всѣ средства признать необходимыми, а по необходимости и ле-

[1]) Изъ нихъ главнѣйшіе: The case of shipmoney briefly discoursed, 1640; A Discourse concerning puritans, 1641; Observations upon some of his Majesties late Answers and Expresses, 1642; The Contra-Replicant. 1643; Jus Populi, 1644; Jus Regum, 1645; The true portraiture of the Kings of England, 1650.

[2]) Ср. Gooch, op. cit. p. 126.

гальными, нежели допустить націю до погибели[1]. Если сталкиваются, съ одной стороны, народная свобода, а съ другой стороны, королевская прерогатива, послѣдняя должна уступить первой: вѣдь королевская власть признается лишь постольку, поскольку она нужна для охраны національныхъ правъ. Подобное соотношеніе есть нѣчто лежащее въ природѣ вещей, а поэтому проблема заключается не въ томъ, въ какихъ размѣрахъ совмѣстима свобода съ королевскимъ абсолютизмомъ или прерогативой, а въ томъ, въ какихъ предѣлахъ соображенія народнаго блага терпятъ эту прерогативу[2]. Нація въ противоположность королямъ представляетъ устойчивый элементъ въ государствѣ. Короли мѣняются: они то лучше, то хуже—послѣднее, впрочемъ, чаще (p. 22); народъ все тотъ же изъ вѣка въ вѣкъ, съ небольшими лишь измѣненіями[3]. Паркеръ сравниваетъ націю съ моремъ, которое, если и выходитъ изъ состоянья покоя, то не по своей иниціативѣ: вѣтры приводятъ его въ движеніе.—Организованная нація есть ничто иное какъ парламентъ. Рѣшенія послѣдняго непогрѣшимы (inffalibbe): вѣдь отдѣльныя лица могутъ впасть въ заблужденіе, но всѣ не могутъ обмануть одного, а одинъ всѣхъ[4].

Истолковать подобнымъ образомъ монархію значитъ «урѣзать ей крылья» («to clip the wings of Royalty»), и поэтому выпадъ Паркера по адресу тѣхъ, кто стремится измѣнить или умалить монархическое правленіе, ройялистамъ долженъ былъ

---

1) «the supreme of all humane lawes is salus populi. To this law all lawes almost stoope. God dispences with many of his lawes. rather then salus populi shall bee endangered, and that iron law which wee call necessity it selfe, is but snbservient to this law: for rather then a Nation shall perish, any thing shall be held necessary, and legal by necessity». The Case of Shipmoney, p. 7.

2) «the liberty of the subject is a thing which makes a King great: and... the Kings prerogative hath onely for its ends to maintaine the peoples liberty wherefore it is manifest, that in nature is more favour due to the liberty of the subject, then to the Prerogative of the King... and then to solve these Knots, our dispute must be, what prerogative the peoples good and profit will beare, not what liberty the Kings absolutenes or prerogative may admitt». p. 4.

3) «The alterations of times doe not depend upon the alteration of the people, but of Princes: when Princes are good it fares well with the people, when bad ill. Princes often vary, but the people is alwaies the same in all ages, and capable of small, or no variations».

4) «it is truly said by Sis Robert Cotton. that all private single persons may deceive and bee deceived; but all cannot deceive on, nor one all», p. 35.

показаться злой ироніей[1]. Къ тому же, авторъ не упускаетъ случая указать, что въ его время большинство государствъ на сторонѣ республиканской формы правленія. Послѣднюю Паркеръ отождествляетъ, повидимому съ правленіемъ «на кондиціяхъ и ограниченнымъ»[2].

Изъ памфлетовъ Паркера наиболѣе цѣнный и, къ тому же, имѣвшій наибольшій успѣхъ, это «Замѣчанія на нѣкоторые изъ отвѣтовъ и заявленій его величества» (1642). Въ томъ, что Паркеръ писалъ послѣ, чувствуется, что все существенное имъ уже сказано. Нѣкоторыя детали небезъинтересны, однако, и въ «Jus Populi» (1644). Главнымъ образомъ, эти два памфлета имѣются въ дальнѣйшемъ въ виду.—Цѣлый рядъ современныхъ Паркеру политическихъ писателей старались доказать, что та или иная форма властвованія не находится въ зависимости отъ Божественной санкціи: послѣдняя освящаетъ всякую власть, будь то даже власть узурпатора. Паркеръ усваиваетъ еще болѣе смѣлую позицію: напрасно искать въ Св. Писаніи не только оправданія той или иной правительственной формы, но и доказательствъ въ пользу самой необходимости политической организаціи. Примѣръ Лота и Авраама, разставшихся другъ съ другомъ, свидѣтельствуетъ, что для «природы», которую авторъ неожиданно подставляетъ на мѣсто Библіи, совершенно безразлично, предпочитаютъ ли люди жить подъ авторитетомъ власти или нѣтъ[3]. Эту полную отрѣшенность вопросовъ политики отъ теологіи авторъ проводитъ въ обоснованіи своего тезиса о націи, какъ источникѣ всякой власти. Доказательство этому онъ находитъ не въ томъ или иномъ библейскомъ текстѣ, а въ матеріальной силѣ и могуществѣ, какими обладаетъ то или иное человѣческое общество[4].

---

[1]) «he be odious which seekes to alter or diminish Monarchicall Government», p. 37.—Ср. «Discourse concerning Puritans», p. 19, гдѣ парламентъ нязывается «this collective universality».

[2]) «for the most part now adaies the world is given to republists (republics?), or to conditionate and restrained forms of government», p. 7.—Это неопредѣленное употребленіе слова «республика» заставляетъ быть осторожнымъ въ констатированіи республиканскихъ тенденцій у англичанъ 17-го столѣтія.

[3]) «They... resolved upon dissociation; and this could not but have been a great sin against the divine right of Government, if any such had been originally imprinted in Nature», Jus Populi, p. 5.

[4]) «Power is originally inherent in the people, and it is nothing else but that

Король «больше», нежели отдѣльные граждане, но онъ «меньше», нежели вся нація[1]. Это утвержденіе подняло бурю протестовъ среди ройялистовъ, и даже Хантонъ не нашелъ возможнымъ согласиться съ Паркеромъ. Послѣдній однако не намѣренъ былъ сойти съ занятой позиціи. Выставивши свой тезисъ въ «Замѣчаніяхъ», онъ воспроизвелъ его, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ, въ «Jus Populi»: «короли обладаютъ, быть можетъ, верховенствомъ по отношенію къ отдѣльнымъ подданнымъ, но признаютъ себя подчиненными по отношенію ко всему государству»[2]. Уже упоминалось, что понятіе націи сливается у Паркера съ понятіемъ парламента. Послѣдній есть ничто иное какъ все тотъ же народъ, но только «искуственнымъ образомъ собранный и обращенный съ помощью упорядоченныхъ выборовъ и представительства въ одно, пропорціональное (народу) собраніе. Разумѣется, парламентъ во многомъ отличается отъ грубой массы народа, но по власти, чести, величію и авторитету, это учрежденіе не должно для легальныхъ цѣлей разсматриваться и признаваться отличнымъ отъ народа»[3]. Парламентъ это нація. Но что такое нація какъ не государство? Логическій выводъ отсюда, что парламентъ и есть государство («it is indeed the state it self»). Какова же въ такомъ случаѣ роль короля? Не сведена ли она къ нулю? Паркеръ допускаетъ возможность подобнаго вопроса, но вмѣсто отвѣта довольствуется утвержденіемъ, что для «королевства» отъ парламента никогда не проистекало и не можетъ проистечь вреда[4]. Это точка зрѣнія

might and vigour which such or such a societie of men contains in itselfe», Observations, p. 1.

1) «the King, though he be singulis Major, yet he is universis minor», ibid, p. 2.—Эта идея проскальзываетъ уже въ «Case of Shipmoney», гдѣ утверждается (p. 16), что «the whole state is in value and dignity... to be preferred before the King.»—О происхожденіи приведеннаго въ текстѣ изреченія ср. ниже главу о Ричардѣ Гукерѣ.

2) «our Tenet is, that Kings may have supreame Majesty as to all individuall subjects, yet acknowledge themselves subject to the whole state», p. 26.

3) «the Parliament is indeed nothing else, but the very people it selfe artificially congregated, or reduced by an orderly election, and representation, into such a Senate, or proportionable body. Tis true, in my understanding, the Parliament differs many wayes from the rude bulk of the universality, but in power, in honour, in majestie, in commisson, it ought not at all to be divided, or accounted different to any legall purpose». Jus Populi, p. 18.

4) «no age will furnish us with one story of any Parliament freely elected,

«Замѣчаній», но въ «Jus Populi», авторъ признаетъ вѣроятность конфликтовъ между націей и парламентомъ, хотя и очень немногихъ и незначительныхъ («very few, and those not considerable»). Онъ обѣщаетъ дать объясненія, въ чемъ возможность конфликтовъ, но не приводитъ своего обѣщанія въ исполненіе. Нѣтъ ли, однако, въ этомъ намека на возможность путемъ подкуповъ и воздѣйствія на выборы исказить характеръ парламента какъ учрежденія, «геометрически-пропорціональнаго» («geometrically proportionable») по отношенію къ націи? Въ памфлетѣ «Jus Regum» (p. 24) на это есть указанія.—Какова же та форма правленія, въ сторону которой направлены симпатіи автора? Это «парламентарное правленіе» («Parliamentary Government»)—не въ томъ смыслѣ, что парламентъ долженъ функціонировать въ качествѣ постояннаго, правящаго учрежденія: палаты играютъ роль «лѣкарства, а не «постоянной пищи» («used as Physicke, not dyet»), а въ томъ, что короля должны окружать совѣтники назначенные «съ одобренья и наименованья со стороны Великаго Совѣта» («by approbation, or nomination of the great councell»), т. е. парламента. Это требованіе выставилъ и Долгій Парламентъ.

У Паркера больше практицизма, нежели у Хантона, его мало занимаютъ тонкія различенія между «субординаціей» и «координаціей» властей. Болѣе рѣшительный, нежели Хантонъ, онъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы назвать вещи ихъ именами. Но путь юридическихъ конструкцій, избранный Хантономъ, сходился, въ концѣ концовъ, съ путемъ, который предпочитаетъ Паркеръ: конечный пунктъ—обоснованье ограниченныхъ формъ правленія—былъ у нихъ одинъ и тотъ же.

---

and held, that ever did injure a whole Kingdome or exercise any tyranny, nor is there any possibility how it should», Observations, p. 22.

„Англійское правленіе“ Твисдена.

Трактатъ сэра Роджера Твисдена, «Нѣкоторыя соображенія объ англійскомъ правленіи[1]», ставитъ цѣлью изученіе государственно-правовыхъ учрежденій на историческомъ базисѣ. Обращаясь къ первоисточникамъ авторъ надѣется реабилитировать свою работу въ глазахъ юристовъ чистой воды, для которыхъ историческій анализъ законодательства есть не болѣе какъ «ementita jurisprudentia», «искаженная юриспруденція»—презрительный терминъ, какимъ окрестилъ историческій методъ въ правѣ сэръ Эдуардъ Кокъ. По мнѣнію Твисдена, не объ искаженіи, а наоборотъ, объ углубленіи смысла законодательныхъ опредѣленій идетъ рѣчь, когда на помощь юриспруденціи является исторія. «Законъ, какъ онъ выходитъ изъ рукъ историка, сильно разнится отъ того, что̀ даетъ юристъ: послѣдній констатируетъ фактъ (существованія закона), первый изъясняетъ его цѣль, смыслъ и государ-

[1]) Sir Roger Twysden, Certain considerations upon the government of England. Не напечатанный при жизни автора, трактатъ былъ изданъ въ 1849 г. J. M. Kemble-емъ (Camden Society). Послѣдній полагаетъ, что Твисденъ (Твайсденъ?) былъ занятъ имъ между 1650—1660 гг. Въ пользу этого предположенія говоритъ рядъ указаній въ текстѣ: даты цитируемыхъ книгъ исключаютъ возможность отнести моментъ возникновенія трактата ко времени до 1649 г. Не менѣе вѣско то мѣсто изъ «Соображеній», гдѣ потомство Вильгельма Завоевателя называется царствующимъ «свыше 570 лѣтъ» (p. 14): 570 + 1087 (годъ смерти Вильгельма I) даютъ 1657-ой годъ.—Хотя и написанный въ періодъ междуцарствія, трактатъ Твисдена всѣмъ своимъ содержаніемъ связанъ со «старымъ режимомъ». Это анализъ традиціонныхъ основъ англійской конституціи, которыхъ какъ бы не затронула ни казнь короля, ни уничтоженіе палаты лордовъ, ни реформа избирательной системы—Авторству Твисдена приписывается также памфлетъ «The Commoners Liberty», 1648. Онъ посвященъ полемикѣ съ W. Prynne-мъ по поводу книги послѣдняго: «A Plea for the Lords». Для характеристики воззрѣній автора памфлетъ этотъ не вноситъ чего либо существеннаго.

ственное значеніе[1]. Лишь узко-эгоистическими соображеніями, нежеланіемъ вмѣшательства со стороны людей иного цеха объясняетъ авторъ рѣзкое отношеніе Кока къ тѣмъ, кто подходитъ къ изученію англійской конституціи съ иной, нежели съ узко-юридической точки зрѣнія.

Вопросъ о преимуществахъ той или иной политической формы есть вопросъ практической цѣлесообразности, а не теологическихъ догматовъ. Тамъ, гдѣ подданнымъ обезпечено постоянное покровительство законовъ и имущественная неприкосновенность, тамъ и лучшій образъ правленія. Твисденъ сомнѣвается, чтобы уроки исторіи говорили о возможности реализаціи этого идеала въ «народномъ государствѣ»: за болѣе чѣмъ 5500 лѣтъ существованія вселенной были найдены способы ограниченія монархіи, но не республики[2]. Англія шла поэтому правильнымъ путемъ, съ самого начала усвоивши монархическій образъ правленія и не утративши вмѣстѣ съ тѣмъ народной свободы. Въ этомъ отношеніи примѣръ Англіи является чѣмъ то исключительнымъ и недаромъ онъ возбуждаетъ столько похвалъ со стороны иностранныхъ наблюдателей[3]. Подобно Хантону, Твисденъ

[1]) «the truth is, the law delivered by an historian is much differing from that comes from a lawyer, as declaring not only the fact, but the policy, reason, and matter of state in it», p. 23.

[2]) «For my owen parte, I confesse I think it hard so to modell any popular state as the subjects may ever receive the perpetuall protection of law, and the propriety of their goods, so free as under an indifferent monarch. The world, now above 5500 years old, hath found means to limit Kings, but never yet any republique», p. 10.

[3]) Твисденъ ссылается, между прочимъ, на итальянца Francis Biondy, который во введеніи къ «Гражданскимъ войнамъ Іоркскаго и Ланкастерскаго Домовъ» называетъ англійское правленіе «una ben constituta aristodemocratica monarchia». Цитируемое мѣсто заслуживаетъ быть приведеннымъ полностью: «camminare i Re d'Inghilterra, per l'ecclictica (eclittica) del loro governo, retti da due giusti contrapesi: dall' authorità reale, che li rende ubbiditi: e dalle leggi equilibrio adequato à proporçionare una ben constituta aristodemocratica monarchia; godendo il populo la libertà, che gli produce la legge: la nobilità, gli onori, e uffiçj, al suo grado conveneuli: e il Re l'arbitrio della guerra, e della pace, le confiscaçioni, e le graçie: le leggi non gli avendo risparmiato nulla di quanto à iuridico Principe, e iuradicamente assoluto de'convenirsi», Francesco Biondi, L'Istoria delle guerre civili d'Inghilterra. 1638. Въ англійскомъ переводѣ, который появился въ 1641 г., послѣдняя фраза въ цитированномъ абзацѣ переведена такъ: «the Lawes not having debarred him of anything which appertaineth to an absolutely juridicall Prince». Читателямъ оставалось по своему истолковывать эту загадочную фразу.—О Biondi есть статья въ D. N. B.

ищетъ объясненіе тому факту, что Англія не знала королевскаго абсолютизма, въ свободолюбивыхъ навыкахъ, какіе принесли съ собой англо-саксы. Пережитки германскихъ обычаевъ продолжаютъ сказываться въ англійской жизни: что это какъ не отголосокъ одного изъ нихъ, если палата общинъ свое несогласіе выражаетъ путемъ гула[1]? Участіе націи въ правленіи было признаннымъ фактомъ уже въ англо-саксонскую эпоху. Въ этотъ порядокъ не внесли перемѣнъ не только датчане, но и норманны: «хотя мы и называемъ Вильгельма I «Завоевателемъ», онъ не взошелъ и не могъ взойти на англійскій престолъ по праву завоеванія»[2]. Да и помимо этого, развѣ онъ одинъ пришелъ въ Англію? Развѣ черезъ короткій промежутокъ—«de liberis loquor»—пришельцы и туземное населеніе не смѣшались настолько, что ихъ нельзя было отличить другъ отъ друга? Но даже, если и признать Вильгельма I абсолютнымъ королемъ, изъ этого не слѣдуетъ, что такія же права были и у его преемниковъ. Развѣ Генрихъ I не получилъ престола, лишь давши торжественное обѣщаніе не нарушать хартій, блюсти свободы и обычаи «quae fuerunt in regno tempore Sancti Edwardi regis»? И этотъ примѣръ не остался безъ повторенія. Даже такіе короли какъ Генрихъ IV и Генрихъ VII старались освятить свое положеніе подобіемъ легальнаго титула, а не настаивать на правѣ побѣдителя. Съ тѣхъ поръ не было и намека на подобное право, за однимъ лишь исключеніемъ: Генрихъ VIII, подъ вліяніемъ кардинала Вульси, намѣренъ былъ произвести перемѣну въ традиціонномъ государственномъ строѣ, но народныя смуты заставили его во время одуматься и предать своего дурного совѣтника суду за его стремленія «antiquissimas Angliae et ejusdem regni populum, legibus imperialibus subjugare et subducere».—Если англійскіе короли въ своихъ притязаніяхъ на престолъ ссылаются не на право силы, но на легальный титулъ, можно ли говорить, что ихъ положеніе

1) «wee see many darke draughts of the ould German manners with us yett remaininge; as that rejecting «Fremitu», of which Tacitus speaks, is not so unlike the refusall by noes to this day used in the House of Commons». p. 26.

2) «however wee call William the First «the Conqueror», he neither did nor could come by the style of Conquest», p. 41.

все же базируется на народной санкціи? Этотъ пунктъ, сознается Твисденъ, часто его смущалъ, какъ онъ, вѣроятно, смущалъ и другихъ[1]. Прежде чѣмъ разрѣшить спорную проблему Твисденъ отмѣчаетъ недопустимое смѣшеніе понятій, какое наблюдается у защитниковъ абсолютизма: институтъ наслѣдственности они связываютъ съ неограниченностью власти монарха; между тѣмъ, необходимой связи здѣсь нѣтъ: ограниченной монархія наслѣдственная можетъ быть не въ меньшей степени, нежели избирательная[2]. Къ тому же, и тамъ, гдѣ преемство престола совершается по праву наслѣдованія, существуетъ обрядъ, который замѣняетъ собой формальное избраніе монарха народомъ: это коронація. Своими кликами присутствующіе изъявляютъ свое согласіе имѣть своимъ монархомъ коронуемаго. Твисденъ подробно останавливается на этой церемоніи: онъ констатируетъ, что предшествующія поколѣнія не считали себя нулями въ управленіи королевствомъ и цѣнили свое участіе въ коронаціонномъ обрядѣ[3]. Совершенно обратное наблюдается въ его дни, какъ въ теоріи такъ и на практикѣ. Въ теоріи—поскольку нѣкоторые очень ученые люди утверждаютъ, что возложеніе короны имѣетъ лишь декоративное значеніе, а не увеличеніе королевскаго достоинства[4]. На практикѣ—поскольку тѣ, кто присутствуетъ на коронаціи относятся пассивно къ этому обряду. «Не добрымъ предзнаменованіемъ показалось мнѣ, что во время коронованія короля Карла, когда епископъ возвѣстилъ народу о восшествіи его на престолъ, на который онъ предназначенъ Богомъ и своимъ происхожденіемъ, и пригласилъ присутствующихъ кликами изъявить свое согласіе и готовность, всѣ

[1]) «I confesse it hath often troubled me, and perhaps may have done some others», p. 68.

[2]) «they hold the crowne after the same manner elective kings doe, that is, have ever been so regulated by the lawes and constitutions of the Kingdome as such as are chosen by their subjects bee, and that by derivement of it unto them lineally was not bar in limiting their power by lawes», p. 70.

[3]) «It seems by this our auncestors in the elder tymes did think themselves in the Government of the kingdome not meerely cyfers; and with them the ceremony of Coronation was... much valued», p. 76.

[4]) «some very learned doe now hold his assuming the Crowne no other then a declaration or mark of honor, an ornament or solemnization of the royall descent, but no increase of dignity». Твисденъ ссылается при этомъ на Coke-a, Bilson-a и Buxhor-a, автора трактата «De Majestate» (?).

остались нѣмы, пока графъ Арандель не подсказалъ имъ, что они должны кричать: «Да здравствуетъ король Карлъ!» Поэтому можно подумать, что народъ по принужденію сдѣлалъ это и не добровольно принялъ короля»[1].

Законъ страны, который опредѣляетъ положеніе монарха, является въ то же время мѣриломъ свободы — личной и имущественной — подданныхъ. Напрасно было бы искать иного какого либо критерія: понятіе неотъемлемыхъ правъ остается чуждымъ Твисдену, хотя онъ и говоритъ о тѣхъ «иммунитетахъ», какими англійская нація пользовалась издавна[2]. Съ этой конструкціей не совпадаетъ, однако, ортодоксальная теорія, которая всякій иммунитетъ личный или мэноріальный выводитъ изъ непосредственнаго или посредственнаго соизволенія монарха, а не довольствуется одной лишь давностью. Твисденъ полагаетъ, что правильное истолкованіе этой теоріи заключается въ томъ, что ни одна изъ привилегій не можетъ найти защиты иначе какъ въ «королевскомъ» судѣ. Это одинъ изъ примѣровъ юридической фикціи, вродѣ той, когда мы при актѣ купли-продажи говоримъ о «дарѣ», хотя бы уступаемый нами объектъ и былъ полностью оплаченъ[3]. Но будучи «королевскимъ», судъ долженъ стоять внѣ какого либо воздѣйствія со стороны короля. Не лично, а черезъ принявшихъ

1) «It seemed to me no good omen when at the coronation of this King Charles, the bishop informinge the people that his majesty came thither to bee settled in that throne God and his birth had appoynted for him, and did therefore exhort them by their acclamations to testifie their consent and willingnesse thereunto, and yet not any one answered till the earle of Arundell told them they should crye «God save Kinge Charles!» by which they may bee thought rather to have beene prompted to it then to have accepted him willingly», p. 77.

2) «those immunities the subject hath ever enjoyed as his owne right, perteyning either to his person or his goods; and the grownd, that hee doth so is, that they are allowed him by the law ot the land», p. 82. «There is no rule for either the liberty of the subject or the prerogative of the king but the law of the land, which in some sense may be said to bee the genus, and they the two distinct species», p. 83.

3) «But if any object that all libertyes were at first derived from the crowne that I conceive is after the legall acception of them in the eye of law, according to which no person or mannor can have any priviledge but it must bee by prescription, or mediately, or immediatery derived from the crowne... the subject should... acknowledge himselfe to have that from the king, which hee could not but by his courts of justice any way recover. And so in all purchases wee doe say wee give and graunt, though we are well paid for what wee part with», ibid.

присягу судей король истолковываетъ законы—такъ, чтобы ихъ слова согласовались со справедливостью[1]. Не иначе какъ черезъ посредство обычныхъ судебныхъ учрежденій король возбуждаетъ преслѣдованіе—гражданское и уголовное—противъ своихъ подданныхъ[2]. Передъ ординарными же судьями отвѣтственны королевскіе подчиненные и въ свое оправданіе они не могутъ ссылаться на королевскую прерогативу[3]. Каковы послѣдствія противозаконныхъ дѣйствій самого короля? Отвѣтъ незатруднителенъ въ томъ случаѣ, когда существуетъ «стипуляція», въ силу которой король обязанъ соблюдать условія, на которыхъ онъ былъ возведенъ на престолъ, подъ страхомъ сопротивленія или, по выраженію Твисдена, «оппозиціи» со стороны подданныхъ. Какъ, однако, быть, если подобная оговорка отсутствуетъ? Разумѣется, никто не можетъ отказаться отъ естественнаго права самозащиты («naturall defence»). Поэтому абсолютныхъ непротивленцевъ не существуетъ даже въ рядахъ тѣхъ, кто писалъ «contra monarchomachos». Такъ, напр. Баркли (Barklay, De regno et regali potestate, 1600), несмотря на все его несогласіе со своими противниками, вынужденъ признать законность сопротивленія въ тѣхъ случаяхъ, когда государству или его самостоятельности угрожаетъ гибель. Еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ признаетъ за подданными право возстанія Бильсонъ. Твисденъ цитируетъ отрывокъ (которымъ пользовался и Хантонъ) изъ его «Истиннаго различія между христіанскимъ подчиненіемъ и нехристіанскимъ возстаніемъ» (ср. ниже главу о Бильсонѣ): право возстанія оправдывается, если король намѣренъ привести свое государство въ подчиненіе другой державѣ, измѣнить форму правленія, обратить легальный строй въ тиранію. Твисденъ сообщаетъ при этомъ любопытный эпизодъ: книга

[1]) «hee cannot alone, but in his courts of justice, by sworne judges, interprete those lawes, whose office it is so to expound words as they may agree with equity», p. 87.

[2]) «he cannot proceede against any subject, civilly or criminally, but in his ordinary courts of justice, and according to the knowne lawes of the land», ibid.

[3]) «his praerogatives are not numberlesse... None of which can bee a warrant for any employed by him, to doe wrong or injury to any man, but hee must answer the party grieved in any ordinary court of Justice and bee punished according to law», ibid.

Bilson-a «была не только просмотрѣна и разрѣшена властями, но то самое мѣсто, которое приведено (выше), еще въ не напечатанномъ видѣ, было (какъ это авторъ узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ) показано королевѣ Елизаветѣ и ею одобрено, при чемъ она завѣрила, что, если бы ей довелось править указаннымъ путемъ, она не стала бы отрицать за подданными права сопротивленія; однако, со словъ короля Карла извѣстно, что его отецъ король Яковъ совершенно расходился съ мнѣніемъ Бильсона»[1]. Можно указать на рядъ историческихъ примѣровъ, когда англійская нація оказывала сопротивленіе своимъ королямъ; при этомъ принимали участіе люди не только «подлаго званія, но и болѣе степенные» («not the meaner but the wiser sort»). И ихъ образъ дѣйствій оправдывался старинными писателями. У Матоея Парижскаго мы часто встрѣчаемся съ констатированіемъ относительнаго долга повиновенія подданныхъ по отношенію къ королю. Съ одобреніемъ онъ цитируетъ выраженія вродѣ слѣдующихъ: «Quamdiu habebis me pro senatore et ego te pro imperatore»; «Sicut subditus domino, ita dominus subdito». Смыслъ ихъ тотъ, что, если король уклонится отъ своихъ обязанностей, долгъ повиновенія равнымъ образомъ спадаетъ съ плечъ подданныхъ[2]. Если обратиться къ Св. Писанію, едва ли здѣсь можно найти указанія относительно необходимости безусловнаго подчиненія властямъ. Но даже если бы и было иначе, вправѣ ли мы обращаться къ божественному авторитету касательно государственной структуры, основанія которой заложены человѣческими руками —чего вѣдь никто, повидимому, не отрицаетъ[3]. Всѣ эти

---

1) «that very book was not only perused and allowed by public auctority but the very passage I cite not yet printed, was (as I have been credibly informed) shewed to queen Elizabeth, and by her permitted to stand, with this asseverance, that when shee did so governe her subjects shee would not disalow it in them: yet I have of late seene that King Charles speakes as if his father King James did alltogether disalow of Bilson for those opinions», p. 94.

2) «a relative kind of duty from subject to prince... if the prince did break his office, obedience likewise cease on the subject's part», p. 97.

3) «if the manner of government, the qualification of it, bee humane (as I think all affirme), how shall wee drawe necessary consequences out of divinity for that structure, whose foundation is not otherwise divine as it is settled by man?» p. 98.

аргументы въ пользу права сопротивленія, или вѣрнѣе невозможности его теоретическаго опроверженія отступаютъ передъ тѣми «contra», какія связаны съ его практическимъ осуществленіемъ. «Не довелось мнѣ до сихъ поръ читать о какомъ либо народѣ, который достигъ бы путемъ оружія желанной свободы, или который осуществилъ бы путемъ войны большую святость жизни. Я не отрицаю, что есть примѣры, когда люди силой меча освобождали себя отъ власти короля и добивались свободы исповѣданія той религіи, къ которой они тяготѣли. Но чтобы нація въ цѣломъ, или лучшая ея часть (noblesse), стала отъ этого менѣе рабской, идетъ ли дѣло о власти личной или власти денегъ, чтобы она достигла большаго благородства въ обхожденіи и образѣ жизни, этого мнѣ не удалось подмѣтить[1]. Къ тому же, дѣйствительная цѣль возстаній оказывается далеко не той, какую вначалѣ выставляютъ тѣ, кто ихъ начинаетъ: публичныя заявленія гласятъ о возстановленіи справедливости попранной націи, а тайные помыслы заключаются въ томъ, какъ бы поживиться насчетъ потерь и разоренья другихъ[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ народныя движенія поднимаютъ подонки націи, самую жестокую, самую преступную ея часть[3]. Сэръ Роджеръ испыталъ въ достаточной мѣрѣ на самомъ себѣ послѣдствія гражданскихъ междоусобій, и все же въ его словахъ нѣтъ тѣни озлобленія.—Въ прежніе годы

[1]) «Yet did I nover read of ny nation atteyned that liberty they hoped for by armes, or that grwe (grew) to a greater sanctity of life by warr. I doe not deny but there are examples of some men who by the sword have exempted themselves from the power of a monarch, and have brought in a liberty of exercising, what religion pleased them; but that the generality, especially the noblesse, have become lesse servile, either in person or purse, or to have atteyned a greater noblinesse in manners and conversation, is what I have not observed», p. 100.

[2]) «the secret aime in all such warr is for other then what at the beginning they pretend unto; the open professions beeing ever the restoring justice to the oppressed people, but the sectet, of those who carry on the designe to rayse themselves by other's losse and ruine», p. 99.

[3]) «popular styrs many times, if not most, sets up the worser sort of the people, the firsest, cruellest, fullest of fraude», p. 100.—Любопытно съ этимъ сопоставить слова другого участника великой драмы тѣхъ дней—шотландца Montrose: въ небольшомъ его трактатѣ «The supreme Power in Government of all sorts» говорится, что «постоянная причина столкновеній между королемъ и подданнымъ заключается въ честолюбивыхъ замыслахъ сильныхъ людей, выставляющихъ предлогомъ религію и свободу подданныхъ», p. 40, Memorials of Montrose and his times, Maitland Club, vol. II, 1850.

англійскій народъ поднимался противъ королей, но съ теченіемъ времени, убѣдившись, съ одной стороны, что возстанія только вносятъ смуту, а съ другой стороны, что невозможно не имѣть разногласій съ королями, старался изыскивать иные пути, чтобы сдерживать послѣднихъ въ рамкахъ законности[1]. Въ чемъ эти пути? Королевская присяга, прежде всего. Затѣмъ организація независимой юстиціи: «преобразуйте Вестминстерскую палату (главный судъ), т. е. сдѣлайте такъ, чтобы судьи отправляли правосудіе по справедливости и по чести, и тогда невозможно станетъ для англійскаго короля причинить народу какой либо вредъ»[2]. Добрые совѣтники вокругъ королевской особы—слѣдующій пунктъ въ программѣ Твисдена; онъ не упускаетъ случая напомнить, что долгъ служителей церкви напоминать королю объ его обязанностяхъ. Послѣднее, но не меньшее средство удержанья короля въ предѣлахъ законности это парламентъ—«великій хранитель свободы подданныхъ» («the great preserver of the liberty of the subject»). Изъ какихъ элементовъ состоитъ послѣдній? Твисдену приходится считаться съ теоріей, что три сословія—король, лорды и общины—образуютъ парламентъ. Это дѣленіе не оправдывается прежде всего «природой вещей»: вѣдь натянутая конструкція—мыслить отдѣльное лицо какъ «ordo hominum». Кромѣ того подобный взглядъ стоитъ вразрѣзъ съ исторической традиціей: король всегда признавался особымъ отъ трехъ сословій элементомъ[3]. Твисденъ коснулся крайне любопытнаго пункта: образуетъ ли король нѣчто аналогичное сословіямъ парламента или, наоборотъ, онъ нѣчто «für sich». Это—пунктъ, гдѣ столкнулись

1) «after ages, finding perhaps these wayes fitter to embroyle then secure a people, have laboured so to settle this nation that the King should have no powre to injure any, and every man a ready way to atteyn equall justice from him», p. 97. «Our auncestors.... knowing it impossible to live without disputes between king and people, have of latter tymes avoyded the countenancing any decision by strength and power», p. 150.

2) «set Westminster Hall right, that is, let the Judges deale justly, up rightly, and honestly, it is not possible for the King of England to injure his people in any kind».

3) «of late I have met with some that hold the king himselfe to bee one of three, and both the lords spirituall and temporall but one, not two estates. And, though it seeme to me, even in the nature of the thing it selfe, a forced construction to take a single man, as the King is, for «ordo hominum» an estate of men, yet I have found that (they) have stiffely mainteyned it», p. 127.—

воззрѣнія двухъ авторовъ, о которыхъ уже шла рѣчь: обрушиваясь со злой критикой на Ральфа Старки, сэръ Джонъ Доддриджъ имѣлъ въ виду поглощеніе королевской личности въ общемъ понятіи парламента, воспринятомъ его противникомъ. Приписывать всѣ благія дѣянія парламенту, хотя бы въ составъ его и входилъ король, значитъ отодвигать на второй планъ главу государства. Доктрина «короля въ парламентѣ» дѣйствительно крайне удобна для защитниковъ власти парламента: сохраняется видимость королевскаго престижа, а вмѣстѣ съ тѣмъ открывается путь для реальнаго всемогущества народнаго представительства. Эту доктрину можно назвать доктриной «единенія властей», и ея принятіе подчеркиваетъ, что начало «раздѣленія властей» было чуждо англійскому конституціонализму. Эластичностью этой доктрины объясняется та живучесть, какую она обнаружила вплоть до нашихъ дней. Критика Твисдена касается не столько практическихъ выводовъ, сколько исторической обоснованности указанной доктрины: вѣдь цѣль его трактата «отыскать базисъ или фундаментъ, на которомъ построено англійское государство» («to seek the basis or foundation on which this commonwealth is built»). Твисдену, разумѣется, нетрудно было найти рядъ мѣстъ изъ парламентскихъ записей (Rolls of Parliament), гдѣ подъ тремя сословіями имѣются въ виду лорды, духовные и свѣтскіе, и общины, но не король. Въ своемъ увлеченіи исторической традиціей онъ игнорируетъ, однако, что время способно давать иное толкованіе старымъ формуламъ. Однако, это не мѣшаетъ Твисдену уступить своимъ противникамъ въ главномъ пунктѣ, въ признаніи короля, хотя и не однимъ изъ сословій, но все же чѣмъ то входящимъ въ составъ парламента. Послѣдній есть мѣсто «высшаго сужденія» такъ какъ въ немъ пребываетъ «высшее знаніе» — собрано вмѣстѣ столько мудрости, сколько найдется во всей Англіи[1]. Власть парламента идетъ такъ далеко, что все въ

Не заключается ли въ этомъ выпада противъ ученія Кока о королѣ какъ корпораціи?

[1]) «It is the supream court of Judicature of the realme, and rightly so esteemed; as we can not suppose a supremacy of right judging can be placed where wee can not possibly imagine a supremacy of knowledg, so in this assem-

его рукахъ. Твисденъ ссылается на слова Уильяма Сесиля, который любилъ повторять, что не знаетъ, чего только не можетъ сдѣлать актъ парламента[1]. Эти слова были повторены Яковомъ I-ымъ въ его рѣчи (1616) въ Звѣздной палатѣ (см. ниже) и пріобрѣли поэтому исключительную авторитетность; ихъ цитируетъ и Ральфъ Старки. Любопытнѣй всего, что въ передачѣ словъ Сесиля, какую приводитъ сэръ Генри Вуттонъ, имѣется въ виду не парламентъ, а авторитетъ короля въ парламентѣ[2].—Подобная концепція власти народнаго представительства есть дань, которую сэръ Роджеръ отдалъ традиціонной теоріи, но отъ него, испытавшаго на себѣ и наблюдавшаго эксцессы, въ какихъ былъ повиненъ Долгій Парламентъ, не могло укрыться то, что̀ подрываетъ благую роль представительныхъ учрежденій. Твисденъ отмѣчаетъ два основныхъ дефекта. Прежде всего оторванность парламента отъ народа. Въ прежнее время законодательный процессъ шелъ двумя путями: члены палаты общинъ вносили отъ своихъ избирателей петиціи или же вырабатывали ихъ сообща. Въ первомъ случаѣ они не болѣе какъ выполнители полученныхъ отъ избирателей инструкцій, отступать отъ которыхъ они не имѣютъ права: вѣдь противорѣчило бы природѣ «довѣреннаго» («trustee»), власть котораго есть лишь временная и услуги котораго оплачиваются, поступать вразрѣзъ съ желаніями довѣрителей. Поэтому едва ли мыслимо, чтобы наши предки, создавшіе правительственный порядокъ, который другому не уступитъ, совершенно бы уклонились отъ вліянія на своихъ «делегатовъ»[3]. И эти послѣдніе были, дѣйствительно,

bly there cannot but bee as much wisdome conceived to bee gathered together as England can afford», p. 130.

[1]) «The power of parlyaments is with us so transcendent. as King James (His speach in the Star Chamber, 20 June 1616) doth remember a saying of my lord treasurer Burghley, that he knewe not what an act of parliament could not doe in England», p. 173.

[2]) «The Lord Treasurer Burleigh, speaking of a King's authority in Parliament, saith: I know not that thing a King cannot do in a course of Parliament unless it be a miracle», Sir Henry Wotton's Life and Letters, vol. II. p. 498.

[3]) «It is repugnant to the nature of any trustee what ever. whose power is onely temporary by the other's choise, hath a salary for his pains, called his wages, not to follow the instructions of those who send and pay him; and therefore to think our auncestors, that were wise men and framed a Government inferrior to none I ever read of did so utterly exclude themselves from having any influence on their delegates' actions, will be hardly imaginable», p. 147.

далеки отъ того, чтобы требовать отъ своихъ избирателей слѣпого повиновенія всему, что̀ ими постановлено; наоборотъ, въ трудной ситуаціи они нерѣдко спрашивали предварительнаго совѣта у избирателей, откладывая свое рѣшеніе[1]. Этотъ старинный порядокъ, исчезнувшій къ концу царствованія Генриха VII, а быть можетъ уже при Генрихъ VIII, кореннымъ образомъ отличается отъ того, что находитъ Твисденъ въ современную ему эпоху: народные представители получаютъ «полную довѣренность» отъ своихъ избирателей: независимо отъ послѣднихъ они констатируютъ государственные непорядки и изыскиваютъ способы ихъ устраненія[2]. — Другой пунктъ, противъ котораго Твисденъ устремляетъ свои нападки, — привилегія членовъ парламента и ихъ домашнихъ отъ ареста. Число лицъ, способныхъ «погрузить въ сонъ правосудіе», авторъ опредѣляетъ не меньше какъ въ 3000! Ссылаясь на журналы палаты общинъ отъ 24. II. 1581 и отъ 26 (въ дѣйствительности 13). II. 1585, Твисденъ указываетъ, что въ первомъ случаѣ палата впервые избрала комиссію для разслѣдованія дѣлъ, возникающихъ по поводу выборовъ, а во второмъ — по поводу дѣлъ о привлеченіи ея членовъ къ суду. Въ 1593 г. обѣ комиссіи слились въ одну и съ тѣхъ поръ настолько расширили предѣлы привилегій палаты и наказаній за ихъ нарушеніе, что, по общей поговоркѣ, никто не знаетъ, что̀ только не составляетъ «breach of priviledges», если только дѣло касается «парламентскаго человѣка»[3]. Но это бы еще полъ-бѣды. Къ сожалѣнію, принципы, какими руководятся члены комиссіи о привилегіяхъ, если не въ началѣ, то въ послѣдующее время, далеки отъ возвышенности, и недаромъ комиссія снискала себѣ скандальную извѣстность «комиссіи пристрастія». Твисденъ дѣлится

[1]) «Neither did they hold so blind an obedience from those whom they represented due unto them, as they must beelieve all good because they concluded it, but many tymes, in poynts of difficulty, they did desire to have the advise of those from whom they came». p. 154.

[2]) «those they send are absolutely trusted both to shew what they (т.-е. непорядки) are, seeke the cures, and prescribe the manner, as I may say, how the prince shall doe it», p. 164.

[3]) «have so inlarged the extent of their priviledges and the punishing of them, as it is now commonly said no person knowes what is not a breach of them, if it have any reference to a parliament man!» 170.

воспоминаніями о томъ, что на обвиненіе въ отсутствіи нелицепріятія участники комиссіи ссылались на «дружескія услуги», которыя отъ нихъ въ этомъ случаѣ ожидаются[1]. «Мнѣ остается лишь пожелать», добавляетъ, авторъ, «чтобы воцарился прежній порядокъ и чтобы привилегіи представителей не поѣдали свободъ представляемыхъ»[2].

Если «здоровый конституціонализмъ» есть ничто иное какъ способность подчинять политику законности, способность быть свободнымъ во имя идеала права отъ какого бы то ни было политическаго фетишизма, трудно найти лучшаго воплотителя этого начала, нежели сэръ Роджеръ Твисденъ. Такія личности какъ онъ менѣе замѣтны, но они, быть можетъ, наиболѣе цѣнное, и если угодно, оригинальное проявленіе англійскаго генія.

---

1) «Indeede in succeeding tymes that committee of priviledges and election, now joyned in one, hath gayned the scandalous name of the committee of Affection; and I remember myself to have heard parlyament men excuse some partiality used in that place, by affirming it the onely perticular one friend could doe another pleasure in», p. 171.

2) «I can not but wish this might be reduced to the first institution, and that the priviledges of the representers may not eat up the liberties of the represented», p. 172.

Политическія проблемы у теологовъ XVI—XVII вѣковъ.

Тиндаль.

Рискованнымъ парадоксомъ можетъ показаться утвержденіе, что авторъ «Христіанской покорности» (The Obedience of Christian man, 1528)—Уильямъ Тиндаль (William Tyndale) является продолжателемъ тѣхъ же традицій, какія воодушевляли въ предъидущемъ столѣтіи сэра Джона Фортескью.—Многое, разумѣется, измѣнилось. Теорія божественнаго происхожденія власти—намеки на нее есть и у Фортескью—смѣнила теорію изначальнаго договора. Пріобрѣтя санкцію божественнаго установленія, власть отрѣшилась отъ той частноправовой окраски, какую ей завѣщало средневѣковье. Договору вѣдь присущъ элементъ взаимности интересовъ: намѣстникъ же Бога на землѣ долженъ отождествить свои интересы съ интересами своихъ подданныхъ. Богъ установилъ власти не для нихъ самихъ, а ради блага государственнаго[1].—Но за различіями не слѣдуетъ проглядѣть основного сходства: и Фортескью, и Тиндаль поборники сильной монархической власти. Если въ глазахъ перваго опасность для короля заключается въ зависимости его отъ сильныхъ вассаловъ, то для послѣдняго не меньшее зло—подчиненіе короля вліянію духовныхъ

1) The Obedience, p. 239 (Parker Society, цитируется ниже какъ P. S), «The kings ought... to remember that they are in God's stead, and ordained of God, not for themselves, but for the wealth of their subjects».—Нельзя поэтому сказать, что, по сравненію съ договорной, теорія божественнаго происхожденія власти была цѣликомъ въ пользу правителей: она давала больше, но и требовала отъ нихъ больше.

магнатовъ. Вѣдь книга Тиндаля была написана въ 1528 г., наканунѣ паденія кардинала Вульси (Wolsey). «Пусть короли возьмутъ на себя ихъ обязанности по отношенію къ подданнымъ, а также то, что необходимо для защиты королевства. Пусть они сами правятъ королевствомъ съ помощью мірянъ, мудрыхъ, ученыхъ и опытныхъ. Развѣ это не величайшій стыдъ, не чудовищная вещь, что не находится человѣка, способнаго управлять мірскимъ королевствомъ, кромѣ епископовъ и прелатовъ?»[1] Сильный король можетъ, однако, оказаться тираномъ. Тиндаль предвидитъ эту возможность и, въ своемъ стремленіи избавить короля отъ клерикальныхъ воздѣйствій, не останавливается передъ утвержденіемъ, что «лучше имѣть тирана вмѣсто короля, нежели тѣнь королевской власти, пассивнаго короля, который самъ ничего не дѣлаетъ, готовъ подчиняться волѣ другихъ и слѣдовать ихъ желаніямъ. Вѣдь тиранъ, хотя онъ и наноситъ ущербъ доброму человѣку, наказываетъ, однако, злого, заставляетъ подчиняться всѣхъ и не терпитъ, чтобы притѣснялъ кто либо иной какъ не онъ самъ. Король, мягкій какъ воскъ и изнѣженный, какъ бы обращенный въ женщину, со страстями, подобными тѣмъ причудамъ, какія возникаютъ у беременныхъ и которыхъ онъ не въ силахъ побороть, подлая тиранія тѣхъ, кто имъ правитъ—все это гораздо болѣе тяжко для королевства, нежели настоящій тиранъ»[2]. Тиранія многихъ хуже тираніи одного. А подобная многоголовая тиранія, по мнѣнію Тиндаля, увеличивается въ Англіи съ каждымъ днемъ. Король долженъ стать поэтому на защиту своихъ подданныхъ: вѣдь они его братья, плоть отъ

[1]) «Let kings take their duty of their subjects, and that that is necessary to the defence of the realm. Let them rule their realms themselves, with the help of lay-men that are sage, wise, learned, and expert. Is it not a shame above all shames, and a monstrous thing, that no man should be found able to govern a worldly kingdom, save bishops and prelates», p. 206.

[2]) «... it is bether to have a tyrant unto thy king than a shadow; a passive king that doth nought himself, but suffereth others to do with him what they will, and to lead him whither they list. For a tyrant, though he do wrong unto the good, yet he punisheth the evil, and maketh all men obey, neither suffereth any man to poll but himself only. A king that is soft as silk and effeminate, that is to say, turned unto the nature of a woman,—what with his own lusts which are as the longing of a woman with child, so that he cannot resist them, and what with the wily tyranny of them that ever rule him,—shall be much more grievous unto the realm than a right tyrant», p. 179.

плоти, кровь отъ крови; во Христѣ—они составляютъ нѣчто единое[1]. Въ первую очередь онъ долженъ заставить духовенство поплатиться своими «митрами, крестами, ковчегами» за тѣ жертвы, какія страна понесла вслѣдствіе вмѣшательства «in the pope's quarrel»—въ континентальныя войны XVI ст. Конфискованнымъ имуществомъ король долженъ расплатиться со своими общинами не только за то, что̀ было взыскано съ нихъ въ формѣ принудительнаго займа съ декларированіемъ имущества—«неслыханный примѣръ тиранніи»—но и за все прочее. Съ согласія общинъ король можетъ, однако, конфискованныя сокровища употребить какъ резервный фондъ для защиты королевства[2]. Тиндаль не говоритъ, о какой формѣ согласія общинъ идетъ здѣсь рѣчь, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что согласіе дается въ парламентѣ. Въ «Христіанской покорности» нѣтъ указаній на отношеніе автора къ этому учрежденію. Но въ «Отвѣтѣ на діалогъ сэра Томаса Мора» («An Answer to Sir Thomas More's Dialogue», 1531) содержится слѣдующее мѣсто, которое ясно указываетъ, въ какую сторону клонятся симпатіи Тиндаля. Обсуждая вопросъ о положеніи церковныхъ соборовъ, онъ констатируетъ, что по ихъ зависимости отъ папы они ушли не далеко отъ парламентовъ, гдѣ «никто не рѣшается свободно и открыто повѣдать свои мысли изъ боязни того или иного лица или чьего либо приспѣшника. Посмотрите, въ какомъ рабствѣ парламенты у королевскаго частнаго совѣта—все равно какъ соборы у папы и его кардиналовъ»[3]. Свободный парламентъ

[1]) «Let them remember that their subjects are their brethern, their flesh and blood, members of their own body, and even their ourselves in Christ. Therefore ought they to pity them, and to rid them from such wily tyranny, which increaseth more and more daily,» p. 239.

[2]) «The king thereupon ought to make them pay this money every farthing, and set it out of their mitres, crosses, shrines, and all manner of treasure of the Church, and pay it to his commons again: not that only which the Cardinal and his bishops compelled the commons to lend, and made them swear, with such an ensample of tyranny as was never before thought on; but also all that he hath gathered of them: or else by the consent of commons to keep it in store for the defence of the realm», p. 335. Любопытно, что и Латимеръ въ своихъ проповѣдяхъ возстаетъ противъ декларированія подъ присягой: это вводитъ лишь людей въ грѣхъ лжеприсяги.

[3]) P. S., p. 158: «the general councils of the spiritualty are of no other manner, since the pope was a god, than the general parliaments of the temporalty; where no man dare say his mind freely and liberally, for fear of some

можетъ быть идеаломъ Тиндаля, но отъ парламента, какой онъ находитъ въ дѣйствительности, не ждать ему устраненія общественныхъ золъ. Инициатива должна исходить отъ короля—сильнаго, свободнаго отъ вліянія фаворитовъ. Чѣмъ долженъ руководиться король въ своихъ дѣйствіяхъ? Тиндаль хочетъ искать опоры въ согласіи королевской воли со словомъ Божіимъ[1]. Опредѣляя, однако, характеръ подданничества, онъ отождествляетъ его съ подчиненіемъ законамъ. Тиндаль не даетъ указаній, сливаются ли слово Божіе и человѣческое установленіе въ гармоническое единство, но едва ли онъ думаетъ о возможности ихъ расхожденія, если возводитъ соблюденіе гражданскихъ законовъ на степень добродѣтели, щедро вознаграждаемой Всевышнимъ[2]. Чѣмъ бы, однако, король ни руководился, для Тиндаля не подлежитъ сомнѣнію, что онъ отвѣтственъ лишь передъ тѣмъ, кому онъ обязанъ своимъ положеніемъ. «Судящій короля осуждаетъ Бога; возлагающій руки на короля возлагаетъ на Бога; сопротивляющійся королю сопротивляется Богу и его велѣніямъ. Если подданные грѣшатъ, они должны быть привлечены къ королевскому суду. Если грѣшитъ король, онъ долженъ быть преданъ суду, гнѣву и возмездію Бога»[3]. Только Ему даетъ король отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ («shall give accounts but to God only»). Нельзя съ бо́льшей категоричностью высказать принципъ королевской безотвѣтственности. Но значитъ ли это, что Тиндаль былъ поборникомъ абсолютизма? Монархъ признается безотвѣтственнымъ органомъ и въ современномъ государствѣ, но отсюда еще далеко до принциповъ абсолютизма. Разумѣется, монархъ Тиндаля, какъ и монархъ Фортескью,

one and of his flatteres. And look in what captivity the parliaments be under the private councils of kings, so are the general councils under the pope and his cardinals».

[1]) Exposition of Matthew, V—VII; P. S., p. 82: «make the kings and rulers, which are but thy substitutes to command nothing but according to thy word».

[2]) The Obedince, p. 175: «And whosoever keepeth the law (whether it be for fear, for vain glory or profit), though no man reward him, yet shall God bless him abundantly».

[3]) ib. p. 177: «He that judgeth the king, judgeth God; and he that layeth hands on the king, layeth hands on God; and he that resisteth the king, resisteth God, and damneth God's law and ordinance. If the subjects sin, they must be brought to the king's judgment. If the king sin, he must be reserved unto the judgment, wrath, and vengeance of God».

не «обезвреженный» типъ правителя, крылья его не «урѣзаны». Но отъ сильнаго монарха до монарха абсолютнаго, правящаго безъ участія страны цѣлая пропасть; Тиндаль на сторонѣ парламента, освобожденнаго отъ вліянія королевскаго совѣта, отъ того же засилья, что̀ и вокругъ короля. Но парламенту нуженъ вождь: въ комъ же другомъ станетъ онъ искать его, какъ не въ королѣ, этомъ естественномъ вождѣ общинъ, націи? Можно пойти дальше и утверждать, что Тиндалю не только чужды абсолютистскія симпатіи, но и что самый институтъ монархіи не носитъ въ его глазахъ претензіи на привилегированное положеніе на ряду съ остальными формами правленія: Божественный авторитетъ освящаетъ не только королевскій санъ, но и должность всякаго иного правителя[1]. Этотъ пунктъ съ большой детальностью разовьютъ послѣдующіе писатели—теологи XVI в.

Латимеръ.

Тотъ запасъ политическихъ идей, какой можно извлечь изъ твореній Латимера (Hugh Latimer), не особенно великъ; знаменитый проповѣдникъ центръ своего вниманія обращаетъ на вопросы морально-соціальные; то что̀ связано съ государственной организаціей, оставляется имъ въ сторонѣ. И въ этомъ отношеніи онъ сынъ вѣка: соціальная, а не политическая реформа—основной предметъ вниманія современной Латимеру эпохи. Среди теологическихъ писателей Латимеръ выгодно отличается отсутствіемъ грѣховъ профессіи: онъ говоритъ, а не вѣщаетъ; здравый смыслъ сына фермера не убитъ въ немъ схоластической выучкой. И сквозь все проглядываетъ тонкая насмѣшливость, которая быть можетъ противъ воли автора способна была лишить ореола неприкосновенности тѣ предметы, какихъ онъ касался въ своихъ проповѣдяхъ. Вотъ напр. въ какой формѣ у него излагается институтъ божественнаго установленія власти. Богъ уговаривается съ еврейскимъ народомъ, что ихъ королемъ будетъ тотъ, кого Онъ

[1]) p. 174: «God... hath given laws unto all nations, and in all lands hath put kings, governors, and rulers in his own stead, to rule the world though them».

самъ выберетъ. «Это очень похоже на ту сдѣлку между двумя пріятелями, о которой мнѣ недавно довелось слышать: собственникъ лошади пообѣщалъ, что другая сторона получитъ лошадь, если только захочетъ; на вопросъ о цѣнѣ отвѣтъ былъ, что двадцать червонцевъ (около 7 фун. ст.). Контрагентъ соглашался только на 4 фунта. Тогда собственникъ заявилъ, что лошади онъ не получитъ. Другой настаивалъ, ссылаясь на слова, что лошадь будетъ его, если онъ только захочетъ. Дѣло дошло до Вестминстерскаго суда: стряпчіе получили вдвое противъ цѣны лошади, и въ концѣ концовъ дурни пошли на мировую. Дѣти Израиля не могли, разумѣется, тягаться съ Богомъ по поводу избранія короля, такъ что—хочешь не хочешь—а ихъ король долженъ быть тотъ, на кого падетъ божественный выборъ»[1]. Такимъ наглядным путемъ Латимеръ старался убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что элементъ договора лишь нѣчто кажущееся въ актѣ установленія еврейскихъ королей Богомъ. Для Латимера важно, однако, не столько то, какъ установлена королевская власть, сколько согласіе ея дѣйствій съ велѣніями Бога. При этомъ вещь второстепенная, «какимъ именемъ называются правители»: главное, чтобы они шли по правому пути[2]. Не форма правленія, а направленіе политики составляетъ для него предметъ первостепенной важности. Но если власти должны руководиться словомъ Божіимъ, отсюда не слѣдуетъ, что подданнымъ дано право контролированія правительственныхъ актовъ, съ точки зрѣнія ихъ согласія или несогласія съ божественнымъ авторитетомъ. «Я хочу предостеречь васъ противъ одной вещи: мнѣ приходится слышать, что вы поступаете неподобающе,

1) «God conditioned with the Jews, that their King should be such a one as he himself would choose them. This was not much unlike a bargain that I heard of late should be betwixt two friends for a horse: the owner promised the other should have the horse if he would; the other asked the price, he said, twenty nobles. The other would give him but four pound. The owner said he should not have him then. The other claimed the horse, because he should have him if he would. Thus this bargain became a Westminster matter. The lawyers got twice the value of the horse; and when all came to all, two fools made an end of the matter. Howbeit the Israelites could not go to law with God for choosing their King; for would they, nil they, their King should be of his choosing», The Works, P. S., Vol. I, p. 89.

2) p. 90: «It makes no matter by what name the rulers be named, if so be they shall walk ordinately with God, and direct their steps with God».

ведете недостойныя рѣчи, не такъ, какъ приличествуетъ христіанскимъ подданнымъ. Вы берете на себя критику судейскихъ рѣшеній. Я не намѣренъ обращать короля въ папу: послѣдній вѣдь хочетъ, чтобы все, что онъ ни дѣлаетъ, становилось догматомъ нашей вѣры. Король и его совѣтъ могутъ заблуждаться; палаты парламента, верхняя и нижняя, могутъ заблуждаться; я ежедневно молюсь, чтобы они не заблуждались. Однако, намъ подобаетъ принимать съ подчиненіемъ, что бы они ни постановили—поскольку это не есть вещь явно дурная и не прямо противная слову Божію»[1]. «Мы обязаны жить въ повиновеніи нашему королю подъ его справедливыми и правыми законами и повелѣніями. Христосъ пришелъ, дѣйствительно, освободить насъ отъ тяготъ и рабства, но не отъ повиновенія гражданскимъ и политическимъ законамъ»[2]. Подчиненіе государству отождествляется т. о. съ повиновеніемъ королю; законодательныя постановленія признаются какъ бы исходящими отъ короля. Не слѣдуютъ, однако, дѣлать отсюда какихъ либо заключеній по поводу абсолютистскихъ тенденцій Латимера. Рѣчь идетъ лишь о ходячей терминологіи, а не о тѣхъ утонченныхъ подраздѣленіяхъ между установленіемъ содержанья закона и его императивной формы, до которыхъ додумается XVII в. Разсужденія, которыя авторъ ведетъ по поводу вотированья субсидій, доказываютъ, что Латимеръ не хотѣлъ освободить короля отъ сдержекъ въ видѣ участія парламента въ государственныхъ дѣлахъ. Любопытно, что ему приходится выяснять слушателямъ своихъ проповѣдей право парламента касаться собственности подданныхъ: очевидно, и авторитета этого учрежденія не всегда было достаточено,

1) «I will monish you of a thing, I hear say ye walk inordinately, ye talk unseemly, otherwise than it becometh christian subjects: ye take upon you to judge the judgements of judges. I will not make the king a pope; for the pope will have all things that he doth taken for an article of our faith. I will not say but that the king and his council may err; the parliament houses, both the high and low, may err; I pray daily that they may not err. It becometh us, whatsoever they decree, to stand unto it, and receive it obediently, as far forth, as it is not manifest wicked, and directly against the word of God», p. 148.

2) «We are all bound to live in obedience unto our king, under his just and rightwise laws and commaundments. Christ came, indeed, to deliver us from burthens and boundage, but that was not from civil and politic laws and obedience».

чтобы заставить націю раскрыть свой кошель. «Когда парламентъ, верховное собраніе этого королевства, созванъ и когда здѣсь постановлено, что каждый долженъ уплатить пятнадцатую долю своего достатка королю, ты могъ бы съ такимъ же правомъ взять мой кафтанъ и мою шапку, съ какимъ лишить или укрыть отъ короля то, что парламентъ далъ ему»[1]. Вотумъ парламента налагаетъ обязанность на все королевство участвовать въ уплатѣ субсидій королю[2]. Что, однако, если король, помимо законнаго пути вздумаетъ обложить денежными тяготами своихъ подданныхъ? Ставится обычная альтернатива подчиненія и сопротивленія — и рѣшеніе въ пользу перваго. Незаконными поборами король подвергаетъ, однако, свою душу опасности погибели[3]. Но положеніе дѣла мѣняется, когда король требуетъ отъ подданныхъ того, что идетъ вразрѣзъ съ ихъ обязанностями къ Богу: въ этомъ случаѣ они должны заявить свой рѣшительный протестъ — для того только, чтобы покорно встрѣтить мученическій конецъ[4]. Латимеръ остался вѣренъ своимъ словамъ.

Брадфордъ.

Доктрина божественнаго происхожденія власти однимъ изъ ея постулатовъ выставляетъ осуществленіе божественной воли черезъ посредство свѣтскихъ магистратовъ. Сказать, что власть установлена Богомъ, значило вмѣстѣ съ тѣмъ предъявить опредѣленныя требованія къ носителямъ власти; назвать правителя намѣстникомъ Бога на землѣ не значило избавить лишь его отъ претензій со стороны папскаго престола: на него возла-

1) «When the parliament, the high court of this realm, is gathered together, and here it is determined that every man shall pay a fifteenth part of his goods to the king.... thou mightest with as good conscience take my cloake or my tippet from me, as unjustly take or withhold from the king that which the parliament hath given unto the king», p. 300.

2) «Now look, whatsoever is graunted unto his majesty by the parliament, the whole realm is bound in conscience to pay it», p. 512.

3) «The king, indeed, is in peril of his soul, for asking of an unjust request», p. 300.

4) «When they will move us to do any thing against God, then we must say, Oportet magis obedire Domino quam hominibus... yet we may not withstand them with stoutness. or rise up against them but suffer whatsoever shall do unto us», Works, vol. 2, p. 35.

галась вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность «насаждать славу Божію въ соотвѣтствіи съ истиной»[1]. Тѣ правители, которые не подчиняются этому требованію становятся «простыми тиранами» («plain tyrants»). Если установленіе божественной истины возлагается на представителей государственной власти, то подданнымъ, казалось бы, не остается ничего, какъ только слѣдовать указаніямъ свыше. На пути, однако, стоитъ традиціонная вѣра въ единственно возможное, правое истолкованіе божественныхъ велѣній. Какъ примирить обязанности подданнаго съ долгомъ вѣрующаго? Джонъ Брадфордъ (John Bradford), одинъ изъ мучениковъ въ «Маріины дни» (Mary's days), на собственномъ примѣрѣ доказалъ всю безвыходность этой альтернативы. Отказываясь признать главенство папы, онъ пытался уколоть епископа Гардинера (Gardiner), склонявшаго его къ отступничеству, что послѣдній въ царствованіе Генриха VIII самъ доказывалъ въ трактатѣ «De vera obedientia» необоснованность папскихъ претензій. И въ то же время вѣрность реформаціоннымъ догматамъ Брадфордъ готовъ подкрѣпить ничѣмъ инымъ, какъ клятвой, которую онъ принесъ королю Эдуарду VI. На престолѣ была, однако, уже Марія, и папскій авторитетъ былъ возстановленъ актомъ парламента. Тѣмъ, кто соглашался признать лишь опредѣленную форму «парламентской религіи» и кто вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на безусловномъ повиновеніи установленнымъ властямъ, оставалось лишь «путемъ пролитія крови, въ терпѣніи и покорномъ подчиненіи высшимъ властямъ засвидѣтельствовать и запечатлѣть слово Божіе»[2]. Въ письмѣ къ своей матери «набожной матронѣ, жительствующей въ Манчестерѣ, братьямъ, сестрамъ и инымъ его друзьямъ тамъ же», Брадфордъ совѣтуетъ въ случаѣ, если власти потребуютъ нѣчто противное совѣсти «положить голову на плаху и понести то, что будетъ приказано»[3]. Такъ онъ самъ и поступилъ.—Сопровождалось ли

[1]) «set forth God's glory after true knowledge», The writings of John Bradford», P. S., p. 401.

[2]) «by the shedding of our blods in all patience and humble obedience to the superior powers, to testify and seal up the very word of God», p. 378.

[3]) To his mother, a godly matron dwelling in Manchester, and to his brethern and sisters, and other of his friends there: «if they command that which

принятіе доктрины божественнаго происхожденія власти у Брадфорда признаніемъ королевскаго абсолютизма? На это въ его сочиненіяхъ нѣтъ отвѣта, но знаменательно, что въ его глазахъ та или иная форма властвованія не вправѣ претендовать на нарочитую санкцію Божества: эта послѣдняя распространяется на «всѣхъ, облеченныхъ авторитетомъ» («all that be in authority»).

Бикон̣ъ.

Въ противоположность атомизму договорной теоріи, теорія божественной санкціи государственной власти носитъ органическій характеръ: въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о томъ, что создано руками человѣческими, во второмъ,—что создалось въ силу изначальной потенціи, заключенной въ божественной волѣ. Нѣтъ поэтому ничего естественнѣе, что божественный авторитетъ призывается на помощь въ первую очередь по отношенію къ той формѣ властвованія, которая менѣе всего поддается раціоналистическому обоснованію—монархіи. Отъ теоріи божественнаго установленія власти до ученій монархизма путь коротокъ, и его сдѣлаютъ англійскіе теологи первой половины XVII в., но дѣлать его нѣтъ необходимости для ихъ предшественниковъ въ XVI в. Для нихъ божественное право придержащихъ властей играетъ совсѣмъ другую служебную роль: въ немъ они ищутъ, съ одной стороны, освобожденія государства отъ римской куріи, а съ другой стороны, съ его помощью подводятъ подъ государство фундаментъ согласованности его съ ученіемъ Христа. Въ борьбѣ съ католицизмомъ и анабаптизмомъ теорія божественнаго происхожденія власти оттачиваетъ свое остріе.

Въ произведеніяхъ Томаса Бикона (Thomas Becon) болѣе, чѣмъ у кого либо изъ его современниковъ, развита та сторона теологической доктрины, которая стремится найти внутреннее оправданіе государственной организаціи. «Въ наши дни», констатируетъ Биконъ, «подняли голову порочные и безбож-

—

with good conscience you cannot obey, lay our head on the block, and suffer whatsoever they shall do or say». Letters, P. S., p. 45.

ные умы, которые отрицаютъ, что должность правителей и высшихъ властей установлена Богомъ; они утверждаютъ, что это никакъ не согласно съ Евангеліемъ Христа»[1]. «Вы имѣете въ виду анабаптистовъ, которые относятся враждебно къ этому благородному и почетному званію», замѣчаетъ «отцу» «сынъ» въ Катехизисѣ Бикона[2]. Анабаптисты «допускаютъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ было согласно съ Божьей волей имѣть правителей, но теперь въ дни Новаго Завѣта противозаконно допускать различія въ положеніи»[3]. Биконъ старается опровергнуть эти тезисы указаніемъ на то, что Христосъ имѣлъ въ виду царство не отъ міра сего. Было бы абсурдно думать, что несогласно съ христіанской вѣрой быть облеченнымъ властью, которая «поддерживаетъ добродѣтель и изгоняетъ порокъ» («whereby virtue is maintained and vice exiled»). Развѣ у подобнаго властителя не больше правъ на его положеніе, нежели у не-христіанина, у идолопоклонника, тирана по отношенію къ подданнымъ?[4]. Развѣ Авраамъ, Моисей, Давидъ и многіе другіе не были «христіанскими и вѣрующими мужами»? И это не помѣшало имъ быть правителями, облеченными властью[5]. Но вправѣ ли они претендовать на на имя христіанъ? «О чудовища», патетически восклицаетъ Биконъ, «развѣ есть различіе — быть вѣрующимъ и быть христіаниномъ?»[6]. Институтъ свѣтской власти согласенъ съ евангельскимъ ученіемъ, но это согласіе обусловлено требованіемъ, обращеннымъ къ правителямъ, пользоваться своимъ авторитетомъ не въ эгоистическихъ цѣляхъ, а въ интересахъ цѣлаго.

[1]) «in these our dayes there have risen up wicked and ungodly spirits which deny the office of the magistrates and high powers to be the ordinance of God, and affirm that it can by no means stand with the gospel of Christ», The early works, P. S. p. 211.

[2]) «Ye speak of the anabaptists which are so enemies to this noble degree and honourable estate», P. S., p. 302.

[3]) «They grant that in the old law it was the ordinance of God to have civil magistrates, as judges, kings and other rulers, but now, say they, in the new testament, it is not lawful to have any preeminence or superiority», The early works, p. 212.

[4]) «such one as believeth in idols... and sheweth himself in all things a cruel tyrant among his subjects», p. 213.

[5]) «christian and faithful men? Yet did they execute the office of magistrates, and were high powers», p. 214.

[6]) «O Monsters! as though it were one thing to be faithful, and another to be christian», p. 214.

«Свѣтскій магистратъ есть публичная персона»—такъ отвѣчаетъ «сынъ» на соотвѣтствующій вопросъ «отца» въ Катехизисѣ Бикона (p. 302). Отъ него ожидается «приведенье и поддержанье государства въ цвѣтущемъ видѣ»[1]. Мыслимо, однако, что власти уклонятся отъ праваго пути. Биконъ признаетъ неправомѣрность мятежа: подданнымъ не дано права вымещать на повелителяхъ свое недовольство, какъ бы ни былъ великъ поводъ»[2]. Отрицая право мятежа, авторъ далекъ, однако, отъ проповѣди примиренія со зломъ. «Отецъ» спрашиваетъ «сына» (въ Катехизисѣ): «Что, если правители порочны и принуждаютъ насъ къ порочнымъ дѣяніямъ? Обязаны ли мы все же повиноваться?» «Въ этомъ случаѣ», отвѣчаетъ «сынъ», «мы не обязаны имъ ни почетомъ, ни уваженіемъ, ни повиновеніемъ. Поскольку они остаются служителями Бога, т. е. ищутъ славы Божіей, преуспѣянія Его Святой Вѣры, умноженія добродѣтели, подавленія порока, мы связаны велѣніями свыше подчиняться не только за страхъ, но и за совѣсть. Но если правители перестаютъ быть служителями Бога, по чистой совѣсти можно сказать имъ: «Мы обязаны повиноваться Богу больше, нежели людямъ». Богъ есть Высшій правитель. Поэтому, если правитель низшій приказываетъ то, что противно велѣнію Высшаго, это приказаніе не подлежитъ исполненію, но должно быть до конца отвергнуто какъ подтверждается многочисленными примѣрами Св. Писанія»[3]. Дѣло идетъ здѣсь о власти, поступающей не по божески;

[1]) «the office of the public magistrate is for the right institution and prosperous preservation of the common weal», p. 215.

[2]) «it is not lawful for any man being a subject to arise against his prince, and to avenge his own quarrel, be he never so much a tyrant, or sustaineth he at his hand never so great injuries and wrongs», p. 219.

[3]) The Catechism, p. 90: «What if the princes be wicked, and command us to do wicked things? Shall we then also obey them?... In this behalf we owe them no honour, no reverence, no obedience. So long as they are the ministers of God, that is to say, seek the glory of God, the advancement of his holy religion, the increase of virtue, and the suppression of vice, we are bound by the commaundment of God to obey them, nor only for fear of punishment, but also for conscience sake: but if they cease to be the ministers of God... with a good conscience we may say unto them with apostles: «We must obey God more than men»... God is the highest magistrate. Therefore if the inferior magistrate commandeth any thing that is contrary to the commandment of the highest magistrate, I mean God, it is to be rejected, and cast away as there examples of the holy Scripture do manifestly prove».

каково, однако, отношеніе Бикона къ противозаконію властей? Правовая проблема въ царствованіи Генриха VIII можно сказать отождествлялась съ вопросомъ о парламентскомъ и внѣ-парламентскомъ обложеніи. Оправдывалъ ли Биконъ образъ дѣйствій правительства съ его принудительными займами, «дружескими приношеніями»? Прямыхъ указаній авторъ не даетъ, но знаменательно, что, утверждая право монарха на взиманіе «трибута», онъ исчисляетъ лишь законныя его формы: парламентскія десятыя и пятнадцатыя доли, королевскія ренты, оброки, субсидіи, таможенные сборы[1]. Что, однако, если правителемъ окажется не тотъ «правый и живущій по Богу» монархъ, какимъ является въ его глазахъ Генрихъ VIII и для котораго имущество подданныхъ есть его собственное имущество, а безжалостный тиранъ: нужно ли ему давать все, чего онъ ни потребуетъ? Поставленный между альтернативой беззаконія властей и мятежомъ подданныхъ, Биконъ высказывается въ пользу безропотнаго подчиненія требованіямъ правителя тирана[2]. Что симпатіи его не были, однако, на сторонѣ произвольнаго обращенія съ частной собственностью, доказываетъ слѣдующій отрывокъ изъ его Катехизиса: «Если долгъ правителей защищать своихъ подданныхъ отъ всякихъ опасностей и охранять ихъ имущество, отсюда слѣдуетъ, что они не должны обращаться съ ними какъ съ рабами или холопами, не должны по капризу брать у нихъ то, что тѣмъ удалось добыть своимъ горбомъ»[3]. «Не мѣшало бы правителямъ памятовать о томъ, что случилось съ Ровоамомъ, сыномъ Соломона, за его немилосердное обращеніе съ націей (общинами). Исторія полна примѣровъ, какая судьба ожидала правителей за ненасытный грабежъ и

[1]) «By tribute I understand all payments that are due to the civil magistrates, as tenths, fifteentts, rents, tasks, subsidies, customs, etc.» p. 220 (The early works).

[2]) «I believe verily, that whatsoever the subjects have are the goods of such a righteous and godly prince, as we have now reigning among us. Yea, if the high powers were very tyrants, and altogether unmerciful, yet might we deny them nothing at all of our goods, if they required them of us», p. 222.

[3]) «If it be the duty of princes to defend their subjects from all perils, and to keep such goods as they have harmless; then ought they not to use their subjects as slaves, villains, and peasants, or else they have gotten with their hard labour, at their pleasure», p, 308.

притѣсненія подданныхъ»[1].

Филпотъ.

Имя одного изъ мучениковъ «Маріинныхъ дней» Д. Филпота (John Philpot) едва ли могло бы претендовать на мѣсто въ исторіи политической доктрины, если бы съ его судьбой не былъ связанъ вопросъ о парламентской свободѣ слова. А такъ какъ 16-ый вѣкъ, въ особенности періодъ до царствованія Елизаветы, оставилъ слишкомъ мало матеріаловъ для сужденія о томъ, чѣмъ былъ парламентъ и что о немъ думали современники, приходится дорожить всякой долей свѣдѣній, хотя бы и крохотной.

Будучи привлеченъ къ отвѣту за еретическія рѣчи, произнесенныя имъ въ конвокаціи духовенства, Филпотъ однимъ изъ пунктовъ своей защиты пытался сдѣлать свободу слова внутри стѣнъ парламента. Онъ ссылался на допросѣ на «привилегію парламента, составная часть котораго духовная конвокація, гдѣ всякій можетъ высказать свободно, что у него на душѣ по поводу разсматриваемыхъ предметовъ»[2]. На это одинъ изъ придворныхъ, присутствовавшій на допросѣ, заявилъ, что «хотя парламентъ и есть мѣсто, гдѣ члены его пользуются привилегіей свободы рѣчи, никто, однако, не смѣетъ произносить измѣнническихъ словъ противъ королевы или же творить козни противъ короны»[3]. Къ тому же Филпотъ напрасно взываетъ къ парламенту, чтобы разсудить, должно ли его такъ мучить за то, что онъ сказалъ[4]: конвокація вовсе не часть парламента, и если Филпотъ основы-

1) «It were not out of the way for all princes to remember what chanced to Rehoboam, king Salomon's son, for the ungentle entreating the commons. And how unfortunately it hath gone with many princes in times past for their insatiable polling and pilling of their subjects, histories in all places make mention», p. 309.

2) John Philpot, The examinations and writings, P. S., p. 33: «the privilege of the parliament-house, whereof the convocation-house is a member, where all men in matters propounded may frankly speak their minds».

3) The Queen's Gentleman: «Though the parliament-house be a place of privilege for men of the House to speak, yet may none speak any treason against the queen, or maintain treason against the crown», ibid.

4) «I appeal to the whole parliament house, to be judged by the same whether I ought thus to be molested for that I have spoken», ibid.

вается на титулѣ парламентскихъ актовъ, упоминающихъ согласіе духовенства, то дѣло идетъ о духовныхъ лордахъ верхней палаты, а не о собраніи низшихъ клириковъ[1]. Въ своихъ воззрѣніяхъ на конвокаціи какъ на часть парламента Филпотъ не одинокъ: на той же точкѣ зрѣнія стоитъ Джонъ Гукеръ въ его трактатѣ о парламентѣ дней Елизаветы.—Въ конституціонализмѣ Филпота, въ свѣтѣ изложеннаго казуса, едва ли могутъ быть сомнѣнія, и тѣмъ не менѣе безропотное подчиненіе или самое большее—протестъ мученичества есть догматъ его вѣры. Властямъ мы должны повиноваться, хотя бы онѣ и были порочны, если онѣ только не приказываютъ чего либо противнаго слову Божію: въ этомъ случаѣ мы не должны повиноваться ихъ приказаніямъ, хотя бы и подъ страхомъ смертной казни»[2].

Гуперъ.

Въ водоворотѣ религіозно-политическихъ движеній XVI в. крайне поучительно наблюдать, какъ изъ одинаковыхъ предпосылокъ люди дѣлали совершенно противоположные выводы. Свѣтская власть въ глазахъ шотландскихъ реформаторовъ не въ меньшей степени освѣщается божественнымъ авторитетомъ, нежели въ глазахъ англійскихъ теологовъ. Первые, однако, проповѣдовали сопротивленье неправымъ властямъ, вторые—покорно шли на костеръ. Если самая должность (office) правителя есть нѣчто священное, то, памятуя объ этомъ, нужно терпѣть дурныхъ ея носителей—такъ учитъ Джонъ Гуперъ (John Hooper)[3]. Если «должность» освящена божественнымъ авторитетомъ, нужно свергать тѣхъ, кто ее оскверняетъ—такъ учитъ Джонъ Ноксъ. Однако, и въ томъ и въ другомъ случаѣ воспріятіе теоріи божественнаго про-

[1]) «the title of every act leadeth me to think otherwise, which allegeth the agreement of the spiritualty and temporalty assembled together». «Yea, that is meant of the spiritual lords of the upper house».

[2]) «the magistrates, whom we ought to obey, although they be wicked... if they command nothing contrary to God's word: otherwise we ought not to obey their commandments, although we should suffer death therefore», p. 223.

[3]) «if thou put difference between the office itself, which is good and the officer, that is evil; it shall keep thee in a fear, that thou reverence a good and godly governance in an ill governor», J. Hooper, Early writings, P. S., p. 358.

исхожденія власти свидѣтельствуетъ о консервативныхъ тенденціяхъ ея адептовъ: преклоненіе передъ «установленной», исторической формой государственнаго порядка. Подобныя тенденціи съ полной отчетливостью выражены въ произведеніяхъ Джона Гупера. Его примѣръ тѣмъ интереснѣе, что въ его лицѣ передъ нами не духовный магнатъ типа Уптгифта, а истинный пастырь Христовъ.—Консерватизмъ Гупера не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ воинствующимъ абсолютизмомъ, съ которымъ познакомится Англія XVII в. Если его можно назвать монархистомъ, то лишь, поскольку это касается англійскаго королевства. «Богъ установилъ и повелѣлъ человѣку повиноваться государственнымъ порядкамъ, гдѣ бы онъ ни находился, если они не противны слову Божію. Іосифъ, будучи внѣ родины, носилъ въ своемъ сердцѣ истинное познаніе и поклоненіе Творцу, равно какъ и грядущему Христу; внѣшнимъ образомъ въ судахъ, контрактахъ, имущественныхъ отношеніяхъ онъ прибѣгалъ, однако, къ закону египтянъ. Такъ же поступалъ Даніилъ, будучи въ Вавилонѣ. Каждая нація должна быть подчинена законамъ и гражданскому строю ея собственнаго государства. И поступая такъ, она способна оскорбить Бога не въ бо́льшей степени, нежели способны сдѣлать это англичане, у которыхъ лѣтомъ болѣе длинные, а зимой болѣе короткіе дни, нежели у тѣхъ, кто живетъ ближе къ югу»[1]. Истолковывая извѣстное изреченіе ап. Павла о повиновеніи властямъ, Гуперъ замѣчаетъ, что здѣсь имѣются въ виду «не только короли и императоры, но и всѣ тѣ, кто занимаетъ публичную должность, въ качествѣ ли короля, какъ въ королевствѣ, или вмѣсто короля, какъ въ республикѣ, гдѣ власть вручена многимъ[2]». Между тѣмъ, находятся люди, которые

[1]) «God ordained and commanded man to be obedient to policies and orders, wheresoever he be, so they be not repugnant nor contrary to the word of God: as Joseph in his heart bore abroad wheresoever he went the true knowledge and invocation of God, also of Christ to come, yet outwardly in courts, judgments, contracts, and in possession of goods, he used the law of the Egyptians: even so did Daniel in Babylon... every nation be subject unto the laws of his own realm and civil policy: and in this doing he shall offend God no more than the Englishmen, that have longer days in the summer, shorter days in the winter, than those that dwell near to the south». Later writings, P. S. p. 77.

[2]) «the powers that here St. Paul speaketh of, be not only kings and emperors, but all such as be appointed to any public office and common regiment,

серьезно полагаютъ, что всѣ государственныя формы суть ни что иное какъ грубая тиранія и притѣсненіе бѣдныхъ. Находятся другіе, которыхъ смущаетъ и мучаетъ, что нѣтъ государства, которое существовало бы вѣчно. И дѣйствительно, тѣ, кто наблюдаетъ возникновеніе, бытіе и конецъ римской имперіи имѣютъ передъ собой наглядный примѣръ непрочности государственнаго порядка[1]. Всѣ эти разсужденія, если чему и способствуютъ, то лишь разрушенію государства[2]. Они тѣмъ опаснѣе, что въ дни Гупера «народъ или совсѣмъ не хочетъ имѣть властей, или такихъ лишь, какія ему угодны, а не тѣхъ, которыя указаны Богомъ. Если замѣнить лицъ не удается, народъ стремится преобразовать государственный строй: тамъ, гдѣ единоличное правленіе, онъ хочетъ ввести правленіе многихъ; тамъ, гдѣ правятъ многіе (люди вѣдь никогда не удовлетворяются порядкомъ установленнымъ Богомъ), народъ стремится установить правленіе немногихъ»[3]. Надъ всѣмъ этимъ Гуперъ ставитъ категорическое veto. Ни одно лицо, «какой бы оно ни было степени, состоянія или положенія, въ качествѣ частнаго подданнаго, (а въ монархіи, гдѣ одинъ правитъ, всѣ являются частными лицами въ отношеніи къ монарху) не должно касаться государственнаго строя. Богъ его установилъ, Богъ и положитъ ему конецъ»[4]. Наканунѣ провозглашенія

either for a king, where as is a Kingdom, or in the place of a king, where as the state of the commonwealth is no monarchy, but a rule and dominion commended to many», p. 101.

[1]) they «suppose verily... that all orders, policies, kingdoms, and dominions be no other thing than cruel tyranny and oppression of the poor... This same evil upon the same occasion of ignorance caused natural, wise men much to be troubled and vexed about the consideration of kingdoms, policies, rules and dominions; because perceived all kingdoms to be subject unto troubles and alterations; and not only that but they perceived right well no kingdome to be perpetual, nor for ever. And indeed whoso beholdeth the beginning, the continuance, and end of the empire of Rome, shall see right well their imaginations to be no vain things», p. 78.

[2]) «I cannot other think but these men, as much as is in them, conspire and work the destruction of this realm», p. 79.

[3]) «either the people will have no magistrates at all, or else such a one as it pleaseth themselves, and not him that God hath appointed. If this adventure take no place, they will change (if they can) the state of the commonwealth, that where as one reigneth, a monarch or king, they would change it into the regiment of many; and where as many reign (as men never contented with the state that God hath appointed), turn the regiment of many into the governance of few», p. 84.

[4]) «no man, of what degree, state, or authority soever he be, being a private

американской независимости въ Лондонѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ «Hooperus Redivivus» (1775): это перепечатка проповѣди Гупера о повиновеніи властямъ. Цѣль, которую преслѣдовалъ издатель, заключается въ томъ, чтобы найти «противовѣсъ соблазнительнымъ и зажигательнымъ попыткамъ современнаго свободолюбія (собственно: патріотизма) въ его оппозиціи государственному строю»[1]. Что публикація предназначалась для читателей по ту сторону Атлантическаго океана, слѣдуетъ изъ «Обращенія къ свободолюбивымъ пасторамъ Америки»[2], предпосланнаго проповѣди Гупера. Въ фактѣ вторичнаго появленія въ свѣтъ произведенья, написаннаго болѣе чѣмъ два столѣтія до войны за независимость, нужно видѣть нѣчто бо́льшее, нежели литературный курьезъ: вѣдь центръ тяжести идеологіи Гупера не въ защитѣ той или иной политической формы, а въ обоснованіи момента устойчивости въ государственной жизни. Напрасно было бы искать у него бо́льшее. Указанія на то, какимъ представлялся современный ему политическій порядокъ, слишкомъ скудны, чтобы можно было составить отчетливое представленіе. Но то, что дошло до насъ, говоритъ, что Гуперъ былъ далекъ отъ принциповъ абсолютизма. Такъ напр., его король долженъ «вести себя и народъ по пути закона, а не беззаконія; онъ долженъ быть служителемъ, а не господиномъ закона»[3]. Брошенный въ тюрьму въ царствованіе Маріи, Гуперъ (подобно Филпоту) шлетъ протестъ въ парламентъ, гдѣ говоритъ слѣдующее: «ego nunc sanctum ac venerandum conventum parliamenti appello, ut publice, praesentibus piis fratribus qui carcerum et vinculorum molestias sustinent, coram vestra claritate, honore et prudentia quaestionum contentio quae inter nos et neotericos (т. е. защитниками новшествъ) agitatur, juxta verbi Dei veri-

man (as all man be in a monarchy, where as one ruleth, in respect of king that ruleth) should meddle with the state of a realm. For it is God that ordained it, and he that dissolveth it». p. 84.

[1]) «Intended, as a check to the seducing and inflammatory Attempts of modern Patriotism in opposition to civil government».

[2]) «An Address to the Partiotic Ministers in America».

[3]) «They must lead people and themselves by the law, and not against the law: to be ministers of the law, and not masters of the law»; Early writings, p. 362.

tatem ac sanctorum patrum testimonia componatur». Парламентъ есть т. о. высшій судъ королевства, который Гуперъ хочетъ сдѣлать судьей въ его спорѣ съ «новаторами», т. е. реставраторами католицизма. Парламентъ «Маріинныхъ дней» обманулъ ожиданія сторонниковъ реформы[1]: апелляція Гупера, подобно апелляціи Филпота не имѣла результатовъ, и оба они кончили костромъ. Но вѣдь они взошли на него съ вѣрой, что должно скорѣй умереть, нежели бороться съ властями и тѣмъ оскорбить Всевышняго[2].

Куперъ, Джуэль и Сандисъ.

Мы подходимъ теперь къ группѣ Елизаветинныхъ епископовъ. Это люди иного закала, нежели тѣ, кто запечатлѣлъ свой религіозный энтузіазмъ на кострахъ въ дни Маріи. Ихъ миссія подвести итогъ, закрѣпить то, что сдѣлала англійская реформація. Доктрина государственной религіи ихъ руками получила окончательную формулировку. Ихъ предшественники вели государство, хотя и утверждали, что идутъ за нимъ. Тѣ,

[1]) Въ бесѣдахъ, будто бы происходившихъ между Латимеромъ и его товарищемъ по заключенію и казни Николасомъ Ридли (Nicholas Ridley) и опубликованныхъ (внѣ Англіи?) въ 1556 г., первый изъ нихъ приглашаетъ своего собесѣдника «подумать о парламентѣ и конвокаціяхъ, о томъ, что онъ (Ридли) видѣлъ и слышалъ. Большинство членовъ въ его (Латимера) время приняли актъ о шести «статьяхъ» (1539), ибо король, поддавшись вліянію нѣкоторыхъ лицъ, хотѣлъ этого въ то время. Послѣ, большинствомъ же голосовъ указанныя «статьи» были отмѣнены: таково было желаніе нашего добраго Іосіи (т. е. Эдуарда VI, 1547). Тѣ же самые догматы большая, хотя и худшая часть парламента возстановила теперь (1551) снова. О, что за непостоянство! (The works of Nicholas Ridley, P. S. p. 130: «I refer you to your own experience, to think of our country parliaments, and convocations, how and what ye have there seen and heard. The more part in my time did bring forth the six articles, for then the king would so have it being seduced of certain. Afterward the more part did repeal the same, our good Josiah, willing to have it so. The same articles now again, alas! another greater, but worse part hath restored. O what uncertainty is this!»).— Любопытно сопоставить съ этимъ мнѣніе Уольтера Роли, высказанное имъ въ 17-мъ столѣтіи: «англійскіе парламенты всегда служатъ королю, въ чьихъ рукахъ власть... Парламентъ подобенъ дружбѣ, которая всегда тамъ, гдѣ благополучіе» («The Parliaments in England doe alwaies serve the king in possession.. The Parliaments are as the frendshipps of the world, which alwaies followe prosperitie», The Prerogative of Parliaments by W. Ralegh). Цитируется Harl. 6191; печатное изданіе его сочиненій (1827) изобилуетъ искаженіями: крайне желательно было бы новое, критическое изданіе сочиненій Роли.

[2]) Hooper's Works, Vol. 2. p. 102: «we obey more God than men; and yet not to strive and fight with the magistrates, but suffer death rather than offend God».

кто занялъ мѣста Тиндаля и Латимера, подчиненіе совѣсти велѣніямъ свѣтской власти констатировали съ откровенностью, граничащей съ цинизмомъ. Но зато и положеніе ихъ было труднѣе: окрѣпъ новый врагъ, въ лицѣ пуританства. Бороться приходилось на обѣ стороны: прежній врагъ—католицизмъ не сдавался. Новая конъюнктура выдвинула и новыя политическія формулы. Но какъ медленно совершалась эта перемѣна въ умахъ теологическихъ писателей, видно на примѣрѣ трехъ изъ нихъ: Томаса Купера, Джона Джуэля и Эдвина Сандиса. Ихъ идеологія та же, что и у Тиндаля, и у Латимера, хотя и въ заостренной, такъ сказать, формѣ.—Свѣтская власть претендуетъ на божественное происхожденіе: «будь правитель іудей или иноплеменникъ, христіанинъ или язычникъ, будь онъ добръ или золъ, его авторитетъ отъ Бога, правителя изъ правителей»[1]. О какомъ нибудь спеціальномъ положеніи «христіанскаго монарха» рѣчи еще нѣтъ. Если власть угодна Богу, то не менѣе угодна ему и та форма религіи, какая ею устанавливается: «одинъ Богъ, одинъ король, одна вѣра, одно исповѣданіе это то, что подходитъ для монархическаго государства»[2]. Возможность существованія въ томъ же государствѣ нѣсколькихъ религій, исповѣдуемыхъ «открыто» есть нѣчто пагубное. Какихъ только смутъ ни поднимали религіозныя разногласія: примѣровъ этого такъ много и они такъ ясны, собственный, наконецъ, опытъ Англіи настолько у всѣхъ на памяти, что излишне всѣмъ этимъ утомлять слушателей—внимавшихъ проповѣдямъ Сандиса[3]. Когда католическій памфлетистъ Томасъ Гардингъ (Thomas Harding) бросилъ англиканскимъ теологамъ обвиненіе въ томъ, что ихъ религія—парламентская религія, что ихъ Евангеліе—парламентское Евангеліе, что ихъ вѣра—парламентская вѣра, епископъ Джуэль

1) «Edwin Sandys, Sermons, P. S. p. 118: «Be the magistrate, jew or gentile, christian or heathen, good or bad, he hath his authority from God, the Magistrate of all Magistrates», p. 198.

2) «One God, one king, one faith, one profession, is fit for one monarchy and commonwealth», p. 49.

3) «liberty, that men may openly profess diversity of religion, must needs be dangerous to the commonwealth; what stirs diversity of religion hath raised in nations and kingdoms, the histories are so many and so plain, and our times in such sort have told you, that with further proof I need not trouble your ears», p. 49.

вмѣсто отвѣта не нашелъ нужнымъ обсуждать права и компетенцію парламентовъ: «подобное высокомѣрное поношеніе всего королевства въ лицѣ парламента едва ли способно утвердить за вами славу трезвости и большой мудрости»[1]. Въ сугубую заслугу тѣмъ, кто раздѣляетъ его мнѣнія, Джуэль ставитъ то обстоятельство, что они «не внесли смуты ни въ одно государство», наоборотъ, авторитетъ королей въ монархіяхъ, правителей въ республикахъ и свободныхъ городахъ еще больше утвержденъ: «посредствомъ Евангелія они сдѣлали ихъ народъ болѣе покорными подданными, нежели это было до тѣхъ поръ»[2]. За всѣми этими утвержденіями нельзя, однако, вычитать вѣры въ спеціальную миссію монархическаго строя. Въ воздухѣ носятся республиканскія идеи, и епископы не могутъ ихъ игнорировать, но они находятъ возможнымъ бороться старымъ оружіемъ: ввести всюду строй, подобный швейцарскому—какой абсурдъ! Развѣ это не равносильно утвержденію, что для всѣхъ государствъ подходитъ одинаковый политическій порядокъ? Если кто либо способенъ стоять за это, анаѳема на него, будь то ангелъ на небѣ: вѣдь божественная истина гласитъ, что всѣ христіанскіе подданные должны довольствоваться той правительственной формой, какую установилъ у нихъ Богъ[3].—Идеологія англиканцевъ мало подходила для обладателей «нѣжной совѣсти» («tender consience»), для кого вѣра не есть придатокъ государственной политики, но нельзя не подчеркнуть заслугъ англиканства передъ современной культурой: защиты свѣтскаго государства. Его проповѣдь государственной религіи, какъ извѣстнаго modus vivendi,

[1]) The works of John Jewell, P. S. vol. IV p. 903: «so scornfully disdaining the whole state of so noble a realm, ye shall hardly win the opinion either of sobriety or of great wisdom».

[2]) «have discordered no common wealth», «for that by means of the gospel they have their people more obedient unto them than ever they had before», p. 669.

[3]) Thomas Cooper, Certaines Sermons, 1580: «to bring all states to the swizers comon weale,... What the swizers common weale is. I partly understand, but I never yet hearde, nor reade of any man that was of this opinion, that all principalities ought to bee broughte either (to) the forme thereof, or any one other. Or if there be anye such, out of my knowledge I muste saye unto him Anathema, if hee were an Anngell in Heaven. For the Doctrine of God teacheth no such thing, but that all Christian subjects, should content themselves with that forme of government, under which God hath placed them», p. 218.

способнаго спасти націю отъ религіозныхъ коллизій, которыя неизбѣжны тамъ, гдѣ «открыто» исповѣдаются нѣсколько религій, подготовляла почву для вѣротерпимости.

Изъ трехъ писателей, занимающихъ насъ въ данный моментъ, лишь у Сандиса имѣются нѣкоторыя указанія на тѣ начала, какія должны быть осуществлены въ государственной жизни. Его идеалъ—правовое государство, во главѣ котораго стоитъ сильный монархъ, съ большой властью, но и съ большой, хотя и моральной, отвѣтственностью. Король есть какъ бы глава тѣла, какъ бы пастухъ стада. Эти титулы даны монархамъ, чтобы напомнить имъ не только объ ихъ почетномъ и превознесенномъ положеніи, но и о тяготѣ и обязанностяхъ[1]. Эти послѣднія заключаются въ томъ, чтобы поддерживать законность въ государствѣ и направлять подданыхъ ко благу. «У королей и у правителей благодаря божественному Провидѣнію, коимъ на нихъ возложены короны, достаточно въ ихъ владѣніяхъ власти, чтобы ихъ приказанія не слишкомъ легко нарушались, если только они сами по небреженію не допустятъ этого. Въ ихъ рукахъ бразды правленія, они могутъ вести другихъ, куда хотятъ. Эта власть, мощь и слава, которую Богъ далъ королямъ и съ помощью которой они въ состояніи вести міръ какъ бы на поводѣ, лишаетъ ихъ малѣйшаго оправданія, если только они не используютъ своихъ средствъ для блага государства»[2]. Но не нужно думать, что Сандисъ, давая королямъ бразды правленія, ихъ усмотрѣніе ставилъ на мѣсто закона: въ своей проповѣди передъ парламентомъ онъ говоритъ о «благихъ статутахъ и законахъ», какъ о тѣхъ «цѣпяхъ», какими сдерживается государственная жизнь. Законъ это условіе жизни государства,

[1]) Edwin Sandys, Sermons, p. 47: «The prince is set as the head over the body, as the chief shepherd over the flock. These titles are given to princes and governors, to put them in mind, not only of their honour and preeminence».

[2]) «Kings and princes in their several dominions have such power through the providence of Almighty God, by whose appointment they wear their crowns, that their ordinances be not lightly broken, unless themselves be careless to have them kept... They have the chain and rein in their hands; they can draw others, whither they will... This power, and strength, and glory, which God hath given unto kings, and whereby they are able to lead the world as it were in a string, leaveth them utterly without excuse, if they use it not to the benefit of the Comonwealth», p. 18.

все равно какъ примѣненье есть жизнь закона. Всуе законы писать, если ихъ не исполнять. Слѣдить за исполненіемъ законовъ призваны государственныя власти, которыя и сами должны ихъ исполнять. Иначе законы не будутъ въ почетѣ у подданныхъ[1]. Король не можетъ единолично слѣдить за выполненіемъ законовъ, отсюда необходимость помощниковъ. Послѣдніе должны быть избраны изъ среды всего народа, причемъ король обязанъ въ выборѣ руководиться ихъ качествами, а не иными какими либо соображеніями[2].

Бильсонъ.

Трактатъ Бильсона «Объ истинномъ различіи между христіанскимъ повиновеніемъ и нехристіанскимъ возстаніемъ»[3] служитъ яркимъ доказательствомъ, что англиканству 16-го вѣка не была свойственна политическая позиція, которая отграничивала бы его непроходимой гранью отъ другихъ, болѣе радикальныхъ религіозныхъ теченій. Принципъ пассивнаго повиновенія оказался выброшеннымъ за бортъ, когда этого потребовала историческая конъюнктура. «Христіанское повиновеніе» обязано было инициативѣ или, по крайней мѣрѣ, писалось съ вѣдома Елизаветы (см. главу о Твисденѣ), нуждавшейся въ теоретическомъ оправданіи поддержки, которую королева намѣрена была оказать Голландіи въ борьбѣ послѣдней съ «законнымъ», испанскимъ королемъ. Но судьба книгъ не въ рукахъ ихъ авторовъ: трактатъ Бильсона былъ использованъ въ борьбѣ парламента противъ англійскаго «законнаго» короля, и тотъ отрывокъ «Христіанскаго повиновенія», гдѣ оправдывается право мятежа, оказался перепечатаннымъ въ 1643 г.[4]

Ведется діалогъ между «христіаниномъ» и «іезуитомъ».

[1]) «Law is the life of the commonwealth, and execution the life of the law. And better not to make laws, than not to execute laws, when they are once made. This is the duty of the public ministers of the commonwealth. They must first keep laws themselves... If the officers and ministers of the commonwealth contemn laws, doubtless the people will never reverence them», p. 51.

[2]) «Magistrates should be chosen out of all the people for their worthiness», p. 47.

[3]) «Thomas Bilson, The true difference betweene christian subjection and unchristian rebellion», 1585(?).

[4]) A Discourse upon Questions in debate between the king and Parliament.

«Даже въ христіанскихъ королевствахъ», говоритъ первый, «способны возникнуть казусы, когда народъ можетъ сослаться на право возстанія противъ короля и не быть заклейменнымъ именемъ мятежниковъ». Это происходитъ тогда, когда «король намѣревается привести свое государство въ подчиненіе другой державѣ или измѣнить форму правленія, имперію обратить тиранію, пренебречь законами, установленными путемъ соглашенія короля съ народомъ, поступать по собственному произволу. Въ этомъ и въ другихъ случаяхъ, которые могли бы быть названы, если знать и общины соединяются, чтобы сообща защищать ихъ древнюю, освященную обычаемъ свободу, форму правленія и законы, ихъ нельзя считать мятежниками. Божескій законъ никому не даетъ права сопротивленія монарху, но я никогда не утверждалъ, что королевства и республики не могутъ упорядочить своего строя, сообразно ихъ разумѣнію, съ помощью публичныхъ законовъ, которые не могутъ быть нарушены правителями по ихъ собственной волѣ»[1]. Право сопротивленія есть т. о. обязанность защиты правопорядка. То, что высказано Бильсономъ въ общей формѣ, читатели вполнѣ логично могли отнести къ Англіи: вѣдь и въ этой странѣ основа правопорядка заключается въ нерушимости того, что принято монархомъ и сословіями парламента[2].

Въ концѣ концовъ, не столько политика отдѣляла англиканство отъ обогнавшихъ его религіозныхъ доктринъ, сколько различія въ сферѣ религіознаго энтузіазма: одни нашли уже истину, другіе ее ищутъ, и если государство поддерживаетъ

[1]) «cases may fall out even in christian kingdoms where the people may plead their right against Prince, and not bee charged with rebellon... If a Prince should goe about to subject his kingdome to a foraine Realme, or change the forme of the common wealth, from imperie to tyrannie: or neglect the lawes established by common consent of Prince and people, to execute his own pleasure. In these and other cases, which might be named, if the Nobles and Commons, joyne togither to defend their auncient and accustomed libertie, regiment and lawes, they may not well be counted rebels... The law of God giveth no man leave to resist his Prince: but I never said kingdoms and common wealthes might not proportion their states as they thought best by their publike lawes, which the princes them selves may not violate», p. 520.

[2]) «The foundation of all the Lawes of our Countrie being this, That what the Prince and the most part of her Barons and Burgesses shall confirme, that shall stand for good», p. 536.

англиканство, почему бы представителямъ послѣдняго не проповѣдовать подчиненія церкви свѣтскимъ властямъ? Подобно другимъ епископамъ дней Елизаветы Бильсонъ берется за это дѣло безъ лишняго жеманства. Участники діалога о «Христіанскомъ подчиненіи» касаются вопроса о правѣ парламента устанавливать государственную религію. «Іезуитъ» отрицаетъ это право. «Христіанинъ» заявляетъ, что «парламентъ и не берется за подобное дѣло. Простые деревенскіе люди, вынося въ парламентѣ акты и постановленія, далеки отъ самомнѣнія, въ противоположность вашему брату, кто считаетъ себя большими учителями Израиля. Ибо кто не знаетъ, что въ различныхъ государствахъ были различные позитивные законы и что въ англійскомъ королевствѣ, на нашей памяти, были различные парламенты?» Лишь такіе злонамѣренные люди какъ іезуиты рѣшаются утверждать, что свѣтскія сословія англійскаго королевства берутъ на себя право абсолютныхъ рѣшеній о догматахъ вѣры и объ ересяхъ: въ дни Бильсона парламентъ подчинилъ государство «слову Божію», а въ дни королевы Маріи — «декретамъ и фантазіямъ папы». И то, и другое полное право парламента[1]. Въ этомъ релативизмѣ была слабая сторона англиканства, поскольку здѣсь наглядно обнаруживалось отсутствіе религіознаго пламени у его служителей. Но развѣ тотъ же релативизмъ, подчиненіе религіи государственнымъ соображеніямъ, не сказался и въ англійскомъ католицизмѣ, въ реставрированіи его путемъ акта парламента, — обстоятельство, тонко подмѣченное Бильсономъ? Англійскій католицизмъ былъ, дѣйствительно, своеобразнымъ разрѣшеніемъ проблемы государственной религіи — безъ разрыва съ римской куріей, — пока онъ не сдѣлался гонимой религіей.

---

[1]) Jesuite: «The decision of truth or heresie pertained not to that Court» Christian: «They tooke it not upon them... The simple Rustikes of our Countrie doe not so grossely conceive of their actes and decrees as you doe that woulde seeme great maistres in Israell. For who knoweth not, that in divers realms have been diverse positive lawes, and in this kingdome within our age cleane contrary Parliamentes? No man is therefore so foolish as to thinke it, neither is any besides you so malicious as to report it, that the temporall states of this Realme tooke upon them the absolute deciding of truthes and errours above the four first generall councells, yea the holy scriptures themselves not excepted ...They submitted them selves and the publike state of this Realme to the word

Эймеръ.

Нѣсколькими словами нельзя не отмѣтить любопытнаго памфлета, написаннаго будущимъ лондонскимъ епископомъ Эймеромъ: отповѣдь на критику со стороны Джона Нокса (см. ниже) на управленіе государствомъ лицами женскаго пола. Свою защиту Эймеръ строитъ на томъ, что нѣтъ реальной опасности въ правленіи женщины, если государственное устройство покоится на «смѣшанныхъ» началахъ. «Англійское правленіе не есть простая монархія, какъ нѣкоторые, за недостаткомъ разумѣнія, полагаютъ, но не въ большей степени это—простая олигархія или простая демократія. Здѣсь имѣется смѣсь всѣхъ трехъ началахъ, при чемъ каждое пользуется или должно пользоваться равной властью. Подобіе этого и даже не подобіе, а самая вещь можетъ быть наблюдаема въ организаціи парламента, гдѣ присутствуютъ три чина: король или королева, представляющіе монархію; лица благороднаго происхожденія, представители аристократіи; горожане и рыцари —элементъ демократическій». «Если парламентъ пользуется своими привилегіями, король не въ состояніи ничего приказать безъ его согласія. Если онъ это дѣлаетъ, его вина—въ узурпированіи, глупость парламента—въ допущеніи. Поэтому тѣ, кто въ царствованіе Генриха VIII не хотѣли позволить ему, чтобы его прокламаціи имѣли силу статутовъ, были добрыми отцами отечества»[1]. Подобная защита парламентскихъ правъ не прошла незамѣченной современниками: анонимный авторъ «Марпрелатовыхъ памфлетовъ» съ удовлетво-

of God, which by law they might, as well as the same Court six(?) yeares before in the first of Queen Mary subjected this Realme to the Popes decrees and fansies», p. 537.

[1]) John Aylmer, An harborowe for faithfull and trewe subjects, 1559: «The regiment of Englande is not mere Monarchie, as some for the lacke of consideracion thinke, nor a meere Oligarchie, nor Democratie, but a rule mixte of all these, wherein ech one of these have or should have like authoritie. Thimage whereof, and not the image, but the thinge in dede, is to be sene in the parliamet hous, wherin you shal find these 3. estates. The King or Quene, which representeth the Monarchie. The noble men, which be the Aristocratie. And the Burgesses and Knights the Democratie... if the parliament use their privileges: the king can ordein nothing without them: If he do: it is his fault in usurping it, and their follye in permitting it: where fore in my judgement those that in king Henry the VIII dais, would not graunt him, that his proclamacions should have the force of a statute, were good fathers of the countri».

реніемъ отмѣтилъ, что «братъ Джонъ» сказалъ вещь, достойную вниманія: «я хотѣлъ бы, чтобы наши члены парламента зарубили себѣ на носу этотъ примѣръ изъ дней Генриха VIII, послѣдовали ему и осуществили реформацію, низложеніе господъ епископовъ и разрушеніе прочихъ пунктовъ суевѣрія. Вѣдь у нихъ есть возможность, согласно вашему (т. е. Эймера) сужденію, не только сдѣлать все, что клонится во славу Божію, хотя бы и вопреки королевскому желанію, но и даже оказать противодѣйствіе начинаніямъ ихъ суверена»[1].

Хотя Эймеръ стоитъ за такую форму правленія, которая всѣмъ тремъ элементамъ (монархическому, аристократическому и демократическому), должна обезпечивать равный авторитетъ, онъ готовъ, однако, поставить монарха на исключительно высокій пьедесталъ. Любопытно, что въ поискахъ за конкретными примѣрами авторъ обращается къ Востоку. «Персіяне считали своихъ королей и правителей представляющими столь божественное величіе, что они повергали передъ ними свои лица въ прахъ. Нѣчто подобное исторія сообщаетъ о туркахъ, которые не только оказываютъ своимъ королямъ почести какъ у персовъ, но и, кромѣ того, (соблюдаютъ такой обычай): всякое лицо, безъ различія званія, послѣ обращенія къ королю должно оставлять комнату, отступая спиной къ дверямъ. Немногіе, я полагаю, способны на нѣчто подобное (въ Англіи), но изъ этихъ фактовъ они должны убѣдиться, что большой почетъ приличествуетъ королевскому чину»[2]. Раздаются, однако, голоса: «мы всѣ дѣти Адама». «И дьявола также, чтобы не пойти дальше», иронизируетъ Эймеръ. «Дѣти Адама различа-

[1]) The Epitome, The Marprelate tracts, ed. by W. Pierce, 1911, p. 152. «I assure you, Brother John, you have spoken many things worthy the noting, and I would our Parliament-men would mark this action done in king Henry the Eighth's days, and follow it in bringing in reformation, and putting down lord bishops, with all other points of superstition. They may, in your judgment, not only do anything against their king's or queen's mind, that is behooveful to the honour of God and the good of the Commonwealth, but even withstand the proceedings of their sovereign».

[2]) «The Persians thoughte ther kinges and rulers to represent such a devine majestye: that they fell flat on their faces before theyr sovereigne... The like wherof, the histories to reporte of the Turkes, that they have not onlye as muche honor geven them the king of Persia had: but also who so ever speaketh to him, at his goinge from him, never turneth his backe uppon hym, but goeth backwarde so longe as he is in the same place wyth him. Fewe I thincke will allowe thys, yet must they learne, that great honour is due that estate».

ются, однако, по степенямъ, какъ установлено Богомъ, и, памятуя объ этомъ, мы сумѣемъ обуздать нашу гордыню: переставши быть дѣтьми Адама, сдѣлаемся послушными подданными королевы»[1]. Но, если отъ подданныхъ ожидается подчиненіе, то отъ правителей—законность. «Тамъ, гдѣ сочетаются законность съ повиновеніемъ, государство прочно. Когда Солона спросили, что поддерживаетъ государство, онъ отвѣтилъ: «повиновеніе подданныхъ правителямъ, а правителей —законамъ». Это сохранило Венеціанскую республику въ теченіе столь долгаго времени, а не то, что аристократія лучшая правительственная форма[2].

Уитгифтъ и Картрайтъ.

Передъ нами прошелъ рядъ теологовъ XVI в. и ни въ одномъ изъ нихъ мы не могли уловить симпатій въ сторону королевскаго абсолютизма. Болѣе того, ни въ одномъ изъ нихъ мы не могли установить какой либо предвзятости въ пользу монархическаго строя. Но уже въ той обостренности, какую пріобрѣтаютъ взгляды защитниковъ «установленной» церкви, можно предугадать надвигающуюся перемѣну. Уже близко новое политическое настроеніе—воинствующій монархизмъ. Эту знаменательную перемѣну ничто не даетъ почувствовать столь рельефно, какъ споръ между Джономъ Уитгифтомъ и Томасомъ Картрайтомъ. Столкнулись два міровоззрѣнія. «Существенные пункты церковнаго правленія могутъ быть вполнѣ согласованы съ любымъ законнымъ государственнымъ строемъ и цивильной формой правленія»[3],—позиція Уитгифта. Для

1) «we be all Adams childern, yea and the devels to, if we goe no further: But Adams childern be destincte in degres, even by the ordinance of God... If we can thus reason wyth oure owne proude stomackes: we shall soone leave of to be Adams childern, and become Goddes and the Queens obedient subjectes».

2) «Where loyaltie and obedience is: there muste neades be a sure state, as Solon being asked what preserved a comon wealthe, answered when the subjectes obey the magistrates, and the magistrates the lawes. This... kept the venetians common welth, so longe... not because their Aristocratie is the best kynd of goverument (as by no means it is nether by reason, experience, nor judgement of Philosophers»).—Мнѣ думается, что терминъ «лойяльность» Эймеръ употребляетъ именно въ смыслѣ «законности», а не «вѣрности».

3) John Whitgift, The Works, P. S., vol. III, p. 554: «the essential points of

Картрайта подобное утвержденіе равносильно тому, какъ если бы сказали, что человѣкъ долженъ примѣнять устройство дома къ занавѣскамъ, въ то время какъ въ дѣйствительности вѣрно обратное: именно, подобно тому, какъ занавѣски должны подходить къ дому, такъ и государство должно быть устроено въ соотвѣтствіи съ церковью, а его правленіе въ согласіи съ церковнымъ[1]. Въ своемъ стремленіи доказать, что церковный строй варіируется въ зависимости отъ соображеній государственной необходимости, Уитгифтъ ссылается на второстепенное значеніе внѣшней организаціи и церемоній для религіозной жизни: «я думаю, не многіе способны признать ихъ обусловливающими спасеніе»[2]. Картрайтъ энергично протестуетъ противъ подчиненія церковной политики пользѣ государственной. «Существуютъ различныя государства и различныя государственныя формы, всѣ они равно хороши, но то, что хорошо въ монархіи, не подходитъ къ аристократіи, а то, что хорошо въ аристократіи, не пригодно для народоправства. Этого нельзя, однако, сказать относительно церкви, которая едина и единообразна, имѣетъ одинаковые законы и одинаковую форму правленія на протяженіи всей вселенной»[3]. Въ чемъ же заключается эта универсальная форма церковнаго управленія? Мысль естественно

ecclesiastical government may well agree with any lawful state of commonwealth, and civil kind of government».

[1]) Thomas Cartwright, A Replye to an answere made of M. Doctor Whitgifte againste the admonition to the Parliament (1573?) p. 180: «Mr Doctor goeth about bothe to deceive him selfe and others to in that he think that the Church must be framed according to the common wealth and the church government according to the civill government. whych is as much to say as if a man should fashion hys house according to hys hangings when as in decde it is cleane contrary that as the hangings are made fit for the house, so the common wealth must be made to agree wyth the church and the government therof wyth her government».

[2]) Works, vol. 1, p. 20: «ceremonies and the kind of government, which all being external things, I think not many will make them to be de necessitate salutis, of necessity unto salvation».

[3]) First replye, p. 111: «So much as there be divers common wealthes and divers formes of common wealthes and all good it falleth oute that the offices and dignityes whych are good in one common wealth are not good in an other as those which are in a Monarchie are not good in Aristocracie and those which are good in Aristocracie are not good in a popular state. But that can not be sayde of the churche whych is but one and uniforme and hath the same lawes and forme of government throughout the worlde».

обращаться къ церкви первобытной. По мнѣнію Уитгифта, «въ апостольскія времена, когда на лицо не было христіанскихъ правителей, не было и установленной церкви: это была церковь народная, но теперь, когда правители христіане, церковь сдѣлалась установленной и подчиненной правителямъ»[1]. Картрайтъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ наличность связи между «установленіемъ» церкви и присутствіемъ въ государствѣ правителей христіанъ; отрицаетъ онъ и то, что первобытная, а слѣдовательно и извѣчная форма церковнаго устройства была демократіей. «Церковь управляется по тому способу, который признается лучшимъ философами, писавшими объ идеальномъ государственномъ строѣ. Ибо въ отношеніи главы ея—Христа церковь есть монархія; въ отношеніи старѣйшинъ и пасторовъ, которые управляютъ сообща, съ равнымъ авторитетомъ, это—аристократія; наконецъ, въ виду того, что народъ не устраненъ отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ (интересахъ), это—демократія. Подобіе этого можно видѣть на политическомъ устройствѣ англійскаго королевства, ибо въ отношеніи короля это монархія, въ отношеніи (частнаго) совѣта это аристократія, а если принять во вниманіе парламентъ, въ которомъ собираются всѣ сословія, это демократія»[2]. Нельзя не отмѣтить своеобразности этой конструкціи: въ противоположность классическому тріединству—монарху и двумъ палатамъ—мѣсто лордовъ занимаетъ частный совѣтъ, а палаты, верхняя и нижняя, сливаются въ понятіи народнаго собранія. Подобное отступленіе отъ традиціи нѣсколько смутило совре-

[1]) Works, vol. 1, p. 389: «in the apostoles' time there was no chruch established, being then no christian magistrates, and therefore the state of the church was popular: now there is christian magistrates, and a church established and subject to rulers».

[2]) First replye, p. 51: «For the churche is governed wyth that kinde of government whych the Philosophers that wryte of the best common wealthes affirme to be the best. For the respecte of Christe the heade it is a Monarchie and in respecte of the auncientes and pastoures that gouverne in common and wyth like authoritie amongste them selves it is an Aristocratie or the rule of the best men and in respecte that the people are not secluded but have their interest in church matters it is a Democratie or a popular estate. In image whereof appeareth also in the pollicye of thys Realme for as in respecte of the Queene her majestie it is a Monarchie so in respecte of the most honourable Counsell it is an Aristocratie and having regard to the Parliament which is assembled of al estates it is a Democratie».

менниковъ, и авторъ «Мартрелатовыхъ памфлетовъ», слѣдуя конструкціи Картрайта, когда дѣло доходитъ до «аристократіи», даетъ двойственное опредѣленіе: онъ усматриваетъ аристократическій элементъ «въ верхней палатѣ парламента или, вѣрнѣе, въ королевскомъ совѣтѣ»[1]. Изъ словъ Картрайта анонимный авторъ памфлетовъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что нападающіе на епископовъ не намѣрены обращать церковь въ демократическое установленіе и еще менѣе измѣнять гражданскія учрежденія[2]. Была ли это точка зрѣнія и его духовнаго вождя? Указывая на обычныя обвиненія въ подрывѣ авторитета установленныхъ властей, Картрайтъ спрашиваетъ: неужели же не достаточно открытаго и искренняго признанія необходимости высшихъ властей и ихъ сана, покорнаго подчиненія королевѣ и ея слугамъ какъ въ исполненіи приказаній такъ и безропотномъ страданіи за то, чего по совѣсти сдѣлать нельзя[3]—неужели всего этого мало, чтобы показать всю необоснованность указаннаго обвиненія? Въ искренности этихъ словъ едва ли есть основанія сомнѣваться: англійскій кальвинизмъ не помышлялъ объ измѣненіи существующихъ учрежденій и, что всего своеобразнѣе, къ этимъ учрежденіямъ взывалъ, чтобы тамъ найти иниціаторовъ реформы церкви въ пресвитеріанскомъ духѣ. Подобное внутреннее противорѣчіе не укрылось отъ представителей епископальной церкви: Джонъ Бриджисъ въ его «Защитѣ англиканскаго церковнаго строя» иронизируетъ на счетъ кальвинистовъ: «они все еще продолжаютъ въ каждый парламентъ посылать свои книжонки касательно реформаціи, на которой они настаиваютъ. Это совершено расходится съ существенными пунктами, выставленными

[1]) «Hay and worke for Cooper, ed. Pierce, p. 252: «aristocratical in the higher House of Parliament, or rather at the Council table».

[2]) «Therefore, profane T. C. (Thomas Cooper), this government seeketh no popularity to be brought into the church; much less intendeth the alteration of the civil state».

[3]) The second replye of Thomas Cartwright agaynst Maister Doctor Whitgiftes second answer, 1575, p. CCCCIII: «he plie matter with accusations of disobedience and contempt of magistrate: yet I doubt not but with all indifferent our open and simple profession off the necessitie off higher powers and off the honour and humble submission to Her Majestie and magistrates underneth her either in doings thinges commanded or patiently suffering for that which we can not with good conscience doo shall be sufficient defense».

въ томъ, что предлагается ими на разсмотрѣніе парламента. Ибо если не предполагать, что они согласны признать общины въ нижней палатѣ, а лордовъ—въ верхней за духовныхъ особъ, члены парламента (по канонамъ самихъ кальвинистовъ) не могутъ подавать голосъ или, по крайней мѣрѣ, опредѣлять что нибудь относительно церковныхъ дѣлъ»[1]. Въ «Полной и понятной декларации церковной дисциплины»—англійскомъ переводѣ латинскаго трактата Уольтера Траверса, сдѣланномъ Картрайтомъ—установленіе пресвитеріанскаго строя разсматривается какъ завершеніе реформаціоннаго дѣла, начатаго Генрихомъ VIII и продолженнаго Эдуардомъ VI: «О, благороднѣйшая королева», взываетъ авторъ, «окончи и заверши, наконецъ, при готовности и согласіи подданныхъ вашего величества это небесное начинаніе!»[2]. Въ такъ наз. «Руководствѣ къ церковному управленію» (1583?), приписываемомъ перу Картрайта и Траверса, изложеніе пресвитеріанской системы заканчивается формой обязательства, какое на себя берутъ члены церковныхъ общинъ: «Вышеизложенные пункты, если согласіе на нихъ удастся получить отъ ея величества и иныхъ властей англійскаго королевства, мы обѣщаемъ соблюдать, въ соотвѣтствіи съ миромъ церкви, а въ періодъ до полученія указаннаго согласія поступать такъ, какъ это совмѣстимо съ публичными законами королевства и миромъ нашей церкви»[3]. Подобныя изъявленія лойяльности не могли, однако, скрыть отъ Уитгифта направленія, куда дулъ вѣтеръ, поднятый кальвинизмомъ. Теорія смѣшаннаго правленія въ примѣненіи къ церкви

[1]) John Bridges. A defence of the government established in the Church of England for ecclesiastical matter, 1587, p. 1382: «They are still at every Parliament offering up their little bookes.... of the reformations that they call upon, unto the high and most honourable Court of Parliament... That is cleane contrary to the chiefe materiall poynts, of the very bookes themselves, that they offer up unto the Parliament. For except they will make all the Burgesses in the nether house and all the Lords in the higher house to bee Ecclesiasticall persons... They can not (by their own canons) have any voyces, at least, not determine any thing in Eccl. matters». Какъ и Уитгифтъ онъ видитъ призракъ грядущаго «popular government».

[2]) «O most noble Quene fynishe and make perfit now at the last with the readie wil and consent of all your Highenes subjectes this heavenlie work», p. 198.

[3]) A Directory of Church-Government, (Reprint, 1872), p. 3—4: «which thing, if it may bee obtained of Her right Excellent Majesty, and other the Magistrates of this Kingdome, we promise that will not doe nothing against it whereby the publique peace of the Church may be troubled. In the mean time we promise

находитъ въ немъ рѣшительный отпоръ, хотя позиція, занятая въ этомъ пунктѣ Картрайтомъ, не была чужда и теологамъ англиканскаго исповѣданія: напр., въ очень популярномъ трактатѣ: «Библіотекѣ бѣднаго человѣка» Уильяма Али союзъ церковный признается не простымъ, а составнымъ единеніемъ, включающимъ въ себѣ монархію, аристократію и демократію»[1]. По мнѣнію Уитгифта «изъ всѣхъ этихъ трехъ формъ могутъ получиться разнообразныя сочетанія, и все же образъ правленія будетъ называться въ соотвѣтствіи съ преобладающимъ началомъ, подчиняющимъ всѣ прочія начала. Все равно какъ въ англійскомъ королевствѣ, хотя въ парламентѣ представлены всѣ сословія, тѣмъ не менѣе окончательное сужденіе и санкція остается въ рукахъ короля, а поэтому Англія не есть аристократія или демократія, но монархія»[2]. «Едва ли нужно обращать вниманіе читателя на то, какъ вы (кальвинисты) направляете свой натискъ противъ монархіи. Вѣдь вашъ принципъ заключается въ томъ, что «государственное устройство должно быть приведено въ соотвѣтствіе съ церковнымъ», а поэтому оно и способно оказаться не королевствомъ, а народоправствомъ или аристократіей»[3]. Кальвинизмъ могъ признавать существующій порядокъ, и въ то же время внутренней силой заложенныхъ въ немъ тенденцій, переноситъ центръ тяжести отъ монарха въ сторону народоправства. Къ тому же для аттаки Уитгифта открытую брешь въ кальвинистской доктринѣ составлялъ не только тезисъ о согласіи государственнаго режима съ церковнымъ: хотя и въ осторожной формѣ и въ примѣненіи лишь къ церковному

to observe it so far as it may be lawfull for us to doe by the publique Lawes of this Kingdome, and by the Peace of our Church».

[1]) William Alley, The poore mans librarie, 1565, vol. 1 p. 21b: «The societie and fellowship of the churches is not simple, but composed of three partes, that is, Monarchia. Aristocratia and Democratia».

[2]) Works, vol. 1 p. 393: «all these three kinds of government may be mixed together after divers sorts; yet still the state of government is named according to that which most ruleth. and beareth the greatest sway... As in this realm in the court of parliament, although all the states be represented yet, because the judgment, confirmation, and determination resteth in the prince, therefore the state is neither «aristocracy» nor «democracy». but «monarchy».

[3]) Works, vol. III, p. 181: «I shall not need to will the reader once again to mark how you bend your force against a monarchy. For your principle is, that «the government of the commonwealth must be framed according to the

правленію выдвигается у нихъ идея о томъ, что правленіе бо̀льшаго числа людей предпочтительнѣе правленія одного. Уитгифтъ не можетъ не усмотрѣть здѣсь дѣйствительной опасности для монархическаго строя—для той формы послѣдняго, какая представлялась ему единственно пріемлемой. Картрайтъ напрасно старается смягчить впечатлѣніе: «Развѣ сказать, что правленіе нѣсколькихъ лучшихъ людей предпочтительнѣй правленію одного, равноспльно утвержденію, что чѣмъ бо̀льшее число правитъ тѣмъ лучше?»[1]. Уитгифтъ отказывается вступить на путь діалектическихъ тонкостей и продолжаетъ настаивать на демократическихъ тенденціяхъ кальвинистовъ (Works, vol. III, p. 187). А эти тенденціи съ полной ясностью сказались въ связи съ вопросомъ объ участіи церковной общины въ выборахъ пасторовъ. «Чтобы удержать епископа на его тронѣ», патетически восклицаетъ Картрайтъ, «долой народные выборы, долой судъ присяжныхъ, долой, однимъ словомъ, почти все устройство англійскаго королевства. А между тѣмъ я могъ бы доказать, что все это согласно какъ съ понятіемъ гражданина, которое даютъ компетентные люди, такъ и съ практикой наилучше управляемыхъ общинъ. Что граждане должны имѣть участіе въ выборѣ ихъ мэровъ и бэйлифовъ, подтверждается опытомъ опасныхъ возстаній и отложеній отъ государства, происходившихъ вслѣдствіе урѣзанія этихъ и имъ подобныхъ свободъ. Въ виду того, однако, что духовному лицу надлежитъ не мѣшаться въ это дѣло, но довольствоваться любой правительственной формой (будь она законна), какую предпочитаютъ управомоченныя на ея установленіе лица, я не намѣренъ далѣе касаться этого предмета»[2]. Но что еще прибавлять къ сказанному, если

government of the church»; and therefore it may not be a kingdome, but rather a popular estate, or aristocratical».

[1]) First replye, p. 181: «is it all one to saye that the government of a fewe of the best is better then the government of one and to saye the more that rule the better?»

[2]) Second replie, p. CCXXVII—VIII: «to keepe the bishoppe in his throne downe muste goe all elections by manie and by the same reason all trialls off controversies by manie and in a worde the whole estate almoste off our common wealth muste bee removed... I could shewe that it agreeth moste bothe with the definition of a cytizen which those gyve which handell this matter and which the practise off the beste governed cities (that the cytizens should have

«почти все устройство англійскаго королевства» покоится на народномъ избраніи?

Критикуя понятіе смѣшаннаго правленія, Уитгифтъ выражаетъ протестъ противъ возможности подъ этимъ титуломъ провести начала народоправства, но онъ все же не защитникъ неограниченной монархіи. Его монархія—лучшая политическая форма какъ по Св. Писанію, такъ и по ученію философовъ: она имѣется тамъ, гдѣ главное попеченіе и управленіе государствомъ принадлежатъ во всѣхъ отношеніяхъ одному лицу. Подобная «настоящая и истинная монархія» существуетъ и въ Англіи[1]. Объ «истинной» монархіи будетъ говорить Яковъ I. Но отъ «главнаго попеченія» до теоріи царственнаго политика монархической доктринѣ нужно еще пройти нѣкоторое разстояніе.

Гудманъ.

Джемсъ Гердиеръ въ его статьѣ о «Божественномъ правѣ королей (James Gairdner, The Divine Right of Kings, Studies in English History, 1881) утверждаетъ, что доктрина божественнаго происхожденія власти укрѣпила въ Англіи наслѣдственный порядокъ преемства королевскаго престола. Если король не избирается народомъ, если власть его независима отъ земныхъ авторитетовъ, онъ становится королемъ по тому праву, которое передано ему его предшественникомъ. Подобная точка зрѣнія не находитъ себѣ базиса въ теологической литературѣ XVI в. Ея представителей мало въ сущности

theis intereste off choise off their Majors and Bailifes: confirmed by experience off daungerous seditions and separations from the cõmen wealth have happened by abridginge the people off this and such liberties. But for so muche as yt belongethe not unto a divine to medle with those but to contente him selfe with what forme of governemente soever (so it be lawfull) thowght good to those to whom the orderinge of that doothe perteine: I leave to speake of that matter».

[1]) Works, vol. 3, p. 197: «You are never able to shew, either «by divinity or philosophy», that there are more lawful kinds of government than three: that is, democratical, aristocratical, and monarchical: and of these both the scripture and philosophy alloweth of the monarchy as simply the best. The government of this kingdom is a right and true monarchy. Neither do you know what a monarchy is, when you call it a «mixed state»: for that is called a monarchy where the chief care and government of the commonwealth is committed to one, as it is in this kingdom, in every respect».

интересуетъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ корона досталась ея обладателю: это слишкомъ еще щекотливый въ ту эпоху пунктъ, чтобы изъ него много можно было извлечь въ пользу монарха. Сказать, что власть отъ Бога значило скорѣе поставить крестъ надъ дальнѣйшими разговорами о правахъ главы государства. Разъ король на престолѣ, божественная санкція необходимо сопутствуетъ ему. А что не только кровная связь, но и избраніе считалось вещью вполнѣ совмѣстимой съ монархіей Тюдоровъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ знакомство съ «Діалогомъ» Томаса Старки. Можно пойти дальше и утверждать, что доктрина божественнаго установленія власти способна была доставить аргументъ противъ наслѣдственныхъ притязаній: Богъ даетъ королямъ бразды правленія съ опредѣленной цѣлью—осуществлять ихъ руками свою волю. Но развѣ всякій наслѣдственный король отвѣчаетъ этимъ требованіямъ? Защитникамъ права сопротивленія не нужно было, впрочемъ, дѣлать подобныхъ выводовъ: вѣдь англиканство отрицало это право не въ силу признанія незыблемости наслѣдственнаго порядка, а въ силу преклоненія предъ фактомъ властвованія. Поэтому задача «противленцевъ» значительно облегчалось: рѣчь шла не о нарушеніи установленныхъ правъ, а о различномъ толкованіи божественной воли. Въ слѣдующемъ, 17-мъ столѣтіи, сэръ Джонъ Эліотъ будетъ отрицать право «отложенія» именно потому, что признать его—значитъ подвергнуть наслѣдниковъ престола риску утрачи «законнаго» права. Не нужно поэтому считать за проявленье радикализма, если въ 16-мъ столѣтіи Кристоферъ Гудманъ, въ своемъ оправданіи права сопротивленія, не считаетъ даже нужнымъ отвѣтить на вопросъ о томъ, дѣлается ли человѣкъ королемъ въ силу рожденья: не здѣсь, очевидно, лежали наиболѣе укрѣпленныя позиціи «непротивленцевъ», и Гудману не сюда приходилось направлять главную силу своей атаки. Его аргументація идетъ обычнымъ путемъ: если власть отъ Бога, то «по Богу» ею слѣдуетъ и пользоваться; «противящійся» Ему правитель долженъ быть исторгнутъ[1]. За призывомъ къ борьбѣ

[1]) Goodman Christopher, How superior powers ought to be obeyd of their subjects and wherin they may lawfully by Gods Worde be disobeyed and resi-

съ безбожіемъ власти, стоялъ ли у Гудмана политическій радикализмъ? Предоставимъ ему говорить за себя: «Чтобы избѣгнуть всяческихъ неудобствъ для государства, какъ по отношенію къ правителямъ, такъ и по отношенію къ народу, надлежитъ держаться вдали отъ двухъ крайностей. Прежде всего, правители не должны предоставлять своимъ подданнымъ слишкомъ много свободы, откуда проистекаетъ, въ большинствѣ случаевъ, всевозможная распущенность и плотская невоздержанность, измѣненіе государствъ и политическихъ порядковъ, презрѣніе Бога и человѣка; короче говоря, все обращается въ безпорядочность и смуту. Съ другой стороны, народу не слѣдуетъ допускать, чтобы вся власть и свобода была у него отнята, чтобы его обратили въ дикое стадо, безъ разсудка и смысла признающее все законнымъ, что бы ни сдѣлали власти. Развѣ народъ не состоитъ изъ разумныхъ существъ; развѣ нѣтъ различія между холопами и свободными подданными; развѣ у нихъ нѣтъ права по отношенію къ ихъ родной странѣ; развѣ Богъ создалъ людей лишь для того, чтобы они служили королямъ и правителямъ, подобно рабамъ; развѣ власти не предназначены Богомъ хранить свой народъ, коего они суть лишь часть и члены?»[1]. Какіе же выводы напрашиваются изъ этой характерной цитаты? Гудманъ противъ «измѣненія» установленныхъ государственныхъ формъ, какъ противъ этого, и навѣрное искренно, другой кальвинистъ Картрайтъ. Но какъ у послѣдняго подчеркиванье избиратель-

sted, 1558, p. 66: «whence hathe he (the king) this honor? Of him selfe? Is anie man naturallie borne a kinge, Or hathe he it of God? And if of God, wherto, but to use it with God, and not agaynste him».

[1]) p. 148: «and to avoyde all incomodities that are accustomed to happen in all comon welthes, as wel upon the Magistrates parte as of the people, there are two extremities: wherof bothe must be warned. The first is, that the Magistrates permit not to their subjectes overmuche libertie.... wherof folowethe for the most parte, all kynde of dissolutnesse, and carnall libertie, subvertion of all good Lawes and orders, alteracion of common welthes and policies, contempt of God and man: and to be short, all thinges turned to disorder and confusion. The seconde apparteyneth on the other parte to the people, which ought not to suffer all power and libertie to be taken from them, and therby to become brute beastes, with out judgmente and reason, thinking all thinges lawfull, which their Rulers do not with out exception... as thoghe they were not reasonable crearures, but brute beastes: as thoghe there were no difference betwixt bonde slaves and free subjectes: and as thoghe they had no portion or right at all in the countrie where they inhabite: but as they were altogether

наго начала въ жизни страны, такъ и у перваго утвержденье, что за народомъ должно быть признано мѣсто въ государствѣ, что подданничество не убиваетъ свободы, нельзя не истолковать въ смыслѣ уклона въ сторону демократическихъ принциповъ. Чтобы ихъ реализовать, не нужно было «измѣнять» существующихъ учрежденій: пока еще шелъ вопросъ о томъ, какъ «понимать» эти учрежденія. Доктрина смѣшаннаго правленія столь невинная, что ею безъ зазрѣній совѣсти пользуются англиканскіе теологи, дѣлается, однако, опаснымъ орудіемъ въ глазахъ послѣднихъ, когда они замѣчаютъ, что кальвинисты находятъ ее удобною для своихъ цѣлей. Такъ же опасна теорія, намекъ на которую содержится у Гудмана: у него власти оказываются «частью и членами» тѣла народнаго. Развѣ это не покушенье на политическое «главенство», короля? Развѣ это не перенесенье въ область политики того, что утверждалось относительно церкви гдѣ признается лишь небесный ея Глава—Христосъ? Въ подобныхъ тенденціяхъ кальвинизма, какъ бы ни открещивались отъ желанья измѣнить государственныя учрежденья его представители, лежала опасность для сложившагося порядка вещей И исторія показала, что эта опасность не была мнимой.

8-ая книга „Законовъ церковной политики".

Для историка политической мысли интересъ къ Ричарду Гукеру концентрируется, главнымъ образомъ, на 8-ой книгѣ его «Законовъ церковной политики» (Richard Hooker, The Laws of Ecclesiasticall Politie). Этому произведенью приписывается заслуга «выдвинуть на видное мѣсто извѣстныя раціоналистическія доктрины, которымъ суждено было вскорѣ сдѣлаться наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ въ арсеналѣ тѣхъ, кто велъ атаку противъ церкви и трона»[1]. 8-ая книга не

created of God to serve their kinges and governors like slaves, and not their kings and governors appointed of God to preserve his people, wher of they are but a portion and members».

[1]) W. A. Dunning, A History of Political Theories from Luther to Montesquieu, 1905, p. 210: «to set up in a conspicuous light certain rationalistic do-

увидѣла, однако, свѣта вплоть до 1648 года, когда атака близилась уже къ концу, такъ что о широкомъ ея вліяніи на до-революціонную эпоху говорить едва ли приходится. Въ формѣ манускриптовъ (ихъ дошло до нашихъ дней нѣсколько и, при этомъ, въ разной редакціи) идеи Гукера все же способны были проникать въ жизнь.

Исходнымъ пунктомъ политическихъ построеній Гукера — пунктомъ, лежащимъ для него «почти» внѣ сомнѣнья и оспариванья, является вѣра въ первоначальную власть человѣческихъ обществъ надъ самими собой[1]. Эту власть они могутъ использовать, передавши ее въ руки многихъ, нѣсколькихъ или одного лица, въ подчиненіи кому всѣ остальные и должны пребывать[2]. Подобная передача власти совершается «по праву человѣческому (human right) въ противоположность тѣмъ случаямъ, когда Богъ собственной волей избираетъ и назначаетъ властителей: здѣсь дѣло идетъ о «божественномъ правѣ» (divine right). Но и въ первомъ случаѣ, хотя Богъ и не учреждаетъ власти, и не указываетъ на тѣхъ, кто долженъ быть ея носителемъ, однако, кто станетъ сомнѣваться, что разнообразныя обязанности, связанныя съ властью, предписаны словомъ Божіимъ и вслѣдствіе этого должны выполняться по праву божественному[3]. Такимъ образомъ не столько происхожденіе, сколько характеръ дѣятельности правительственной власти оказывается подчиненнымъ божественной волѣ: правители должны поступать, памятуя о томъ, какъ бы не умалить славы Божіей[4]. Отъ вопроса о правѣ, по какому правители держатъ свою

ctrines; and as it happened, those were to become soon the most effective weapons in the arsenal of these, who were assailing the church and the thr ne».

[1]) Works, ed 1888, vol. III, p. 343: «unto me it seemeth almost out of doubt and controversy, that every independent multitude, before any certain form of regiment established, hath, under God's supreme authority, full dominion over itself».

[2]) vol. III, p. 344: «that power which naturally whole societies have, may be derived into many, few, or one, under whom the rest shall then live in subjection».

[3]) vol. III, p. 345: «albeit God do neither appoint the thing, nor assign the person; nevertheles when men have established both, who doth doubt but that sundry duties and offices depending thereupon are prescribed in the word of God, and consequently by that very right to be exacted».

[4]) vol. III, p. 346: «are both authorized and required to use that power as far it may be in any sort available to his honour».

власть, Гукеръ переходитъ къ анализу ея организаціи. Онъ уклоняется отъ слишкомъ широкой трактовки этой проблемы и намѣренъ касаться политическаго строя лишь англійскаго королевства. Въ основѣ возникновенія этого послѣдняго не лежитъ акта насильственнаго порабощенія, но добровольнаго согласія націи, которая, давая его, руководилась соображеніями собственнаго блага и безопасности. Въ королевствѣ, подобномъ англійскому, глава государства правитъ цѣлымъ, находясь въ зависимости отъ этого цѣлаго, хотя бы у него и было право повелѣнья по отношенію къ отдѣльнымъ частямъ. Поэтому считается аксіомой, что въ подобномъ смыслѣ король «major singulis, universis minor»[1]. Возможно, что это изреченіе было навѣяно тѣмъ мѣстомъ изъ «Vindiciae contra Tyrannos», гдѣ парламенты признаются «ut singuli Rege inferiores, ita universi superiores»[2]. Въ чемъ же выражается зависимость короля отъ цѣлаго? Гукеръ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что власть королевская хотя и не можетъ разсматриваться по отношенію къ «каждому» носителю короны какъ «даръ» со стороны народа, тѣмъ не менѣе пользованье ею поставлено въ границы, обозначенныя въ первоначальномъ актѣ «передачи» власти[3]. А поэтому, если бы обнаружились

1) ibid: «that which we speak of kings shall be with respect to the state and according to the nature of this kingdom, where the people are in no subjection, but such as willingly themselves have condescended unto, for their own most behoof and security. In kingdoms therefore of this quality the highest governor hath indeed universal dominion, but with dependence upon that whole entire body, over the several parts whereof he hath dominion, so that it standeth for an axiom in this case. The king is etc».

2) Полностью цитата гласитъ: «sunt in omni Regno bene consituto officiarii Regni, Principes, Pares, Patritii, Optimates, et caeteri ab ordinibus delegati, e quibus constatur aut Concilium ordinarium aut Concilium extra ordinem. Parlamentum, Dieta, caeterique conventus in diversis regionibus diversa nomina sortiti; in quibus ne quid aut Respublica aut Ecclesia detrimenti capiat, providendum est. Illi vero ut singuli Rege inferiores, ita universi superiores» (p. 47, orig. ed. 1579).—Какъ мы видѣли выше, идея о королѣ «большемъ отдѣльныхъ гражданъ, но меньшемъ цѣлаго королевства» воспринята Паркеромъ.—возможно, что черезъ посредство Гукера. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ годъ публикаціи 8-ой книги «Церковной политики» (1648) появился англійскій переводъ «Vindiciae», перепечатанный въ 1689 г. На экземплярѣ этого 2-го изд., хранящемся въ Брит. Музеѣ, чьей той рукой сдѣлана надпись: «этотъ переводъ есть дѣло рукъ м-ра Уильма Уокера, того, что отрубилъ голову королю Карлу» («This translation was the work of Mr. William Walker of Darnal near Sheffield, the person who cut off King Charles's Head»).—Незатронутая еще наукой область—вліяніе монархомаховъ на политическую идеологію Англіи.

3) vol. III. p. 319: not «every governor doth personally take from thence his po-

какіе либо дефекты въ установленномъ строѣ, то переданная власть должна возвратиться къ ея источнику—къ народу. Гукеръ выражаетъ надежду, что правители не станутъ упорствовать о сохраненіи того, пользованье чѣмъ сопряжено съ ущербомъ для цѣлаго. Тѣмъ не менѣе «законнымъ путемъ» власть не можетъ возвратиться къ народу, если правители не даютъ своего согласія, за исключеніемъ случая прекращенія правящей династіи[1]. Слѣдуетъ поэтому хорошенько обдумать, какимъ способомъ ограничить власть, прежде чѣмъ совершать актъ передачи[2]. Цѣль измѣненія государственнаго порядка заключается т. о. лишь въ установленіи болѣе совершенныхъ сдержекъ для правителей, а не въ томъ, чтобы измѣнить самый характеръ правленія, сдѣлать его напр. болѣе демократическимъ.

Выводить предѣлы ограниченія королевской власти изъ тѣхъ «статей договора», какія были приняты главой государства и народомъ, было бы, однако дѣломъ безуспѣшнымъ въ силу того, что эти статьи изгладились изъ человѣческихъ умовъ, и память о нихъ сохранилась лишь у немогихъ. Нужно поэтому обращаться къ тѣмъ источникамъ «явнаго» соглашенія, какіе сохранились въ формѣ позитивныхъ законовъ или же къ «молчаливому» свидѣтельству незапамятныхъ обычаевъ[3]. Это «послѣдующее» соглашеніе и приводитъ къ тому, что даже въ тѣхъ королевствахъ, которыя были основаны силою

wer by way of gift... But the cause of dependency is in that first original conveyance when power was derived by whole unto one».

[1]) ibid: «May then a body politic at all times withdrow in whole or in part that influence of dominion which passeth from it, if inconvencience doth grow thereby? It must be presumed, that supreme governors will not in such case oppose themselves, and be stiff in detaining that, the use whereof is with public detriment, but surely without their consent I see not how the body should be able by any just means help itself, saving when doth escheat».

[2]) ibid: «such things therefore must be thought upon beforehand, that power may be limited ere it be granted».

[3]) «Touching kings, which were first instituted by agreement and composition made with them over whom they reign, how far their power may lawfully extend, the articles of compact between them must shew: not the articles of compact only at the first beginning, which for the most part are either clean worn out of knowlegde, or else known unto very few, but whatsoever hath been after in free and voluntary manner condescended unto, whether by express consent, whereof positive laws are witnesses, or else by silent allowance famously notified through custom reaching beyond the memory of man», vol. III, 350.

меча, мало по мало водворилась та сладостная форма монархическаго правленія, которую философы опредѣляютъ какъ «властвованіе, добровольно выдерживаемое, гдѣ конечное рѣшеніе въ важнѣйшихъ дѣлахъ принадлежитъ одному»[1]. Король, который не пользуется подобнымъ правомъ, есть скорѣе носитель титула, но не реальнаго суверенитета[2]. Это право рѣшающаго голоса не освобождаетъ, однако, короля отъ связанности закономъ,—не только естественнымъ и божескимъ, но и «муниципальнымъ», т. е. государственнымъ (vol. III, p. 352).—Таковы основы англійскаго государственнаго порядка, и Гукеру остается лишь воздать хвалу тѣмъ, кто ихъ заложилъ: вѣдь благодаря этимъ основамъ, хотя въ государствѣ и нѣтъ лица, неподчиненнаго королю, власть послѣдняго надъ всѣми и во всемъ такъ ограничена, что законъ есть мѣрило королевскихъ дѣйствій[3]. Это слова одного изъ представителей епископальной церкви, но не характерно ли, что вплоть до 1648 г. имъ не довелось сдѣлаться достояніемъ публичности? Очевидно, тѣ, отъ кого зависѣли судьбы «установленнаго» исповѣданія не находили удобнымъ связать опредѣленный конституціонализмъ съ именемъ одного изъ популярнѣйшихъ излагателей англиканства. Уже въ дни Елизаветы замѣтенъ былъ сдвигъ официальныхъ представителей господствующей церкви въ сторону воинствующаго монархизма: этотъ сдвигъ будетъ еще болѣе опредѣленно выраженнымъ въ эпоху Стюартовъ.

Гаусенъ.

Было бы ошибочно вождей англиканства записать огульно

---

1) ibid: «By which means of after-agreement, it cometh many times to pass in kingdoms that they whose ancient predecessors were by violence and force made subject, do grow even by little and little into that most sweet form of kingly government which philosophers define to be «regency willingly sustained and endured, with chiefty of power in the greatest things.»—Не изъ идеи ли «after agreement» Хантонъ позаимствовалъ свое понятіе «secondary original constitution»?

2) vol. III, p. 352: «A king which hath not supreme power in the greatest things is rather entitled a king, than invested with real sovereignty».

3) p. 353: «I cannot choose but commed highly their wisdom, by whom the foundations of this commonwealth have been laid, wherein though no manner person or cause be unsubject to the King's power, yet so is the power of the

въ ряды сторонниковъ абсолютизма Стюартовъ[1]. Съ одной стороны, не всѣ они готовы вмѣшиваться въ дѣла свѣтской политики (Andrews), съ другой стороны, и не уклоняясь отъ этого, они не всегда подписываются подъ королевскимъ пропроизволомъ: архіепископъ Williams критикуетъ дѣйствія Карла по отношенію къ парламенту, и хотя Abbot и готовъ помочь Якову въ его финансовыхъ затрудненіяхъ изъ за отказа въ субсидіи, однако, въ глазахъ архіепископа нѣтъ ничего почетнѣй для короля какъ получить эту помощь по доброй волѣ народа, черезъ парламентъ[2]. Эти примѣры, однако, единичны, и не защиты парламентскихъ правъ нужно ждать отъ тѣхъ, кто въ укрѣпленіи королевской прерогативы видѣлъ условіе сохраненья установленнаго церковнаго режима. Среди вереницы именъ мы встрѣчаемъ одно имя, носитель котораго оставался въ тѣни, а между тѣмъ доктрина абсолютизма выражена имъ въ болѣе категорической и ясной формѣ, нежели у другихъ, болѣе извѣстныхъ англиканцевъ—хотя бы у Manwaring-a. Это—Джонъ Гаусенъ. Уже въ болѣе раннихъ его писаніяхъ, относящихся къ концу царствованія Елизаветы,

King over all and in all limited, that unto all his proceedings the law itself is a rule».

[1]) Показательны въ этомъ отношеніи слѣдующіе отрывки изъ памфлета Уильяма Ло, доктора теологіи и одного изъ королевскихъ капелановъ, «Тихій голосъ обращенный къ тремъ, втройне уважаемымъ чинамъ парламента» (William Loe, D. D., and Chaplaine to the Kings most excellent Majestie. A stil voice to the three thrice-honourable Estates of Parliament. 1621): «низшіе суды учреждены для блага подданнымъ по мелкимъ дѣламъ, парламентъ же созванъ изъ за важнѣйшихъ дѣлъ, и здѣсь король, хотя и во всемъ требуется его королевская санкція, ограниченъ и по закону, и по разуму, и по религіи» (p. 28: «The inferiour Courts are erected for the good of the subject in smaller causes, and the Parliament in supreame causes is convened, wherein the king himselfe (albeit he hath royall assent in all) yet by Law, Reason, and Religion, he is legally limited, and concluded»). О нижней палатѣ парламента, представляющей демократическій элементъ, авторъ говоритъ, какъ объ имѣющей «свободу вотума» на ряду съ королемъ и палатой лордовъ (p. 41: «And seeing in the high Court of the State, which wee call a Parliament, which consists of a theefold State, and all of God, the King as a Monarchy, the Upper-house the Aristocracy, and the Lower-house as the Democracy, which nathlesse (nevertheless) hath freedome and libertie, both of suffrage, voice, and vote»).

[2]) Sidney Lee (D. N. B.) совершенно напрасно приписываетъ Abbot-у политику наполненія парламента королевскими ставленниками: мѣсто изъ его письма, гдѣ говорится о «a Parliament so prepared and ordered, as might carry with it a likelihood and probability of bringing good success» (Spedding, Bacon, vol. V, 205), означаетъ лишь, что и со стороны короля должны быть уступки, если онъ хочетъ разсчитывать на содѣйствіе чиновъ.

можно констатировать зачатки идей, которымъ Гаусенъ дастъ законченную формулировку въ дни Якова. Въ проповѣди, произнесенной имъ «Въ защиту празднествъ англійской церкви, въ особенности празднества коронаціи ея величества» авторъ заявляетъ, что «Богъ несомнѣнно очень заботливъ относительно чести королей: съ той цѣлью, чтобы мы не вздумали презрѣть ихъ и отказать имъ въ повиновеніи на томъ основаніи, что всѣ мы отъ праха земли, какъ дни года отъ солнца на небосклонѣ, что мы всѣ равны въ естествѣ природномъ, Богъ, создавая различія въ естествѣ гражданскомъ, надѣлилъ королей своимъ собственнымъ именемъ. Поэтому они называются Богами, помазанниками Бога, сыновьями Всевышняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ имъ божественныя, сверхъестественныя качества»[1]. Королямъ приписывается: пророческій даръ, «нѣкая глубина сердца», даръ исцѣленья болѣзней, абсолютная власть безъ ограниченій, отвѣтственность лишь предъ Богомъ, право возлагать благословеніе и проклятіе на подданныхъ (p. 27). Эту позицію Гаусенъ удерживаетъ и въ дальнѣйшей своей проповѣднической дѣятельности, при чемъ на помощь праву божественному призывается право естественное и авторитетъ римскихъ цивилистовъ, съ Помпоніемъ во главѣ. Въ силу своего положенія король можетъ править «sine certa lege, sine certo jure», но не «sine aequitate et justitia»[2]. Иными словами: у королей есть «liberum arbitrium» или «potestas arbitrii», «въ силу которой они правили крайне хорошо». Дѣятельность Гаусена находитъ одобренье свыше, и его проповѣди публи-

[1]) John Howson, A sermon... in defence of the Festivities of the Church of England, and namely that of her Majesties Coronation: the second impression, 1603, p. 26: «surelie God is verie jealous of the honour of Princes, and least we should in anie sorte despise them and bee disobedient unto them, because wee be all made of one mould of the earth, as the daies of the yeare of one sunne in the firmament and therefore are all pares in esse naturae equall one to another in nature: that there might be a difference in esse morali in civile being, God honoreth Princes with his owne name, so that they are called Gods annointed, and the sonnes of the most high: he calleth them by his owne name, and furnisheth them with divine and supernatural qualitities».—Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Гаусенъ ознакомился съ твореніями Якова еще до прибытія его въ Англію, и идеи короля-политика были реципированы угодливымъ теологомъ. Во всякомъ случаѣ, въ дальнѣйшемъ вліяніе Якова на Гаусена несомнѣнно.

[2]) Certaine sermons made in Oxford, Anno 1616. Publish by Commandement, 1622., p. 31.

куются по королевскому приказу.—Коренящаяся въ королевской природѣ неограниченная власть дана не одному какому либо монарху, а всѣмъ имъ. «Нѣтъ монархіи на свѣтѣ, которая была бы въ особенности монархична: то, что монархично, абсолютно монархично, и все аристократическое или демократическое, что есть въ монархіи, существуетъ по милостивому и свободному соизволенію абсолютнаго монарха—подобно тому, какъ мы видимъ въ англійскомъ и другихъ сосѣднихъ королевствахъ. Поэтому щедрость и милость монарха, который уступаетъ такъ много изъ за блага своего народа, не должна быть истолкована въ ущербъ его абсолютной прерогативѣ, какъ основаніе для того, чтобы дать его правленію новый, измышленный и фиктивный титулъ»[1]. Въ этихъ демократическихъ и аристократическихъ элементахъ, терпимыхъ въ монархіи, хотя и не измѣняющихъ ея абсолютной природы, Гаусенъ несомнѣнно намекаетъ на собраніе чиновъ, на парламентъ; детальныхъ указаній на свое отношеніе къ этому учрежденію авторъ не даетъ, но въ журналахъ палаты общинъ есть, однако, нѣкоторый ключъ: въ 1604 г. «м-ръ Коль сообщаетъ о скандальныхъ и презрительныхъ словахъ насчетъ палаты, произнесенныхъ въ разговорѣ съ нимъ нѣкимъ докторомъ конвокаціи. Вопросъ: должно ли его назвать? Рѣшено утвердительно, и имя д-ра Гаусена было сообщено м-ромъ Колемъ»[2]. Повидимому, дѣлу не было дано хода.

---

[1]) p. 45: «there is no Monarchie in the world praecipue Monarchicum: if it be Monarchicum, it is absolute Monarchicum; and whatsoever is found in it either Aristocraticall or Democraticall, it is by the favorable and free concession of the absolute Monarch; as we see in this Kingdome, and others adjacent: and the Monarchs bountie and grace, who yeelds so much for the ease, and good of his people, must not prejudice his absolure prerogative or give to his government a new, forged commentitious title».

[2]) Commons Journals, vol. I, p. 235: «Mr Cole informeth the House of some speeches of scandal and scorn to this House, uttered in conference with himselfe by a Doctor of the convocation-house. Question. Whether the Doctor shall be named? Resolved.—And Mr D. Howson named by Mr Cole».

Приложенія.

I.

Перу Джона Бейля, епископа Оссорійскаго, принадлежитъ «дѣйство» о «Королѣ Іоаннѣ» (John Bale, Kynge Johan, Camden Soc. 1828). Въ стихотворной формѣ развиваются здѣсь тезисы о пассивномъ подчиненіи властямъ. Діалогъ ведется между Королемъ, Возстаніемъ и Англіей:

Король: «Священное Писаніе въ препзобиліи полно провозглашеньемъ авторитета власти и его укрѣпленьемъ. Противъ ухищреній софистовъ ап. Петръ и Павелъ высказываются достаточно ясно, что весь народъ долженъ проявлять подданность законному королю, и это подтвердилъ своимъ примѣромъ Христосъ».

Входитъ Англія и приноситъ королю жалобу на притѣсненія со стороны духовенства. Вмѣшивается Возстаніе.

Возстаніе: «Замолчи ты, потаскушка, а не захочешь, клянусь мессой, заставлю папу обратить тебя въ чернаго ворона».

Король: «Кто ты пріятель, что кажешься такимъ смѣлымъ крикуномъ?».

Возстаніе: «Я—Возстаніе, которое будетъ стоять за папу такъ долго, какъ у меня дыра въ штанахъ».

Англія: «Прошу, прикажи, чтобы этотъ малый убрался, вѣдь безъ сомнѣнья онъ причинилъ мнѣ великій вредъ».

Король: «Уходи, низкій человѣкъ или ты поплатишься».

Возстаніе: «Не покину я этой вдовой колдуньи. Пусть она будетъ моей, а то будетъ ей худо. Quodcunque ligaveris (намекъ на Мато. XVI, 19 о власти «вязать и разрѣшать», принадлежащей папѣ) будетъ по истинѣ играть такую роль, что я останусь въ Англіи, не смотря на вашъ гнѣвъ. Тсс, папа даетъ мнѣ право подчинить и короля, и императора».

Король прогоняетъ Возстаніе, чтобы «на свободѣ» бесѣдовать съ Англіей.

Англія: «По истинѣ отъ дьявола тѣ, кто способствуетъ униженію христіанскаго монарха: вѣдь будь онъ хорошъ или плохъ, онъ назначенъ Богомъ. Добрый монархъ—за добрыя дѣянія; злой—за злыя».

Возстаніе снова появляется на сценѣ. Король не можетъ не подивиться, что Возстаніе «такъ противоестественно относится къ Англіи, будучи ея чадомъ. Оно хуже дикаго животнаго».

Возстаніе: «Я не ея чадо; клянусь мессой, я отрекаюсь отъ нея. Хотя съ нѣкоторыхъ поръ я и нахожусь въ Англіи, однако, моя родина не здѣсь и не въ Испаніи, и не во Франціи, но у папы въ священномъ градѣ Римѣ»[1].

Любопытно отмѣтить, что Бейль перепечаталъ «Допросъ Уильяма Тсорпа» — сторонника Уиклифа («Examination of William Thorpe», Select Works of John Bale, P. S.). Допрашиваемый высказываетъ, что «существуютъ два рода суверенов: добродѣтельные суверены и порочные тираны». (p. 87) Первымъ мы обязаны повиноваться, но не вторымъ, если они

---

[1]) Kynge Johan: «To declare the powers and their force to enlarge
The scripture of God doth flow in most abowdance,
And of sophysters the cautels to discharge
Bothe Peter and Powle makyth plenteosse utterauns,
How that all pepell shuld shew there trew alegyauns
To ther lawfull kyng, Christ Jesu dothe consent
Whych to the hygh powres was ever obedyent», (p. 1).

. . . . . .

Sedycyon: «Hold yowr peace, ye whore, or ellys by masse, I trowe,
I shall cause the pope to curse the as blacke as a crowe.
K. J.: «What art thow, felow, that seme so braggyng bolde?»
S.: «I am Sedycyon, that with the pope wyll hold
So long as I have a hole within my breche».
Ynglond: «command this felow to avoyd, I you beseche,
For dowghles he hath done me great injury».
K. J.: «Avoyd, lewd felow, or thou shalt rewe yt truly».
S.: «I wyll not a waye for that same wedred wytche.
She shall rather kysse where as it doth not ytche
Quodcunque ligaveris, I trow, wyll playe soch a parte
That I shall abyde in Ynglond, magry your harte.
Tushe, the pope ableth me to subdewe bothe Kyng and Keyser».

. . . . . .

Y.: «Trwly of the devyll they are that do any thyng
To the subdewyng of any christian kyng;
For be he good or bade, he is of godes apoyntyng,
The good for good, the badde ys for yll doyng», (p. 4).

. . . . . .

K. J.: «...thou arte to Englond to unnaturall
Beyng her owne chyld: thou art worse, than a best brutall».
S.: «I am not her chyld, I defye her by the messe
Thowgh I sum tyme be in Englond for my pastaume
Yet was I neyther borne here, in Spayne, nor in Fraunce
But under the pope in the holy cyte of Rome», (p. 8).

требуютъ чего либо «неугоднаго Богу» (ibid). Издатель «Допроса», какъ мы видѣли, сторонникъ безусловнаго повиновенія: въ порочномъ повелителѣ онъ видитъ наказаніе за грѣхи[1].

II.

Былъ ли присущъ политическій радикализмъ тѣмъ, кто выступилъ въ 16-мъ вѣкѣ въ защиту «очищенія» церкви и общества отъ золъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, съ которыми не обнаруживали желанья бороться оффиціальные представители установленной церкви? Отвѣтомъ пусть послужитъ слѣдующій отрывокъ изъ популярнаго сочиненія Филиппа Стеббса «Анатомія злоупотребленій въ Англіи»: «Слѣдуетъ ли повиноваться государямъ абсолютно во всемъ?» «Да, во всемъ, что̀ согласно съ божественнымъ закономъ и голосомъ совѣсти; въ противномъ случаѣ мы должны съ апостолами сказать, что слѣдуетъ повиноваться скорѣе Богу, нежели людямъ». Однако, «не позволительно для подданныхъ поднимать оружіе противъ ихъ законнаго государя, каковъ бы ни былъ поводъ. Когда дѣло идетъ о чемъ либо противномъ слову и истинѣ божественной, мы должны поступать такъ: отдать самихъ себя, тѣло, имущество и жизнь (за исключеніемъ только совѣсти, повинуясь которой мы обязаны служить только Богу)—иными словами все, что получено нами отъ природы, мы должны предать въ руки короля, подчиниться и сложить нашу голову на плаху»[2]. Однимъ изъ золъ, констатируемыхъ Стеббсомъ у своихъ современниковъ оказывается недостатокъ повиновенія установленнымъ властямъ.—Настроеніе пуританизма мало, однако, гармонировало съ пассивнымъ отношеніемъ къ творимому

[1]) Было бы интересной задачей прослѣдить связь политическихъ доктринъ теологовъ XVI в. съ унилифизмомъ.

[2]) Philip Stubbes's Anatomy of the Abuses in England (1583). Ed by F. J. Furnivall, part 2, p. 17: «How farre are princes to be obeied, in all things indifferently without exception?» «In all things not contrarie to the lawe of God and true godlinesse, then must we say with the apostles: «Melius est deo obedire, quam hominibus». «It is not lawfull for the subjects to rise up in armes against their liege prince for any occasin what soever... in things contrarie to the word and truth of God we are thus to doe—we must depose and lay foorth ourselves both bodie, and goods life, and time(?), (our conscience only excepted, in the true obedience whereof we are to serve our God) even all that we have of nature, and committing the same into the hands of the prince, submit our selves, and lay downe our necks upon the blocke».

государствомъ произволу, и не даромъ въ XVII ст. противники Стюартовъ окажутся окрещенными именемъ пуританъ.

III.

Въ 1641 г. глава одного изъ университетскихъ колледжей въ Оксфордѣ, Джерардъ Лангбейнъ (Gerard Langbaine), выпустилъ новое изданіе трактата о «Вредѣ смуты», написаннаго въ 1549 г. сэромъ Джономъ Чикомъ (The Hurt of Sedition, by Sir John Cheke). Въ предисловіи свой шагъ Лангбейнъ объясняетъ тѣмъ, что «на общей міровой сценѣ, хотя актеры и смѣняются ежедневно, выходятъ, чтобы больше не возвращаться, здѣсь наблюдается все же возвращеніе тѣхъ же зрѣлищъ, только роли въ нихъ разыгрываются другими лицами»[1]. Тѣ усовѣщанія, съ которыми сэръ Джонъ обращался къ крестьянскимъ массамъ, руководимымъ Кет-омъ, оказываются т. о. не утратившими своего значенія и въ дни Великаго Возстанія. Міръ остался тѣмъ же, и мятежные элементы заслуживаютъ обузданія въ той же мѣрѣ какъ и раньше[1]. Лангбейнъ просмотрѣлъ, однако, существенную, перемѣну, какая произошла за сто лѣтъ на жизненной сценѣ. Повстанцы 1545 г. въ числѣ иныхъ пунктовъ въ свое оправданіе ссылались на необходимость «защиты религіи». Сэръ Джонъ Чикъ находитъ, что этотъ доводъ лишенъ основанія. «Почему бы вамъ не довольствоваться той религіей, какую устанавливаетъ слово Божіе, подкрѣпляетъ своимъ авторитетомъ первобытная церковь, вводятъ великіе ученые англійскаго королевства, съ общаго согласія парламента? Вы имѣете обыкновеніе считать вашъ парламентъ мудрѣйшимъ, а теперь внезапно хотите превзойти его въ мудрости?»[2]. Этотъ аргументъ утратилъ свою силу въ дни Вели-

[1]) Едва ли нужно объяснять причину враждебнаго отношенія къ народнымъ движеніямъ ройялизмомъ Лангбейна (D. N. B.): въ немъ просто говоритъ голосъ кабинетнаго ученаго, потревоженнаго въ его занятіяхъ, дрожащаго за драгоцѣнные документы, которымъ угрожаетъ гибель. Характерна его тирада по адресу вандализма, проявленнаго сторонниками реформаціи: «A great number of them which purchased those superstitious mansions, reserved of those Library books, some to serve their jakes, some to scoure their candlesticks, and some to rub their Boots... I know a merchant man... that bought the contents of two noble Libraries for forty shillings price».

[2]) «Yee rise for religion... But why should ye not like that which Gods word establisheth, the primitive Church hath authorized, the greatest learned men of

каго Возстанія, когда солкнувшимися силами не были, какъ въ 16-мъ вѣкѣ, отдѣльныя группы населенія на одной сторонѣ, а организованная власть на другой: вопросъ шелъ здѣсь о расколѣ внутри самого государственнаго механизма. Подобное различіе мѣняетъ постановку проблемы о повиновеніи власти: въ 16-мъ вѣкѣ проповѣдь непротивленія была защитой государства противъ анархіи, а въ 17-мъ она являлась логическимъ сопровожденіемъ доктрины абсолютизма.

---

this Realme hath confirmed... Ye were want to judge your Parliament wisest, and now will you sodeinlye excell them in wisedome»?

Джонъ Ноксъ.

«Никто не зналъ соотношенія силъ его времени лучше, нежели Джонъ Ноксъ, и, однако, въ его «Исторіи шотландской реформаціи» весьма рѣдки упоминанья шотландскаго парламента»[1] — въ этомъ, полагаетъ авторъ цитаты, нельзя не видѣть косвеннаго указанія на незначительность роли, которую играли шотландскіе чины въ 16-мъ вѣкѣ. Случайно или неслучайно игнорированье послѣднихъ у Нокса, безспорно, однако, что Шотландія реформаціонной эпохи не знала учрежденія, которое могло бы претендовать на то значеніе, какое имѣлъ парламентъ въ Англіи. Не учесть этого факта значитъ не понять тѣхъ особенностей, какими сопровождался религіозный переворотъ въ Шотландіи. Если въ Англіи реформа совершилась черезъ парламентъ, въ Шотландіи она была дѣломъ независимаго народнаго движенія, и парламенту оставалось лишь санкціонировать то, что совершилось безъ его участія. Отсюда различіе во взглядахъ между шотландскими и англиканскими вождями реформаціи. Послѣдніе, въ дни Маріи, скорбѣли по поводу измѣнчивыхъ рѣшеній парламента, но противъ того, что принято совѣтомъ всей земли, если и рѣшались протестовать, то лишь въ формѣ мученической смерти. Совсѣмъ иная позиція у шотландцевъ. Въ 1558 г. Ноксъ обращается съ письмомъ въ шотландскій парламентъ, въ которомъ проситъ объ устраненіи церковныхъ непорядковъ; къ письму приложена «протестація», гдѣ Ноксъ угрожаетъ,

[1]) R. S. Rait. The Scottish Parliament before the Union of the Crowns. 1901. p. 5: «No man knew the powers of his time better than did John Knox; and in Knox's History of Reformation in Scotland there are very few references to the Scottish Parliament».

что если какая либо смута или мятежъ возникнетъ среди населенія Шотландіи и если указанные непорядки будутъ устранены насильственнымъ путемъ, это преступленіе не должно быть поставлено въ вину тѣмъ, кто «покорно» ищетъ мирной реформы[1]. Свои религіозные идеалы Ноксъ намѣренъ т. о. осуществить, если потребуется, и помимо собранія чиновъ.— Отлично разбираясь въ шотландскихъ отношеніяхъ Ноксъ былъ, очевидно, далекъ отъ проникновенія въ суть англійскихъ учрежденій. Отсюда его опрометчивный шагъ, въ которомъ онъ впослѣдствіи горько каялся: памфлетъ противъ «Правленія женщинъ». «Тотъ, кто полагаетъ», писалъ Ноксъ, «что королевству и его чинамъ достаточно дать свое согласіе на возведеніе женщины на престолъ, чтобы сдѣлать подобный порядокъ законнымъ и пріемлемымъ передъ лицомъ Бога, пусть вспомнитъ, что я сказалъ ранѣе: Богъ не можетъ одобрить дѣйствія и согласія любого числа людей, если ихъ рѣшенія противны Его слову и повелѣнію»[2]. На пути у Нокса не стоитъ т. о. вѣками сложившагося преклоненія передъ парламентскимъ авторитетомъ,—чувство, мѣшавшее англійскимъ реформаторамъ усвоить болѣе энергичную точку зрѣнія.—Было бы, однако, ошибочно думать, что позиція, которую съ такой легкостью Ноксъ занялъ впослѣдствіи, была всегда ему присуща. Не забудемъ, что онъ состоялъ капелланомъ Эдуарда VI и слѣдовательно не могъ не испытать на себѣ воздѣйствія той политической идеологіи, какая была типична для англійскихъ теологовъ. Еще за два года до того какъ онъ обращался со своей «протестаціей» къ шотландскимъ чинамъ и писалъ въ Англію «къ братьямъ во скорби» о готовности

[1]) Works, ed by Laing, p. 314: that yf any tumult or uproare shall aryize amanges the members of this realme for the diversitie of religioun, and yf it shall chaunce that abuses be violentlie reformed, that the cryme thairof be not impute to us, who most humlie do now seak all thinges to be reformed by ane ordour».

[2]) The first blast of the trumpet against the monstrous regiment of women, 1558, Works, vol. 10, p. 415: «If any thinke that because the Realme and Estates therof have geven their consentes to a woman, and have established her and her authoritie, that ther fore it is laufull and acceptable before God, let the same men remembre what I have said before, to wit, that God can not approve the doing nor consent of any multitude, concluding any thing against his worde and ordinance».

«рискнуть собственной жизнью, чтобы показать, что можетъ быть сдѣлано со спокойной совѣстью въ эту печальную годину»[1]—еще за два года до подобныхъ выступленій Ноксъ убѣждалъ свою паству въ Berwick-ѣ, что подобающее повиновеніе должно быть оказано правителямъ, безъ смуты, воркотни или мятежа; ибо какъ бы они ни были порочны въ жизни, какъ бы безбожны ихъ предписанія и приказанія ни были, вы должны повиноваться имъ за совѣсть, исключая основныхъ пунктовъ религіи: въ этомъ случаѣ вы обязаны повиноваться скорѣе Богу, нежели людямъ; не пытаться защищать божественную истину и религію (вы—что подданные) путемъ насилія или меча, но терпѣливо выносить то, что Богу угодно возложить на васъ для испытанья вашей твердости въ вѣрѣ. Какъ необходимо подобное повиновеніе Богу и установленнымъ Имъ правителямъ, я полагаю вы и безъ меня знаете: вѣдь дѣло идетъ о столь очевидной доктринѣ; поэтому я здѣсь и остановлюсь»[2]. Свою перемѣну во взглядахъ Ноксъ относитъ на счетъ тѣхъ указаній, которыя онъ будто бы получилъ отъ швейцарскихъ реформаторовъ. Еще въ указанномъ выше письмѣ къ англійскимъ «братьямъ во скорби» (май 1554) онъ говоритъ о себѣ, что «путешествовалъ по всѣмъ швейцарскимъ конгрегаціямъ и разсуждалъ со всѣми пасторами и иными отмѣнно учеными людьми о вещахъ, которыхъ я не могу въ настоящее время занести на бумагу»[3]. Впослѣдствіи Ноксъ далъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія. На

---

[1]) Vol. III, p. 235: «Gif I thocht that I myght have your presence, and the presence of sum other assured men, I wald jeopard my own lyfe to let men see what may be done with a saif conscience in theis dolorous and daungerous dayis».

[2]) Epistle to the congregation of Berwick, 1552, in P. Lorimer's John Knox and the Church of England, 1875, p. 259: «dew obedience be given to magistrates reulars and princes, without tumult, grudge or seditioun; for, how wicked yat evir them selves be in life, or how ungodlie that evir thair precepts or commandements be, ye most obey thame for conscience saike; except in cheif poynts of relligioun; and than auht ye rather to obey God nor man: not to pretend to defend Godds treuthe or relligioun (ye being subgetts) by violence or sweirde, but patiently suffering what God shall please be laid upon you for constante confessioun of your fayth and beleife. How necessary is such obedience to God and to his appoynted reulars I suppose you not to be ignorant, after so manifest doctrine in that caise, and thairfore that poynt I end».

[3]) «I have travellit through all the congregations of Helvetia, and hes reasonit with all the Pastouris and many other excellentlie learnit men upon sic (such) matters as now I can not committ to wrytting», vol. III, p. 235.

конференціи 1564 г, (въ Шотландіи) между депутатами генеральной конгрегаціи и представителями отъ короны по поводу вопроса о правѣ сопротивленія его просили написать Кальвину и ученымъ другихъ церквей, чтобы узнать ихъ мнѣніе по этому поводу. Нокъ отказался и указалъ на слѣдующее: «относительно самого себя я не только убѣжденъ вполнѣ въ глубинѣ своей совѣсти, но и слышалъ сужденія относительно даннаго и иныхъ пунктовъ, которыя я отстаивалъ въ Шотландіи, отъ самыхъ набожныхъ и ученыхъ людей, какіе только найдутся въ Европѣ. Я возвратился на родину съ ихъ резолюціей въ рукахъ»[1]. Сохранившаяся переписка швейцарскихъ реформаторовъ доказываетъ, однако, что ихъ «резолюція» не была столь категорична, какъ истолковалъ ее Нокъ. Въ письмѣ къ Кальвину Буллингеръ воспроизводитъ тѣ отвѣты, которые онъ далъ «шотландцу» на его вопросы. По поводу права сопротивленія Нокъ было сказано, что «мы не должны повиноваться королю или правителю, когда ихъ приказанія противны Богу и правой вѣрѣ. Но въ виду того, что иные объекты имѣются часто въ виду подъ предлогомъ защиты справедливаго дѣла, а также въ виду того, что дурные люди мѣшаются съ хорошими и, наконецъ, что времена полны опасности очень трудно высказаться по поводу каждаго опредѣленнаго случая»[2].

Становясь на путь открытой борьбы съ безбожной властью, Нокъ не порывалъ, однако, связи съ традиціонной доктриной реформаціи о божественномъ происхожденіи свѣтскихъ пра-

[1]) vol. II, p. 460: «Johne Knox in the end wes commandit... to wryte to Mr. Calvin, and to the learnit in uther Kirkis, to knaw thair jugementis in that questioune; quhilk he refussit shawing his ressoun, «I myself am nocht onlie fullie resolved in conscience but also I haif heard the jugementis in this, and all uther thingis that I haif affirmit within this Realme, of the most godlie and moist learnit that he knaw in Europe. I come nocht to this Realme without thair resolution».—Ср. Th. G. Law, Collected Essays and Reviews, 1904, p. 287.

[2]) Original Letters relative to the English Reformation, P. S., The second portion, 1847, p. 746: «we must not obey the king or magistrate when their commands are opposed to God and his lawful worship... But as other objects are often aimed at under the pretext of a just and necessary assertion or maintenance of right, and the worst characters mix themselves with the good, and the times too are full of danger; it is very difficult to pronounce upon every particular case». Буллингеръ находитъ, однако, (p. 747), что «death itself is far preferable to the admission of idolatry».

вителей. «Всякій авторитетъ, установленный Богомъ, есть благой и совершенный; онъ долженъ быть признаваемъ всѣми людьми подъ страхомъ наказанія. Но развѣ вы не понимаете, что существуетъ большая разница между самымъ авторитетомъ, который установленъ Богомъ, и лицами, которыя облечены этимъ авторитетомъ?» Развѣ это не значитъ, однако, давать подданнымъ право контролировать своихъ правителей — спрашивалъ Нокса секретарь Маріи Стюартъ, Лесингтонъ. «Что же за вредъ для государства», отвѣтилъ Ноксъ, «если порочныя страсти невѣжественныхъ правителей будутъ сдержаны и обузданы мудростью и разсудительностью набожныхъ подданныхъ?»[1]. Дѣло, однако, не идетъ объ окончательномъ низложеніи провинившихся властей. Когда въ 1559 г. возникаетъ мысль о низложеніи королевы-правительницы John Willock произноситъ проповѣдь, въ которой доказываетъ, что «въ низложеніи монарховъ и тѣхъ, кто облеченъ авторитетомъ, Богъ не всегда пользуется непосредственными средствами», т. е. допускаетъ человѣческое вмѣшательство. Ноксъ соглашается съ его тезисомъ, но добавляетъ, что въ случаѣ, если правительница «явно и открыто покается, перестанетъ быть противъ страны и подчинится знати (т. е. возставшимъ лордамъ) ей должны быть предоставлены прежнія почести»[2].—Борясь съ безбожіемъ властей, Ноксъ всего менѣе помышлялъ о какихъ либо перемѣнахъ въ исторически сложившихся государственныхъ формахъ. Въ его «Исповѣданіи вѣры», принятомъ шотландскими чинами въ 1560 г., въ главѣ о «цивильныхъ магистратахъ» (cap. XXIV) говорится, что «всякій, кто намѣренъ уменьшить или привести въ безпорядокъ государственный строй, установленный столь давно, является не только врагомъ человѣческаго рода, но и злымъ нарушителемъ ясно выраженной

[1]) vol. II, p. 440: «than will ye», said Lethingtoun, «mak subjectis to controlle thair prynces and reuleris». «And what harm», said the uther, «should the Commonwelth ressaif, gif that the corrupt effectiounis off ignorant reuleris wer moderatit and so brydillit be the wisdome and discretioun of godlie subjectis, that thai shoulde do wrong nor violence to no man»?

[2]) vol. II, p. 447: «That in deposing of Princes, and those that had been in authoritie, God did not alwyise use his immediate poware»; p. 443: «upoun her knawin and oppen reapentance, and upoun her convertioun to the Commonwealth, and submission to the Nobilitie, place should be granted unto her of regresse to the same honoris».

божественной волй»[1]. Но и въ области соціальныхъ отношеній Ноксъ готовъ былъ все оставить на мѣстѣ. Подчеркивая тѣ обязательства, какія лежатъ на знати по отношенію къ странѣ, Ноксъ санкціонировалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, доминирующее положеніе шотландскихъ «лэрдовъ». Въ обращеніи къ послѣднимъ отъ 27 октября 1558 г. онъ говоритъ, что «названіе повелителей народа, а также почетъ, воздаянія и вѣрность даны лордамъ не въ силу ихъ происхожденія (какъ въ большинствѣ случаевъ люди ошибочно полагаютъ), а въ силу ихъ призванія, заключающагося въ томъ, чтобы защищать своихъ подданныхъ и братьевъ отъ жестокости и насилія»[2]. Ноксъ, кто зналъ «соотношеніе силъ своей страны», не ошибался, называя народъ «подданными лордовъ»: подобный языкъ былъ бы абсолютно немыслимъ въ устахъ англичанина XVI вѣка.—Принципа политическаго равенства и слѣдовъ не найти у Нокса. «Хотя Богъ въ области государственныхъ отношеній и установилъ различіе между королемъ и подданными, между правителями и общиной, Онъ всѣхъ ихъ уравнялъ въ надеждѣ на будущую жизнь»: единственное утѣшеніе, какое Ноксъ могъ найти для шотландскаго «простонародья»[3]. Нельзя не отмѣтить при этомъ характерной особенности, свойственной не одному только Ноксу: соотношенія между правительствомъ и народомъ конструируются имъ какъ соотношенія между принципіально различными элементами—власть и народъ какъ бы двѣ естественныхъ противоположности. И этой пропасти, въ глазахъ Нокса, не можетъ измѣнить даже институтъ избранія: какимъ бы способомъ власти ни были установлены,

[1]) vol. II, pp 118—119: «We confesse and acknawledge impyres, kyngdomes, dominiounis and cities to be distintd and ordained by God... So that whosoever goes about to tack away or to confound the haill (whole) state of civill policies, now lang established, we affirme the same men not onlie to be ennemyes to mankynd, but also wickedlie to flyht against Godis expressed will.

[2]) «ar ye called Princes of the people, and ye receave of your brethrein honour, tribute, and homage at Goddis commaundiment; not be reasson of your birth and progenye (as the most parte of men falslie do suppose) but by ressoun of your office and dewtie, which is to vindicat and deliver your subjectes and brethrein from all violence and oppressioun to uttermost of your power».

[3]) A letter to the Commonalty of Scotland, 1558; vol. IV, p. 527: «albeit God hath put and ordained distinction and difference betwixt the king and subjects, betwixt the Rulers and the commune, in the regiment and administration of civile policies, yet in the hope of the life to come he hath made all equall».

основное несходство все тутъ же, вѣдь оно коренится въ божественной волѣ[1]. «Поэтому всякій, кто сталъ бы стремиться исказить строй, установленный Богомъ и одобренный Его святымъ словомъ и пытался произвести такую смуту, что исчезнетъ разница между высшими властями и подданными, такой человѣкъ вывертываетъ лишь и опрокидываетъ тронъ Самого Бога»[2]. Народъ и власть не сливаются т. о. у Нокса въ какомъ либо единствѣ.—Была ли опредѣленная политическая программа у шотландскаго реформатора? Указанія въ его литературномъ наслѣдіи крайне скудны и то, что есть, говоритъ лишь, что Ноксъ въ первую голову былъ теологъ, а не политикъ. Такъ въ основномъ пунктѣ о характерѣ королевской власти онъ довольствуется лишь указаньемъ, что власть главы государства не абсолютна, но должна находиться въ подчиненіи слову Божьему[3]. Участіе чиновъ въ государственныхъ дѣлахъ, хотя и признается, но слишкомъ въ общихъ выраженіяхъ, чтобы позиція Нокса въ этомъ пунктѣ представлялась вполнѣ ясной: «обуздывать ярость и бѣшенство правителей въ свободныхъ государствахъ принадлежитъ знати, —(на это послѣднюю уполномачиваетъ ея роль: быть королевскимъ совѣтомъ въ силу присяги и происхожденія),—а также баронамъ и народу, чей вотумъ и согласіе требуется во всѣхъ большихъ и важныхъ государственныхъ дѣлахъ»[4]. У насъ есть лишь косвенныя указанія, что идея «правового» государства не была чуждой Ноксу. Уже упоминалась выше конференція между членами конгрегаціи и представителями

[1]) vol. VI, p. 236: «neither birth, influence of starres, election of people, force of armes, nor finally, what soever can be comprehendeed under the power of nature, that maketh the distinction betwixt the superior power and inferior, or that doth establish the royall throne of kings, but it is the onely and perfect ordinance of God».

[2]) ibid: «so that who soever would study to deface the order of regiment that God hath established, and by his holy worde allowed, and bring in such a confusion as no difference shuld be betwyxt the upper powers and the subjects, doth nothing, but evert and turne upside down the very throne of God».

[3]) vol. VI, p. 238: «Kings... have not an absolute power in their regiment what pleaseth tham, but their power is limitted by God's word».

[4]) vol, I, p. 411: «To brydill the fury and raige of Princeis in free kingdomes and realmes, thay («our Prechearis»), affirme it appertenis to the Nobilitie, sworne and borne Counsallouris of the same, and allsua to the Barronis and Pepill quhais voteis and consent ar to be requyreit in all greit and wechty materis of the communwelth».

короны. На ней дебатировался вопросъ о низложеніи тирановъ, и это дало поводъ возникнуть любопытному спору о различіи между «королевствомъ» и «республикой». Главатаемъ партіи Нокса выступилъ Джонъ Крэгъ (John Craig) Онъ сослался на доступъ, который былъ устроенъ въ 1554 г. Болонскимъ университетомъ въ помѣщеніи ордена Доминиканцевъ и на которомъ въ качествѣ спорнаго тезиса было выставлено слѣдующее утвержденіе: «Principes omnes, tam supremi, quam inferiores, possunt et debent reformari, vel deponi per eos per quos eliguntur, confirmantur, vel admittuntur ad officium, quoties a fide praestita subditis per juramentum deficiunt: Quoniam relatio juramenti subditorum et principum mutua est, et utrinque aequo jure servanda et reformanda, juxta legem et conditionem juramenti ab utraque parte facti». Диспутъ вызванъ былъ образомъ дѣйствій папскихъ намѣстниковъ, которые вводили новшества противно установленнымъ законамъ. Они при этомъ ссылались на то, что законы не имѣютъ силы для нихъ какъ ставленниковъ папы, а не народа[1]. Тезисъ, выставленный университетомъ былъ признанъ согласнымъ съ правомъ «божескимъ и человѣческимъ», и конфликтъ между представителями римской куріи и народомъ разрѣшился въ пользу силы законовъ. «Тогда поднялся одинъ изъ чесальщиковъ пятокъ порочнаго двора и сказалъ: «Вы не знаете, что говорите; вѣдь вы разсказываете намъ о томъ, что произошло въ Болоньѣ; у насъ, однако, королевство, а тамъ— республика». «По моему разумѣнію», отвѣтилъ Крэгъ, «каждое королевство есть или, по крайней мѣрѣ, должно быть республикой, хотя бы каждая республика и не была королевствомъ, а поэтому я полагаю, что въ королевствѣ не меньшая забота должна прилагаться, нежели въ республикѣ, чтобы законы не нарушались: вѣдь тиранія королей, которые безпрерывно правятъ, способна причинить больше вреда подданнымъ, нежели дурное правленіе тѣхъ, кто изъ года въ годъ

[1]) vol. II, p. 456: «The occasioun of this Disputatioun and Conclusioun, wes ane certene disorder and tyrannie that wes attempit, be the Paipes governouris, who began to mak innovatiounis in the cuntrie aganis the lawis that wer beforir establischit alledging thame selfis nocht to be subject to sik lawis, be ressoune that they wer nocht institute be the peopill but by the Paip, who wes King of that cuntrie».

смѣняется какъ въ свободной республикѣ»[1]. Крэгъ не намѣренъ т. о. проводить принципіальной разницы между государствомъ съ наслѣдственнымъ и выборнымъ главой: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ это «commonwealth», т. е. нѣчто затрачивающее интересы всѣхъ, а поэтому, будь то наслѣдственная монархія или «свободная» республика, необходимость правопорядка, ограничивающаго власть, не можетъ вызывать сомнѣній. —Сохранилъ ли Крэгъ свою позицію «монархоборца» до конца своихъ дней? Существуютъ указанія, что нѣтъ. Ему приписывается проповѣдь, произнесенная имъ въ 1585 г., въ которой онъ настаиваетъ на необходимости безусловнаго подчиненія властямъ. «Онъ утверждалъ, что причина, почему онъ пришелъ, подобно другимъ, къ такому выводу, заключается въ томъ, что, допустивши свободу убивать или не повиноваться тиранамъ, значило бы, что и добрые короли лишились бы повиновенья и не были бы увѣрены въ цѣлости своей жизни: вѣдь властные люди, а ихъ много найдется, способны назвать благого короля тираномъ»[2]. Дѣло реформаторовъ, хотя и не въ желанныхъ размѣрахъ, реализовалось: «главное» достигнуто, и они готовы стать на защиту устойчивости государственнаго порядка.

[1]) vol. II, p. 158: «Then start ane claw-back (to claw one's back = чесать спину, поддерживать чьи либо интересы) of that corrupt court, and said, «Ye wat nocht what ye say; for ye tell us what wes done in Bononia; we ar ane kingdom and thai ar but ane commonwelth. «My Lord», said he, «my jugement is, that everie kingdom is or at leist should be ane Commonwelth, albeit that everie Commonwelth be nocht ane kingdom; and thaifoir I think, that in ane kingdom no less dylligence aucht to be taikin, that lawis be nocht violatit, than is ane Commonwelth; because that the tyrranie of Princeis who continwallie ring in ane kindom, is moir hurtfull to the subjectis, than is the misgovernment of those that from yeir to yeir ar chaingit in fre Commonwelthis».

[2]) David Hume, The History of the House and Race of Douglas and Angus, 1748, vol. II, p. 389: «He alledged, as others also do in this cause that the thing which moved him to broach this conlusion, was, because that if a Liberty to kill or disobey Tyrants be granted unto Men, then good Kings shall not be obeyed, nor sure of their own Lives, because ambitious Men, of which there are many, will call a good King a Tyrant». То же самое у D. Calderwood, The History of the Kirk of Scotland, vol. 4, p. 470.—W. S. Mc-Kechnie, въ его содержательной, хотя временами и съ совершенно непозволительнымъ модернизмомъ написанной статьей о Buchanan-ѣ (Glasgow quatercentenary studies, 1906) утверждаетъ, что Нокъ, которому были ясны практическія послѣдствія доктрины низложенія королей, какъ они были ясны и Buchanan-у, право низложенія хотѣлъ предоставить лишь собранію конгрегаціи. Согласиться съ этимъ едва ли можно: доктрина «монархоборства» у Нокса не носитъ столь опредѣленно очерченнаго характера; какъ мы видѣли онъ говоритъ о «знати», о «народѣ» какъ объ элементахъ, обуздывающихъ «ярость тирановъ».

Яковъ I-ый.

Шотландія еще въ XVI в. не сумѣвшая покончить съ тѣмъ наслѣдіемъ, которое ей оставило средневѣковье въ видѣ гегемоніи владѣтельныхъ домовъ, восприняла реформаціонную доктрину въ болѣе радикальной формѣ, нежели ея сосѣдка Англія. А здѣсь была ужъ на лицо сильная монархическая власть, и бѣдствія феодальныхъ междоусобій остались далеко позади. Всего менѣе способная укрѣпить и безъ того слабый авторитетъ королевской власти, церковная реформа въ Шотландіи не имѣла въ то же время умиротворяющаго вліянія на своевольную аристократію; скорѣе наоборотъ—доктринальныя разногласія дали только лишній поводъ для столкновеній между враждующими фракціями. Къ тому же шотландское пресвитеріанство, хотя оно могло послужить и послужило толчкомъ въ сторону демократизаціи общества, на первыхъ своихъ шагахъ искало опоры у сильныхъ феодаловъ, и мы видѣли, какъ далекъ былъ Ноксъ отъ уравнительныхъ идей. Въ результатѣ на долю того, кто въ этотъ причудливый историческій моментъ оказался обладателемъ королевскаго престола, выпала сложная задача—бороться на два фланга: феодализмъ и «пуританство» оказались оба его врагами. Но изъ нихъ опаснѣе пуританство: оно угрожаетъ самому существованію монархіи; если пуританъ и можно держать въ государствѣ, то лишь съ цѣлью испытывать терпѣніе короля —роль, которую у Сократа выполняла его злая жена[1]. Что же касается феодаловъ, то сломивши ихъ непокорность, ну-

[1]) «except yee would keepe them for trying your patience, as Socrates did an evill wife». Basilikon Doron (цит. B. D.). p. 50.

темъ разумныхъ мѣръ, можно обратить ихъ въ защитниковъ королевскаго престола. Но чтобы справиться съ враждебными элементами, на лицо долженъ быть монархъ, чье право на корону стоитъ внѣ какихъ либо поползновеній и чья власть не знаетъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія признаетъ онъ самъ. Яковъ VI Стюартъ былъ выразителемъ этихъ двухъ началъ, и на теоретическое ихъ обоснованіе онъ отдалъ свое бойкое, несомнѣнно талантливое перо[1]. Въ 1599 г. появился «Царскій даръ», а въ 1603 «Истинный законъ свободной монархіи», главные трактаты короля Якова. Они относятся т. о. къ періоду, когда онъ занималъ шотландскій престолъ, довольствуясь пока перепиской съ министрами Елизаветы по поводу полученія англійской короны. А этотъ періодъ, благодаря долголѣтію Елизаветы затянулся настолько, что ужъ какъ зрѣлый, 37-ми лѣтній мужъ, онъ покинулъ свои сѣверныя владѣнія.

Прежде чѣмъ перейти къ анализу воззрѣній короля-политика, познакомимся съ казусомъ, который произошелъ вскорѣ послѣ того какъ Яковъ вступилъ на англійскій престолъ. Дѣло идетъ о принятіи въ 1606 г. духовной конвокаціей ряда каноновъ, гдѣ опредѣлялась позиція установленной церкви къ вопросу о происхожденіи и природѣ государственной власти. Поводомъ къ этому послужилъ запросъ со стороны короля, въ какой степени является законной помощь съ его стороны протестантской Голландіи въ ея борьбѣ съ Испаніей. Члены конвокаціи поняли свою задачу широко, и въ результатѣ мы имѣемъ объемистый политическій трактатъ, извѣстный подъ названіемъ «Overall's Convocation Book» (ed. 1844). Основные тезисы, принятые конвокаціей, сводятся къ слѣдующему: королевская власть ведетъ свое начало отъ

[1]) Было бы крайне любопытной задачей прослѣдить литературныя вліянія въ произведеніяхъ Якова. Цѣнныя указанія можно было бы извлечь изъ списка тѣхъ книгъ, какія входили въ составъ королевской библіотеки. Ср. The Library of James VI, ed. by G. F. Warner, Miscellany of the Scottish History Society, vol. 1, 1893. Характерно присутствіе нѣлаго ряда политико-нравоучительныхъ трактатовъ вродѣ «Budé, Institution of Prince, Sir Thomas Elyot's The Governour. Макіавелли изгнанъ. Боденъ имѣется. Любопытно, что Buchanan не включилъ въ составъ библіотеки своего ученика «Jus Regni apud Scotos». Трактатъ этотъ значится, однако, въ числѣ книгъ «brocht furth of Sterling to Halyrud House», т. е. перевезенныхъ изъ мѣста, гдѣ Яковъ провелъ свои школьные годы, въ королев-

«potestas patria», которую Богъ вручилъ Адаму и патріархамъ[1], а поэтому тотъ, «кто станетъ утверждать, что человѣческій родъ вначалѣ, безо всякаго добраго воспитанія и цивилизаціи, скитался по лѣсамъ и полямъ, подобно дикимъ тварямъ, ища убѣжища въ пещерахъ и логовищахъ, не признавая авторитета другъ надъ другомъ, вплоть до того момента, когда наученные опытомъ въ необходимости правительства, люди избрали изъ своей среды тѣхъ, кто правилъ бы надъ остальными—тотъ кто станетъ утверждать, что вслѣдствіе этого государственная власть, авторитетъ и юрисдикція проистекаютъ изначально отъ народа и безпорядочной толпы, или же, что власть и продолжаетъ покоиться въ народѣ, или же, что она, какъ въ естественномъ основаніи, нуждается въ народномъ согласіи, а не установлена Божьимъ соизволеніемъ и не отъ Него зависитъ—утверждающій все это глубоко заблуждается»[2]. Однако, то «мягкое и умѣренное монархическое правленіе» («that mild and temperate monarchical government»), которое Богъ изначала установилъ среди своего избраннаго народа, не всюду нашло себѣ признаніе, и въ результатѣ иныя политическія формы были усвоены націями въ соотвѣтствіи съ ихъ «расположеніемъ» (temper). Неудобства этихъ формъ, во многихъ случаяхъ, ужъ вскорѣ были почувствованы, а поэтому и пришлось въ рядѣ государствъ перестраивать политическій строй заново. При этомъ переустройствѣ люди стремились приблизиться какъ можно болѣе къ монархическому образу правленія. Достигалось это различными путями: на избран-

скій дворецъ въ Эдинбургѣ. Но вмѣстѣ съ произведеніемъ Buchanan-a отправлена была и книга Sir John Cheke's Hurt of Sedition (ср. Приложеніе 3-ье).

[1]) Еллинекъ въ своемъ этюдѣ «Адамъ въ ученьѣ о государствѣ» обошелъ молчаніемъ объ этой «канонизаціи» патріархальной теоріи и, говоря объ Англіи, начинаетъ прямо съ Филмера.

[2]) p. 2: «If any man shall... affirm that men at the first, without all good education, or civitity, ran up and down in woods, and fields, as wild creatures resting themselves in caves, and dens, and acknowledging no superiority one over another, until they were taught by experience the necessity of government; and thereupon they chose some amongst themselves to order and rule the rest, giving them power and authority so to do; and that consequently all civil power, jurisdiction, and authority was first derived from the people, and disordered multitude; or either is originally still in them; or else is deduced by their consents naturally from them; and is not God's ordinance descending from Him, and depending upon Him, he doth greatly err».

ныхъ націей правителей возлагались извѣстныя условія или же имъ давалось право «вершенія главныхъ дѣлъ», но «руководительство» сохранялось за націей. Подобный порядокъ, хотя и является дегенерированнымъ въ сравненіи съ истинной монархіей, хотя его установленіе и можетъ сопровождаться актами насилія по отношенію къ «законному» носителю власти, тѣмъ не менѣе онъ все же покоится на божественномъ соизволеніи. Разъ измѣненіе произошло, новыя власти должны признаваться людьми, какъ духовными такъ и свѣтскими, не за страхъ, а за совѣсть[1]. Теорія божественнаго происхожденія власти, хотя и истолкованная уже въ монархическомъ смыслѣ, оказалась тѣмъ не менѣе достаточно эластичной, чтобы оправдать и иныя правительственныя формы, какой бы степени «дегенераціи» онѣ ни подверглись. Членамъ конвокаціи оставалось только ждать королевской санкціи, чтобы возвести эти политическія построенія на степень религіозныхъ догматовъ, но вмѣсто этого «prolocutor» собранія (Abbot) получилъ отъ Якова рѣзкую отповѣдь. «Все то, что вы и ваша братія изрекли относительно короля «de facto» меня вовсе не касается. Я ближайшій наслѣдникъ, и корона принадлежитъ мнѣ въ силу всѣхъ правъ, кромѣ права завоеванья. Какое бы отвращеніе вы ни питали къ ученію о томъ, что Богъ—виновникъ грѣха (намекъ на кальвинистское ученіе о предустановленности добрыхъ и злыхъ дѣяній), вы сами о него споткнулись, утверждая что даже тиранія отъ Бога и какъ таковая должна быть почитаема. Если испанскій король вздумалъ бы снова настаивать на его понтифиціальномъ правѣ на мое королевство (намекъ на передачу папой его «лена», т. е. Англіи,

[1]) «The inconveniences of which forms of government being found (upon many occasions oftsoons) to be very great, the people have been driven, of necessity, in sundry countries, to frame them again, as near as they could, to the monarchical government, either by electing to themselves kings, upon certain conditions, to reign over them; or by appointment of dukes or princes to be the managers of their chief affairs, according as they themselves should direct them... And when... they have established any of the said degenerate forms of Government amongst their people; the authority either so unjustly gotten or wrong, by force, from the true and lawful possession, being always God's authority... is even when any such alterations are thoroughly settled to be reverenced and obeyed, and the people of all sorts, as well of the clergy, as of the laity, are to be subject unto it, not only for fear, but likewise for conscience sake», p. 48.

испанскому королю), не къ вамъ пришлось бы мнѣ обращаться за помощью: вѣдь вы готовы заявить, что его авторитетъ божественный, стоитъ ему (т. е испанскому королю) одолѣть»[1]. Безъ умысла, разумѣется, англійская конвокація затронула одинъ изъ наиболѣе существенныхъ для Якова пунктовъ: его вѣру въ основное различіе между «законнымъ добрымъ королемъ и узурпаторомъ тираномъ»[2]. Лишь въ первомъ онъ видитъ намѣстника Бога на землѣ, которому подданные обязаны безусловнымъ повиновеніемъ, поскольку его приказанія согласны съ волей Божьей[3]. Что же касается тирана, то, хотя его насильственное устраненіе и не вызываетъ у короля Якова одобренія, но зато отсутствуетъ и протестъ. «Жалкая и безчестная жизнь тирана вооружаетъ, въ концѣ концовъ, его собственныхъ подданныхъ и они дѣлаются его палачами, и хотя возстаніе никогда не можетъ быть признано ихъ правомъ, однако, міръ такъ устаетъ отъ тирана, что паденіе его игнорируется остальными (т. е. лойяльными) подданными и вызываетъ лишь улыбку у сосѣдей»[4]. Тиранія бываетъ двоякаго рода: въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь о пріобрѣтеніи

[1]) «All that your brethern have said of a king in possession... concerns not me at all. I am the next heir, and the crown is mine by all rights but that of conquest... Whatever aversion you may profess against God's being the author of sin, you have stumbled upon the threshold of that opinion, in saying upon the matter, that even tyranny is God's authority, and should be reverenced as such. If the king of Spain should return to claim his old pontificall right to my kingdom, you leave me to seek for others, to fight for it, for you tell us upon the matter beforehand, his authority is God's authority, if he prevail».

[2]) «the true difference betwixt a lawfull good King, and an usurping Tyrant», B. D., Reprint 1887 (Roxburghe Club) p. 29.- Урокъ, данный Яковомъ, не прошелъ безслѣдно: епископъ Эндрусъ проповѣдуетъ уже, что «есть короли, которые не царствуютъ: законные наслѣдники, низвергнутые; есть царствующіе, но не короли: всѣ узурпаторы на тронѣ, per fas nefasque; одна вещь быть королемъ, а другая—царствовать». Lancelot Andrews. A Sermon. 1613, ed. 1841, vol. IV, p. 287: «Some are Reges, «Kings», and yet reign not: as true heirs defeated: as do all usurpers of the throne, per fas nefasque. Always one thing is to be a King, another to reign».

[3]) The true lawe of a Free monarchies or the reciprock and mutuall dutie betwixt a free King, and his naturall subjects. 1603: «the dutie, and allegeance of the people to their lawfull King, their obedience, I say, ought to be to him, as to Gods Lieutenant in earth, obeying his commands in all things, except directly against God». (Сочиненіе это цитируется ниже F. M.).

[4]) B. D. p. 31: «a Tyrantes miserable and in-famous life, armeth in ende his owne subjectes to become his burreaux. And although that rebelion bee ever unlawfull on their parte, yet is the worlde so wearied of him, that his fall is little meaned by the reste of his subjectes, and but smyled at by his neighboures».

власти силой, а во второмъ—о порочномъ пользованіи властью[1]. Завоеватели не болѣе какъ «отмѣнные грабители»[2]. Подобное признаніе не мѣшаетъ, однако, Якову именно фактъ завоеванія положить въ основу «свободныхъ монархій». «Хотя и вѣрно (по утвержденію тѣхъ, кто гордо называетъ себя бичами тирановъ), что при первомъ установленіи королевской власти среди не-христіанскихъ народовъ сообщества людей избирали изъ своей среды наиболѣе добродѣтельныхъ и стóющихъ мужей на королевскій престолъ, эти примѣры насъ не касаются, ибо наше королевство и другія монархіи не подпадаютъ подъ указанную категорію, но имѣли совсѣмъ иное зачинаніе»[3]. Далѣе король сообщаетъ, какъ шотландское королевство было основано завоевателями, пришедшими изъ Ирландіи съ королемъ Фергусомъ (Fergus) во главѣ[4]. Въ то же время, обращаясь къ своему безвременно погибшему сыну—Генриху, онъ настаиваетъ на томъ, что онъ вступилъ на престолъ «не precario, не въ силу завоеванія, но по правому и должному порядку наслѣдованія»[5]. Теорія завоеванія ему нужна была, чтобы обосновать изначальное различіе между монархіей избирательной и монархіей, которая не зависитъ въ ея происхожденіи отъ народа,—«свободной монархіей». Характерно, что король Яковъ не обратился къ теоріи боже-

[1]) A Meditation upon Math. XXVII, 27—29 or a paterne for a kings inauguration, The Epistle: «you must remember that there bee two sorts of tyrants, the one by usurpation, the other by their forme of Government, or rather misgovernment».

[2]) ibid: «certainely Conquerours are but splendide robbers».

[3]) F. M: «Althouth it be true (according to the affirmation of those that pride themselves to be the scourges of Tyrants) that in the first beginning of Kings rising among gentiles, in the time of the first age, divers common-wealthes and societies of men chosed out one among themselves, who for his vertues and valour, beeing more eminent then the rest, was chosen out by them, and set up in that roome, to maintaine the weakest in their right, to throw downe oppressours, and to foster and continue the societie among men; which could not otherwise, but by vertue of that unitie be well done: yet these examples are nothing pertinent to us; because our kingdome and divers other Monarchies are not in that case, but had theyr beginning in a farre contrarie fashion».

[4]) Объ этомъ своемъ предкѣ король Яковъ не упускаетъ случая напомнить англійскому парламенту. Шотландія есть «a Kingdom, to which I am descent three hundred Years before Christ» (Parliamentary History, vol. V, p. 199)—моментъ, къ которому традиція относитъ прибытія короля Фергуса въ Шотландію.

[5]) B. D., p. 37: «yee come not to your Reigne precario, nor by conqueste, but by right and due discent».

ственнаго происхожденія власти и реализму избранія правителей народомъ онъ противопоставилъ не меньшій реализмъ: силу меча, какъ исходный пунктъ королевской власти. Но если его предокъ былъ не болѣе какъ «отмѣнный грабитель», изъ этого не слѣдуетъ, что его потомство не обладаетъ престоломъ на основаніи незыблемаго права наслѣдованія. «Когда Бастардъ Норманскій (т. е. Вильгельмъ 1-ый) вступилъ въ Англію и занялъ престолъ, не путемъ ли насилія и не съ помощью ли могучаго войска онъ это сдѣлалъ? И, однако, его преемники вполнѣ счастливо обладали короной вплоть до нашихъ дней»[1]. Время какъ бы освящаетъ фактъ насилія. Если король не можетъ по справедливости взять обратно тѣ привилегіи, которыя онъ или его предшественники даровали извѣстному сословію или разряду подданныхъ, то насколько въ меньшей степени подданные могутъ вырвать изъ рукъ правителя тотъ суверенитетъ, которымъ онъ и его предшественники такъ долго пользовались по отношенію къ націи?»[2].— Но сказать, что власть, которой пользуется король Яковъ и другіе монархи, есть власть «свободная», значило не только, что ея установленіе не зависитъ отъ народа, но и что ея объемъ опредѣляется тѣмъ лицомъ, кто сумѣлъ стать ея счастливымъ обладателемъ. Таковъ былъ смыслъ, который въ понятіе «свободы» вкладывалъ король Яковъ въ своихъ раннихъ —шотландскихъ—трактатахъ. Впослѣдствіи ему пришлось соединить съ понятіемъ «свободной монархіи» иное истолкованіе. Въ 1604 г. собраніе шотландскихъ чиновъ одобрило проэктъ союза Шотландіи съ Англіей, но обусловило его принятіе тѣмъ, чтобы «ни въ коемъ случаѣ указанный союзъ не отразился на фундаментальныхъ законахъ, древнихъ привилегіяхъ, должностяхъ и свободахъ шотландскаго королевства, подъ сѣнью которыхъ не только королевскій авторитетъ королевскаго дома былъ сохраненъ на долгіе вѣка, но и незыблемое

[1]) F. M.: «When the Bastard of Normandie came unto England, and made himself king, was it not by force, and with a mighty army?... And yet his successors have with great happinesse enjoyed the Crowne to this day».

[2]) F. M.: «if a prince cannot justly bring backe againe to himselfe the Priviledges once bestowed by him, or his Predecessors upon any state, or rancke of his subjectes: how much lesse may the subjectes reave (rob) out of the Princes hand that superiorite, which hee and his Predecessors have so long brooked (tole rated) overthem».

обладанье землей и движимостью, свободами и привилегіями было обезпечено народу. Если означенные законы будутъ измѣнены, произойдетъ смута, и государство перестанетъ быть свободной монархіей»[1]. Англійская палата общинъ усмотрѣла въ этомъ намекъ, что Шотландія хочетъ быть управляемой на абсолютистскихъ началахъ. Король вынужденъ былъ давать объясненія, и въ своей рѣчи къ обѣимъ палатамъ (Whitehall, 31. III. 1607) онъ говорилъ такъ: «Ихъ (т. е. чиновъ) желаніе удержать свободную монархію означаетъ лишь, что всѣ спеціальныя привилегіи должны быть удержаны, чтобы иначе, за недостаткомъ судей, закона и порядка, они не впали въ такую смуту, что страна обратится какъ бы въ обнаженную провинцію, безъ права и безъ свободы, подъ владычествомъ Англіи»[2]. Въ «Истинномъ законѣ свободной монархіи» свобода понимается, однако, не въ смыслѣ внутренней независимости, а именно въ смыслѣ королевскаго абсолютизма. Если король «свободный» обладатель королевства, то онъ въ сущности въ положеніи собственника вотчины[3], и всѣ государственныя учрежденія, весь порядокъ обязанъ своимъ возникновеніемъ его «хозяйскому» усмотрѣнію. «Шотландскіе короли были до установленія сословій и ранговъ, до созыва парламентовъ, до изданія законовъ. Ими была распредѣлена земля, полными собственниками которой они были первое время, ими были образованы различныя сословія, ими же были намѣчены и введены правительственныя формы. А отсюда по необходимости слѣдуетъ, что короли были авторами и создателями законовъ, а не законы—королей»[4]. «Поэтому, если

[1]) Acts of Parliament of Scotland, vol 4, p. 263: «Naway by the foirsaid unioun To prejudge or hurte the fundamentall lawes Ancient privilegeis offices and liberteis of this kingdome quhairby not onlie the Princelie Authoritie of his maist Royall discent haith bene thair mony aiges mantened Bot alsua his peoples securitie of thair landis and levingis richtis liberteis officeis and digniteis preservit qlkis gif they shuld be Innovated sic confusioun suld ensew As it cuild no moir be a frie monarchie».

[2]) Parliamentary History, vol. V, p. 199: «their Desire of continuing of free Monarchy was only meant, that all such particular Privileges... should not be so confounded, as, for want either of Magistrate, Law, or Order, they might fall into such a confusion, as to become like a naked Province, without Law or Liberty, under this Kingdom».

[3]) По англійски это еще рельефнѣй: free-monarchy, free-hold.

[4]) F. M: «The Kings therefore in Scotland were before any estates or rankes of men within the same, before any Parliaments were holden, or lawes made:

допустить, что зло станетъ играть свою роль, а зло остается зломъ, кого бы оно ни касалось, король можетъ имѣть болѣе законное основаніе по своему соизволенію, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, по праву верховнаго лорда отобрать землю отъ своихъ подданныхъ, и поступить съ ней какъ хочетъ, нежели, какъ утверждаютъ неразумные писатели, народъ—низвергнуть короля и возвести другого на его мѣсто»[1]. Король спѣшитъ, однако, оговориться, что «и то, и другое, какъ нѣчто беззаконное и противное божественному велѣнію, думать, а не только что осуществлять—ненавистно»[2]. Подобно тому какъ король есть верховный лордъ надъ собственностью, подобно этому «онъ господинъ надъ каждымъ, кто обитаетъ на ней, и имѣетъ надъ каждымъ право жизни и смерти. Вѣдь хотя справедливый король и не станетъ отнимать жизни у своихъ подданныхъ безъ яснаго указанія закона, однако, законы, въ силу которыхъ эта жизнь отнимается, сдѣланы имъ самимъ и его предшественниками»[3]. Эти абсолютистскія построенія король Яковъ старается смягчить различіемъ между принципомъ и его примѣненіемъ: «я не отрицаю стараго опредѣленія взаимоотношеній главы государства и права, по которому король есть говорящій законъ, а законъ—нѣмой король: вѣдь ясно, что король управляющій беззаконно, не въ состояніи отдать въ своихъ дѣйствіяхъ отчета Богу и не можетъ имѣть счастливаго царствованія. Хотя и соотвѣтствуетъ истинѣ то, что я такъ подробно доказывалъ: что король выше закона въ каче-

and by them was the land distributed (which at the first was whole theirs) states erected and descerned, and formes of government devised and established. And so it followes of necessitie, that the kings were the authors and makers of the lawes, and not the lawes of the Kings».

1) F. M: «So as if wrong might be addmitted in play (albe it I graunt wrong should be wrong in all persons) the king might have a better colour for his pleasure, without further reason, to take the land from his lieges, as overlord of the whole and do with it as pleaseth him, since all that they hold of him: then, as foolish writers say, the people might unmake the king, and put an other in his roome».

2) F. M: «But eyther of them, as unlawfull, and against the ordinance of God, ought to be alike odious to be thought, much lesse put in practise».

3) F. M: «as yee see it manifect, that the king is over-Lord of the whole land: so is he Maister over every person that inhabiteth the same having power over the life, and death of every one of them. For although a just Prince will not take the life of any of his subjectes without a cleare law: Yet the same lawes, whereby he taketh them, are made by himselfe, or his predecessors».

ствѣ его творца и того, кто сообщаетъ силу закону, однако, добрый король не только съ восторгомъ готовъ править своими подданными по закону, но и въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ будетъ поступать въ согласіи съ закономъ, всегда памятуя, что благо государства есть высшій законъ»[1]. Сила законовъ отъ короля—въ чемъ же роль націи въ законодательствѣ? «Въ парламентѣ, который ничто иное какъ главный судъ короля и его вассаловъ, законы испрашиваются королевскими подданными и издаются королемъ по ихъ предложенію и совѣту»[2]. Есть ли, однако, у короля право изданія законовъ независимо отъ участія сословій? Яковъ говоритъ о томъ, что король «издаетъ ежедневно статуты и ордонансы, которые находитъ подходящими, подкрѣпляя ихъ уголовной санкціей»[3]. Въ то же время парламентъ не можетъ издать «закона или статута безъ того, чтобы королевскій скипетръ не прикоснулся до него, сообщая ему законную силу»[4]. Законодательный процессъ оказывается т. о. какъ бы раздвоеннымъ: находятъ нужнымъ сословія издать законъ, они просятъ короля, и тотъ соглашается или не соглашается; независимо отъ нихъ король законодательствуетъ единолично, когда отъ него самого исходитъ инициатива изданія новаго закона. Но и въ отношеніи къ законамъ, прошедшимъ черезъ парламентъ, у короля есть право, по соображеніемъ ему извѣстнымъ, смягчать ихъ или временно пріостанавливать[5]. Право диспенсаціи и суспенсаціи

[1]) F. M: «Nor that I denie the old definition of a king. and of a law; which makes the king to be a speaking lawe, and the lawe a dumbe king: for certainely a king, that governes not by his law, can neither be countable to God for his administration, nor have a happy and established raigne. For albeit it be true that I have at length prooved, that the king is above the Law, as both the author, and giver of strength thereto: yet a good king will, not only delight to rule his subjectes by the Law; but even will conforme himselfe in his owne actions therunto alwayes keeping that ground, that the health of the commonwealth be his chiefe law».

[2]) F. M: «in the Parliament (which is nothing else but the head court of the king, and his vassals) the lawes are but craved by his subjects, and onely made by him at their rogation, and with their advise».

[3]) F. M: «the king make daily statutes and ordinances in joyning such paines thereto as he thinks meet».

[4]) F. M: «yet it lyes in the power of no Parliament, to make any kinde of lawe or statute, without his scepter be put to it, for giving it the force of a law». Въ Шотландіи законодательная санкція давалась путемъ символическаго прикосновенія скипетра.

[5]) F. M: «generall lawes, made publikely in Parliament, may, up n knowne

законовъ, одинъ изъ подводныхъ камней, о которые разобьется монархія Стюартовъ, констатируется здѣсь со всею категоричностью.

Построенія короля Якова не касаются лишь Шотландіи: «я все время разумѣю свободныя монархіи, на образецъ шотландской, а не избирательныя королевства, и еще въ меньшей степени типъ правителей какъ венеціанскіе дожи, аристократическое и ограниченное правленіе которыхъ не имѣетъ ничего общаго со свободными монархіями[1]». «Хотя перемѣны династій и совершались въ другихъ странахъ, хотя королевства и переходили путемъ завоеванія отъ одного дома къ другому, какъ это было въ Англіи (но не въ Шотландіи), однако, то же самое основаніе королевскаго права надъ землей и подданными остается во всѣхъ прочихъ свободныхъ монархіяхъ, какъ и въ шотландской»[2]. Т. о. тѣ начала, какія король Яковъ считаетъ осуществленными въ его родномъ королевствѣ, оказываются дѣйствующими въ другихъ монархіяхъ, въ томъ числѣ и въ англійской. Это категорическое утвержденіе ослабляетъ тѣ оговорки, какія Яковъ дѣлаетъ по поводу его незнанія англійскихъ условій.—Нельзя не отмѣтить любопытной черты: король выдвигаетъ институтъ монархіи, надѣляетъ его опредѣленными свойствами не только въ интересахъ своихъ собственныхъ, но и другихъ вѣнценосцевъ. Въ немъ ужъ чувствуется сознаніе общности интересовъ съ прочими «свободными» монархами: недаромъ онъ свой трактатъ «Апологія присяги подданства» (An Apologie for the oath of Allegiance, 1616) разсылаетъ европейскимъ монархамъ и сопровождаетъ слѣдующимъ характернымъ заявленіемъ: «въ какомъ бы то ни было обществѣ или корпораціи, муниципальной или

respectes to the king, by his authoritie be mittigated; and suspended upon causes onely knowne to him».

[1]) F. M: «I meane alwayes of such Monarchies as our king is, and not of elective kings; and much lesse of such sort of governours, as the Dukes of Venice are, whose Aristocraticke, and limited government is nothing like to free Monarchies».

[2]) F. M: «although divers changes have bene in other countries of the bloud Royall, and kingly house, the kingdome being reft by conquest from one to an other, as in our neighbour country of England (which was never in ours) yet the same ground of the kings right over all the lande, and subjectes thereof remaineth alike in all other free Monarchies, as well as in this».

ремесленной, каждый членъ долженъ поддерживать привилегіи общества, на принадлежность которому онъ принесъ присягу; всѣ члены цѣпко возьмутся другъ за друга, сдѣлавъ эти привилегіи общимъ дѣломъ, подвергнутся всяческимъ опасностямъ, но не допустятъ ихъ нарушенія. Если этотъ низшій классъ народа настолько бдительно и ревниво охраняетъ свои общія привилегіи и свободы, что стоитъ затронуть самаго ничтожнаго изъ нихъ, затронешь всѣхъ, то, что же должны сдѣлать въ подобномъ случаѣ мы, кого Богъ посадилъ на высшіе на землѣ троны?»[1] Долгъ королей совмѣстными силами охранять свои привилегіи отъ покушеній съ какой бы то ни было стороны—на этотъ разъ со стороны римской куріи.

Есть, однако, одинъ пунктъ, который долженъ быть такъ или иначе устраненъ, если теорія «наслѣдственнаго верховенства» (Яковъ называетъ короля «heritable over-lorde») намѣрена обезпечить себѣ устойчивость до конца. Допустимъ, что королевская власть есть нѣчто первичное по отношенію къ народу, но развѣ короли въ дальнѣйшемъ не отказались отъ подобнаго исключительнаго положенія, признавши въ коронаціонномъ актѣ подобіе двусторонняго контракта между ними и ихъ подданными? Если это такъ, то въ случаѣ, если нарушителемъ контракта окажется король, народъ освобождается отъ вытекающихъ изъ контракта обязательствъ, и клятва, принесенная имъ, спадаетъ. Вѣдь всѣ законодательства признаютъ, что нарушеніе контракта одной стороной освобождаетъ и другую отъ его соблюденія. Король Яковъ не соглашается истолковывать коронаціонный обрядъ какъ символъ заключенія контракта, въ особенности контракта съ оговоркой о его возможномъ прекращеніи. Онъ признаетъ, однако,

[1]) Works, p. 289: «if in whatsoever Societie, or Corporation of men, either in Corporations of cities, or in the Corporation of any mechanicke craft or handie-worke, every man is carefull to maintaine the priviledges of that Societie whereunto he is sworne; nay, they will rather cluster all in one, making it a common cause, exposing themselves to all sorts of perill, then suffer the least breach in their Liberties. If those of the baser sort of people, I say, be so curious and jealous for the preservation of their common priviledges and liberties, as if the meanest amongst them be touched in any such point they think it concerneth them all: Then what should wee doe in such a case, whom God hath placed in the highest thrones upon earth».

что монархъ, коронуясь и вступая на престолъ, добровольно обѣщаетъ народу честно и по совѣсти выполнять обязанности, возложенныя на него Богомъ. Предположимъ, однако, что впослѣдствіи онъ нарушаетъ данное имъ обѣщаніе: вопросъ въ томъ, кто долженъ быть судьей нарушенія. «Я полагаю», говоритъ Яковъ, «что никто, кто имѣетъ хоть малѣйшее касательство до цивилистики, не можетъ подвергать сомнѣнію, что по праву, будь то римское или мѣстное, контрактъ не можетъ быть прекращенъ, если онъ нарушенъ одной стороной, а долженъ имѣть мѣсто законный процессъ и разслѣдованіе передъ компетентнымъ судьей. Кто, однако, кромѣ Бога можетъ быть судьей между королемъ и его народомъ касательно указаннаго контракта?»[1]

Во всемъ этомъ обоснованіи абсолютизма характерна крайне слабая роль, которую играетъ теологія. Если Библія и привлекается, то скорѣе какъ источникъ для иллюстрацій, порой настолько обоюдоострыхъ, что король Яковъ долженъ напрягать всю свою діалектическую сноровку, чтобы истолковать ихъ въ свою пользу. Установленіе Богомъ монархіи среди іудеевъ есть лишь «образецъ» для прочихъ «христіанскихъ и упорядоченныхъ монархій»[2], но авторъ не утверждаетъ, что эти монархіи также основаны Богомъ.—Проф.

---

[1]) F. M: «it followeth, that if the one part of the contract or the Indent bee broken upon the kings side, the people are no longer bound to keep their part of it, but are therby freed of their oath. For (say they) a contract betwixt two parties of all lawe frees the one partie, if the other breake unto him. As to this contract alledged made at the coronation of a king, although I denie any such contract to be made then especially containing such a clause irritant, as they alledge: yet I confesse, that a king at his coronation, or at the entry to his kingdome, willingly promiseth to his people, to discharge honourably and truly the office given him by God over them. But presuming that therafter he breake his promise unto them never so inexusable, the question is, who should be judge of the breake, giving unto them this contract were made to them never so sicker (sure), according to their alleageance. I thinke no man that hath but the smallest entrance in the civill lawe, will doubt that of all lawe either civill, or municipall of any nation, a contract cannot be thought broken by the one partie, and so the other likewise to be freed therefro: except that first a lawfull tryall and cognition be had by the ordinary judge of the breakers therof... Now in this contract (I say) betwixt the king and his people, God is doubtles the only Judge».

[2]) Works, p. 199: «the erection of this (Scottish) Kingdome and Monarchie among the Jewes, and the law thereof may, and ought to bee a paterne to all Christian and well founded Monarchies, as beeing founded by God himselfe».

Поллардъ въ его этюдѣ объ «Англійской исторіи» приписываетъ Якову теорію божественнаго наслѣдственнаго права, какъ противоположности тому божественному праву, на которое претендовали Тюдоры и которое лежитъ въ рукахъ бога войны[1]. Но именно этого оттѣнка «божественности» нельзя констатировать въ воззрѣніяхъ короля Якова: онъ какъ бы инстинктивно избѣгаетъ строить фундаментъ своихъ теорій изъ такого податливаго матеріала какъ теологическая доктрина, и тѣмъ или инымъ правамъ націи противопоставляетъ теорію «свободной», путемъ завоеванія возникшей королевской власти; въ то же время онъ далекъ отъ того, чтобы смотрѣть на себя какъ на короля «de facto»—вѣдь потомки «отмѣнныхъ грабителей» уже «законные» обладатели престола, и божественная санкція нисходитъ на всѣхъ «наслѣдственныхъ королей», каковъ бы ни былъ исходный пунктъ династійныхъ претензій[2].—Если писанія Якова направлены въ сто-

[1]) «theory of divine hereditary right. It must be distinguished from the divine right which the Tudors claimed; that was a right which was not necessarily hereditary, but might be varied by the God of battles, as at Bosworth», p. 118. A F. Pollard, The History of England, 1912.

[2]) Въ своихъ «Размышленіяхъ на XXVII, 27—29, Мато.», т. е. уже въ одномъ изъ позднихъ произведеній, Яковъ говоритъ о томъ, что «всѣ вступающіе на престолъ въ порядкѣ преемства короли получаютъ свою корону только отъ Бога» (Works, p. 611: «all successive kings receive their crowne from God onely»).—Любопытна точка зрѣнія анонимнаго трактата «Богъ и король», который приписывается д-ру Моксту и который, по приказу короля, долженъ былъ быть принятъ во всѣхъ школахъ, въ университетахъ и въ церквахъ, а также купленъ всѣми главами семействъ въ Англіи и Шотландіи (D. N. B.): «Власть королей не отъ народа, но зачастую она переходитъ къ нимъ отъ ихъ благородныхъ предковъ путемъ наслѣдованія или же получается ими, съ помощью ихъ отваги, черезъ законное завоеванье. Какимъ же образомъ королевская власть исключительно и непосредственно отъ Бога? Наслѣдованіе и законное завоеванія суть титулы королевскаго авторитета, но только вторичные» (God and the King, by D-r Mockett(?). Imprinted by his Majesties speciall priviledge and command. 1615, p. 45: «Although the power of Princes is not from the people; yet it is often derived unto them from their noble progenitors by succession, or obtained, through their owne prowesse; and by lawfull conquest: how then is is only and immediately from God?... Succession, and lawfull conquest are Titles whereby Princes receive their authoritie, they are not the originall, and immediate of their authority»). Нельзя не отмѣтить другого мѣста изъ этого трактата, которое показываетъ, что король Яковъ не протестуетъ уже какъ въ 1606 г. противъ обожествленія тиранін: «Если подданные обязаны, по долгу и совѣсти, безропотно повиноваться тиранамъ, безбожнымъ, зараженнымъ ересью, богоотступникамъ, какъ властямъ, установленнымъ Богомъ, съ какой же готовностью должны мы, въ такомъ случаѣ, во всемъ подчиняться нашему милостивому и вѣрующему суверену?» (p. 79: «If subjects are obliged in duty and out of conscience cheerefully to obey Tyrannous, unbelieving, haereticall, Apostaticall Princes, as Powers ordained of God;

рону обоснованія «правъ» монархіи, а не внутреннихъ ея достоинствъ, неудивительно, если послѣдняя сторона проблемы лишь мимоходомъ—въ скобкахъ!—затрагивается имъ. «Монархія—подобіе Божества, приближается къ совершенству; относительно этого всѣ ученые и мудрые люди, съ самаго начала пришли къ соглашенію—вѣдь единство есть совершенство всѣхъ вещей»[1].—Подводя итогъ своему анализу принциповъ, опредѣляющихъ строй «свободныхъ» монархій, король предостерегаетъ читателей отъ нежелательнаго истолкованія его словъ: онъ вовсе не намѣренъ сказать, что какія бы ошибки и невыносимыя вещи суверенный правитель ни совершалъ, онъ долженъ избѣгнуть наказанія, какъ будто бы міръ устроенъ только для королей, и послѣдніе безконтрольно могутъ его опрокидывать. Наоборотъ, предавая королей въ руки Бога, Яковъ лишь вручаетъ ихъ самому безпощадному и суровому «школьному учителю», какой только можетъ быть для нихъ изобрѣтенъ[2].

Не достаточно провозгласить наслѣдственный принципъ какъ основу королевскихъ правъ: Яковъ идетъ дальше и требуетъ отъ королей, чтобы ихъ старанья были направлены на созданіе крѣпкаго физически потомства. И что всего любопытнѣе: онъ развиваетъ, при этомъ, теорію наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ качествъ: «нужно считать фактомъ, что добродѣтель или порокъ зачастую передаются по наслѣдству отъ родителей къ потомству и входятъ, по пословицѣ, въ кровь»[3].

---

with what alacrity then should we be in all things obsequious unto our gracious and religious Soveraigne?»).

[1]) F. M: «a Monarchie (which forme of government, as resembling the Divinitie approcheth neerest to perfection, as all the learned and wise men from the beginning have agreed uppon: Unitie beeing the perfection of all thinges»). Обращаясь къ своему сыну Генриху, король говоритъ, что Богъ сдѣлалъ его «a little God»—«маленькимъ Богомъ».

[2]) F. M: «Not that by all this former discourse of mine and Apologie for kings, I meane, that whatsoever errours and intollerable abhominations a Soveraigne Prince commit, he ought to escape al punishment, as if thereby the world were onely ordained for kings, and they without controlment to turne it up side downe at their pleasure. But by the contrary, by remitting them to God... I remit them to the sorest and sharpest scoole-maister that can be devised for them».

[3]) B. D. p. 76: «it is most certain, that vertue or vice wil oftimes (with the heritage) be transferred from the parents to the posteritie, and runne on a blood (as the proverbe is)».

Обращаясь къ своему сыну, онъ совѣтуетъ ему «выбрать жену изъ здороваго чистаго рода, не подверженную наслѣдственнымъ болѣзнямъ. Вѣдь если люди заботливо разводятъ породистыхъ лошадей и собакъ, то насколько тщательнѣе слѣдуетъ относиться къ размноженію того, что отъ ихъ чреселъ?»[1]. Открывая свой первый англійскій парламентъ, король указываетъ на то, что «во всѣхъ благихъ вещахъ бо́льшая доля ихъ благости и цѣнности утрачивается, если въ нихъ нѣтъ признаковъ вѣчности или долголѣтія. Всемогущему Богу было угодно наградить мою особу и этой милостью, въ видѣ здороваго и полнаго ожиданій потомства, для продолженія и поддержанія того безспорнаго права, которое въ моей особѣ»[2].

Когда король Яковъ былъ на пути въ свое новое королевство, случилось воровство; виновный былъ пойманъ и, безъ дальнѣйшей процедуры, повѣшенъ. Подобная скорая расправа произвела неблагопріятное впечатлѣніе на англичанъ. А это было только примѣненіе того принципа, который Яковъ развивалъ въ своихъ писаніяхъ. При вступленіи на престолъ, совѣтуетъ онъ своему сыну, «покажите, что вы умѣете рубить, а затѣмъ вы можете остальные дни вашей жизни смѣшивать справедливость съ милосердіемъ»[3]. Король въ его глазахъ реальный носитель правосудія. Въ этомъ отношеніи Яковъ идетъ такъ далеко, что именно въ рѣшеніи судебныхъ тяжбъ, вопросовъ о «meum» и «teum» онъ видитъ главную часть королевскихъ обязанностей[4]. «Я бы совѣтовалъ вамъ (сынъ Генрихъ) однажды въ году посѣщать главныя части

[1]) B. D. p. 95: «remember to choose your wife as I advised you to choose your servantes, that shee be of a whole and cleane race, not subject to the hereditarie sicknesses... For if a men will be careful to breede Horses and Dogges of good kindes; Howe much more carefull should he be for the breed of his own loynes? So shall you in your marriage have respect to your conscience, honoure, and naturall weall in your successours».

[2]) Parliamentary History, vol. V, p. 27: «in all good Things a great Part of their goodness and Estimation is lost, if they have not Appearance of Perpetuity or long Contiunance: so hath it pleased Almighty God to accompany my Person also with that favour, having healthful and hopeful Issue of my body... for continuance and propagation of that undoubted right which is in my Person».

[3]) B. D. p. 35: «made them knowe that you can strike, then may ye thereafter al the dayes of your life mixe justice with mercie».

[4]) «as the most part of a kings office, standeth in deciding that question of Meum, and Teum, among his subjectes», B. D. p. 41.

страны, которой вы правите, а въ виду того, что, надѣюсь, вы будете королемъ большаго числа странъ, нежели только Шотландія, разъ въ три года посѣщать всѣ ваши владѣнія, не довѣряя намѣстникамъ, но выслушивая жалобы лично. На мѣстахъ слѣдуетъ имѣть обычныя правительственныя учрежденія и суды изъ мѣстныхъ людей, но главные предметы должны быть разрѣшаемы вами лично, когда будете въ объѣздѣ»[1]. Это участіе мѣстныхъ людей въ дѣлахъ «страны» было, очевидно, не пустымъ звукомъ въ устахъ Якова, и въ своей рѣчи въ «Звѣздной палатѣ» (1616) онъ говоритъ объ «управленіи черезъ мировыхъ судей» какъ объ учрежденіи столь похвальномъ, что, по примѣру Англіи, онъ ввелъ его и въ Шотландіи[2]. Дѣйствія мировыхъ судей должны, однако, подлежать контролю со стороны коронныхъ судей, этихъ «глазъ и ушей короля». А послѣдніе въ свою очередь находятся подъ контролемъ главы государства. Въ цитированной выше рѣчи Яковъ развиваетъ теорію, которая доказываетъ, что его идеалъ короля, активнаго участника въ дѣлѣ правосудія, остался неизмѣннымъ, не смотря на борьбу, которую ему пришлось выпести съ защитниками судейской независимости. «Подобно тому какъ короли заимствуютъ свою власть отъ Бога такъ судьи—отъ королей, и какъ послѣдніе отвѣтственны передъ Богомъ, такъ судьи—передъ королями»[3]. «Въ старину былъ добрый обычай, что всѣ судьи передъ самымъ ихъ отправленіемъ на сессіи и тотчасъ по возвращеніи отправлялись къ лорду канцлеру, чтобы получить отъ него инструкціи, которыя королю угодно было имъ передать, или же сдѣлать канцлеру докладъ о своихъ дѣйствіяхъ, чтобы онъ въ свою очередь сообщилъ королю. Этотъ добрый старый обычай былъ, однако,

[1]) B. D. p. 65: «I woulde therefore counsel you, once in the yeare to visie (visit) the principall parts of the cuntry, ye were in; and (because I hope yee shal be king of more cuntries then this) once in the three yeares to visie al your kingdome, not lippening (trusting) to viceroyes but hearing your self complaints, and having ordinarie councelles and justice-seates in everie kingdome of their own cuntry-men, and the principall matters ever to bee decided by your selfe when ye come athort (across)».

[2]) «Which government by Justices. is so laudable and so highly esteemed by mee. that I have made Scotland to bee governed by Justices and Constables, as England is», Works, p. 563.

[3]) Works, p. 551: «As Kings borrow their power from God so judges from Kings: And as Kings are to to accompt God, so Judges unto God and Kings».

слишкомъ ослабленъ въ послѣднее время. Поэтому я настойчиво приказываю, чтобы вы (коронные судьи) дѣлали тщательный докладъ мнѣ и моему канцлеру о томъ, какъ несутъ свои обязанности мировые судьи въ вашихъ округахъ»[1]. Изъ этихъ воззрѣній на зависимость судей отъ короля вполнѣ естественный выводъ: право требовать у нихъ подачи мнѣній частнымъ образомъ, т. е. внѣ обычнаго судебнаго процесса, по спорнымъ легальнымъ пунктамъ. Когда дѣло идетъ о королевской прерогативѣ, судьи должны, прежде чѣмъ выносить рѣшеніе, запросить мнѣніе короля или его совѣта, или же обоихъ[2].— Конференціи съ судьями есть нѣчто аналогичное тѣмъ попыткамъ вступить въ болѣе тѣсное общеніе съ государственными органами, которыя король Яковъ проявилъ по отношенію къ «высшему суду» королевства—парламенту. Въ своей рѣчи, произнесенной въ «Банкетномъ залѣ» 9 апрѣля 1614 г., онъ указывалъ на свое намѣреніе «видѣться съ ними (т. е. членами парламента) подобнымъ образомъ часто, чтобы выказать себя какъ полную противоположность всѣмъ тиранамъ, которые не любятъ совѣщаться съ своими подданными и ненавидятъ парламенты. Въ особенности я стремлюсь встрѣчаться съ вами, когда у меня нѣтъ намѣреній испрашивать что нибудь (т. е. субсидію), чтобы у насъ была возможность устроить свободное совѣщаніе и я могъ бы услышать жалобы моихъ подданныхъ изъ каждаго уголка. Я же съ своей стороны готовъ подать вамъ свой совѣтъ и оказать поддержку, и мы будемъ касаться лишь того, что связано съ государствомъ. Міръ такимъ образомъ увидитъ, что я люблю общеніе съ моими подданными, а это породитъ согласіе—результатъ, ка-

[1]) Works, p. 563: «It was an ancient custome, that all the Judges both immediately before their going to their circuits, and immediately upon their returne, repaired to the Lord Chauncellour of England, both to receive what directions it should please the king by his mouth to give unto them; as also to give him an accompt of their labours, who was to acquaint the king therewith: And this good ancient custome hath like wise beene too much slacked of laste: And therefore first of all I am to exhort and command you, that you bee careful to give a good accompt to me and my Chauncellour of the dueties performed by all Justices of Peace in your Circuits».

[2]) Works, p. 556: «If there fall out a question that concernes my prerogative or mystery of state, deale not with it, till you consult with the King or his Councell, or both».

кой имѣетъ знакомство между честными людьми, въ противоположность негодяямъ»[1]. Къ концу своего царствованія, король съ горечью, однако, констатируетъ: «я часто вамъ насвистывалъ, но вы отказывались плясать; я часто облекался въ трауръ, но вы отказывались плакаться»[2]. Общины смотрѣли на эти конференціи какъ на вмѣшательство со стороны Якова въ ихъ внутреннюю жизнь, съ неохотой на нихъ являлись и всего менѣе дѣйствовали въ согласіи съ королевскими указаніями. —Къ той же категоріи поддерживанья непосредственныхъ сношеній съ парламентомъ относится дѣятельная переписка короля съ палатами. Если бы не разногласія во взглядахъ между Яковомъ и общинами, подчеркнутыя національной рознью, трудно сказать, въ какую сторону повернули бы подобные прецеденты конституціонное развитіе Англіи: при наличной политической конъюнктурѣ они способствовали лишь отдаленію, а не сближенію короля съ парламентомъ и тѣмъ подготовили почву для усвоенія принципа, по крайней мѣрѣ, явнаго невмѣшательства короля въ политику. —Въ своихъ попыткахъ подчинить «главный королевскій судъ» своему вліянію, Яковъ руководился тѣми понятіями, которыя у него выработались на почвѣ шотландскихъ политическихъ порядковъ. Пророгируя парламентъ (9 ноября 1605 г.), король указывалъ въ своей рѣчи, что «къ этому моменту онъ царствовалъ въ теченіе почти трехъ лѣтъ и тщательно старался подмѣчать то, что относится къ области королевскаго вѣдѣнія; хотя три года и короткій промежутокъ времени для другихъ лицъ, чтобы запастись опытомъ, но по отношенію къ королю его можно считать достаточно долгимъ, въ особенности когда дѣло идетъ о немъ, кто лишь до извѣстной степени «новый» король: вѣдь

[1]) Parliamentary History, vol. V, p. 285: «I will meete you oftene in this kind to shewe myself contrarye to all Tyrantes, who love not Advisynge with their subjectes, but hate Parliamentes; but most I desyre to meete with you when I mighte aske you nothinge, but that we mighte conferre togethher freelye, and I maye heare oute of everye Cornore of my kingdome of complaynte of my subjectes and I will delyvere you my Advise and Assystance, and wee will consulte onlye de Reipublica; so shall the world see I love to joyne with my subjectes, and this will breede Love as Acquaintance doth amongste honeste Men, and the contrary amongste knaves».

[2]) ibid., vol. V, p. 312 (31. I. 1621): «I have often piped unto you, but you have not danced: I have ofter mourned but you have not lamented».

онъ съ давнихъ поръ освоился съ королевскимъ саномъ въ другомъ королевствѣ, при этомъ въ такомъ, которое изъ всѣхъ иныхъ наиболѣе приближается къ англійскому въ законахъ и обычаяхъ»[1]. Ошибка короля Якова заключалась въ томъ, что онъ преувеличилъ размѣры сходства и, прежде всего, упустилъ изъ виду, что англійскій парламентъ не есть парламентъ шотландскій. Парламентъ—«королевскій высшій судъ»: въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ на этомъ понятіи базируютъ свою защиту сторонники парламентскихъ правъ и привилегій; его же истолковываютъ въ свою пользу тѣ, кто въ предикатѣ «королевскій» видятъ зависимость парламента отъ главы государства, но для Якова это понятіе не играетъ служебной роли: для него оно полно реальнаго содержанія. Юридическій базисъ его парламента ничѣмъ не отличается отъ того собранія вассаловъ, которое было въ подлинномъ смыслѣ «принадлежностью» короля какъ верховнаго лорда. Функціи парламента, разумѣется, измѣнились: члены его собираются не столько для того, чтобы сводить личные счеты, сколько въ интересахъ общегосударственныхъ, но до самостоятельнаго легальнаго базиса, хотя бы въ формѣ магическаго понятія «короля въ парламентѣ» послѣднему все еще далеко. А между тѣмъ къ началу 17-го столѣтія англійскія общины доросли до самосознанія и неуклонно отстаивали свое мѣсто въ цѣпи государственныхъ учрежденій: по нѣмецкой терминологіи общины стали носителями самостоятельнаго «Organschaft». Поставленный лицомъ къ лицу съ этимъ чуждымъ шотландскимъ порядкамъ положеніемъ, Яковъ не разстался, однако, съ привычными понятіями и пытался навязать ихъ англійскому парламенту. Шотландскій образецъ постоянно передъ его глазами, а отъ кого же какъ не отъ него, кто является «старѣйшимъ парламентаріемъ, кто засѣдалъ въ бо́льшомъ числѣ парламентовъ, не-

[1]) Parliamentary History, vol, V, p. 136: «now that I have reigned almost three Yeares amongst you, and have been careful to observe those things that belong to the office of a King; albeit, that time be but a short time for experience in others; yet in a King may it be thought a reasonable long time, especially in me, who, although I be but in a manner a new King here, yet have been long acquainted with the office of a King in such other Kingdom, as doth nearest all others agree with the Laws and customs of this state».

жели кто либо изъ его предшественниковъ»[1], англійскія общины могутъ получить свѣдѣнія объ этомъ образцѣ? «Могу васъ увѣрить», сообщаетъ король, «что устройство парламента въ Шотландіи не заключаетъ въ себѣ никакихъ демократическихъ тенденцій»[2]. Прежде всего въ томъ, что касается законодательной инпціативы. «Приблизительно за двадцать дней или около того до открытія парламента королевство оповѣщается прокламаціей, чтобы до извѣстнаго срока были доставлены королевскому регистратору (кого въ Англіи называютъ смотрителемъ свитковъ) билли, которые имѣютъ быть предложены въ предстоящую сессію. Эти билли передаются королю; послѣдній ихъ просматриваетъ и взвѣшиваетъ, и только тѣ, которые онъ одобрятъ, пересылаются канцлеру для внесенія въ парламентъ. И если кто либо въ парламентѣ станетъ говорить по другимъ предметамъ, помимо одобренныхъ королемъ указаннымъ порядкомъ, канцлеръ обращаетъ вниманіе оратора на это обстоятельство»[3]. Не менѣе существенны различія въ пользованіи свободой слова: въ Шотландіи члены парламента «не могутъ говорить безъ разрѣшенія отъ канцлера и, если кто либо произноситъ мятежныя и не подобающія рѣчи, канцлеръ своей властью тотчасъ его прерываетъ и заставляетъ замолчать; въ то время какъ въ Англіи свобода каждаго говорить, что ему вздумается и при этомъ такъ долго, какъ ему хочется, является основаніемъ, почему оратора не прерываютъ»[4]. Лишь въ одномъ пунктѣ симпатіи короля Якова не на

[1]) ibid, vol. V, p. 202. «I am the eldest Parliament Man in Scotland, and have sat in more Parliaments, than any of my Predecessors».

[2]) Parliamentary History. vol. V, p. 209: «I can assure you, that the Form of Parliament there is nothing inclined to Popularity».

[3]) ibid: «About a twenty Days, or such a Time, before the Parliament, Proclamation is made throughout the kingdom, to deliver in to the King's Clerk of Register (whom you here call the Master of the Rolls) as Bills to be exhibited that session, before a certain Day. Then are they brought unto the king and perused, and considered by him; and only such as I allow of, are put unto the Chancellor's hands, to be propounded to the Parliament, and none others: And if any Man in Parliament speak of any other Matter, than is in this Form first allowed by me, the Chancellor tells him; there is no such Bill allowed by the King».

[4]) ibid. vol, p. 220: «here must I note unto you the Difference of the Parliaments in these two kingdoms: For there they must not speak, without the Chancellors's Leave: and if any Man do propound or utter any seditious or uncomely speeches, he is straight interrupted and silenced by the Chancellor's

сторонѣ Шотландіи: ея парламенты слишкомъ кратки, но продолжительность англійскихъ ей не въ указъ—золотая средина была бы у мѣста[1]. Съ другой стороны, парламенты не должны созываться черезчуръ часто. Обращаясь къ своему сыну Генриху, онъ совѣтуетъ ему «созывать парламентъ лишь на случай понадобятся новые законы, что можетъ, однако, случиться лишь рѣдко: вѣдь немногіе, но приводимые въ исполненіе законы—лучшее, чего остается желать въ хорошо устроенномъ государствѣ»[2]. «А если такъ», говоритъ король англійскому парламенту, «то здѣсь не мѣсто, гдѣ каждый непосѣда и взбалмошный человѣкъ можетъ предлагать законы своего изобрѣтенія. Крайне осторожны должны быть люди, предлагая нововведенія, въ особенности слѣдуетъ имъ избѣгать злостныхъ и мятежныхъ законовъ, неспособныхъ произвести ничего кромѣ ропота и раздора между королемъ и его народомъ»[3]. Миссія короля Якова и въ Шотландіи, и въ Англіи въ охранѣ «добрыхъ старыхъ» законовъ, а для этого частыхъ парламентовъ не требуется. Уже въ концѣ своего царствованія, когда его убѣжденія прошли черезъ суровыя испытанія, главную роль парламентовъ онъ видитъ не въ чемъ другомъ какъ въ «пополненіи царской казны»[4]. Парламентскій кошель раскрывался, однако, чрезвычайно туго, и о добрыхъ совѣтахъ, которые Яковомъ когда то преподавались сыну Генриху, пришлось позабыть. «Не обогащайтесь», писалъ король, «путемъ вымогательствъ у подданныхъ, считайте ихъ богатство лучшимъ вашимъ сокровищемъ»[5]. Лишь въ случаѣ войны или

Authority; whereas here the Liberty for any Man to speak what he list, and so long as he list, was the only cause he was not interrupted».

[1]) ibid., vol. V, 189: «I confess, that the English Parliaments are so long, the Scottish so short, that a Mean between them would do well».

[2]) B. D. p. 33: «hold no Parliaments but for necessity of new lawes, which would be but seldome; for few lawes and well put in execution, are best in a wel ruled common-weal».

[3]) Works, p. 506: «If this be so then, neither is this a place... for every rash and harebrained fellow to propone new Lawes of his owne invention... So warie should men be of proponing Novelties, but most of all not to propone any bitter or seditious Laws, which can produce nothing but grudges and discontentment betweene the Prince and his people». Изъ рѣчи 1605.

[4]) Parliament History, vol. V, 314 (подъ 31. I. 1621): «You are the Authors of sustenance... to him, to supply his Necessities; and this is the proper use of Parliaments».

[5]) B. D. p. 118: «enrich not youf self with exactions upon your subjectes; but think the riches of your people your best pose».

иной какой либо экстраординарной надобности «вынуждайте ихъ давать субсидіи, но дѣлайте это какъ можно рѣже; при этомъ ассигнованныя суммы употребляйте на предуказанныя цѣли, выступая въ этомъ случаѣ въ роли національнаго довѣреннаго»[1]. Но чтобы получать субсидіи, нужно было дѣлать уступки требованіямъ общинъ, а въ этихъ требованіяхъ король Яковъ видѣлъ демократическую опасность. Его предостереженья крайне характерны: онъ пытается убѣдить парламентъ въ томъ, что самое его существованіе связано съ существованіемъ монархіи. Обращаясь къ палатамъ (31. I. 1621 г.), онъ разсуждаетъ такъ: «я намѣренъ начать съ общихъ предпосылокъ парламентскаго строя, не для того, чтобы поучать васъ, отъ кого я не жду невѣжества, но чтобы освѣжить вашу память. Прежде всего, что такое парламентъ? Это собраніе, состоящее изъ главы и изъ тѣла: монархъ—глава, тѣло—три сословія. Впервые примѣненъ и созданъ парламентъ былъ монархомъ: вѣдь послѣдній былъ до парламента. Введя правительственный строй и добровольно согласившись на то, чтобы подданнымъ въ руководство былъ данъ законъ, монархъ созвалъ парламентъ. Я знаю, что существуютъ различные виды парламентовъ: одни болѣе, другіе менѣе численные по составу, но я оставлю этотъ вопросъ въ сторонѣ. На одну вещь я хотѣлъ бы однако, обратить ваше вниманіе, на то именно, что тщетно было бы для парламентарія стремиться къ демократизму: вѣдь нѣтъ парламента безъ монарха. Поэтому въ Граубюнденѣ, Швейцаріи и Нидерландахъ, гдѣ нѣтъ короля, нѣтъ и парламентовъ, а есть лишь совѣты и собранія. Напоминаю поэтому вамъ, что вы служите подъ главенствомъ монарха; съ нимъ вы существуете, съ нимъ и погибнете»[2].

---

[1]) ibid.: «in case necessity of wars or other extraordinaries compell you to lift subsidies, doe it as rarely as ye can, employing it onely to the use it was ordeyned for, using your self in that case as fidus depositarius to your people».

[2]) Parliam. History, vol. V, p. 313: «I will begin with the general condition of a Parliament, not to instruct you, whom I suppose not to be ignorant, but to refresh your Memories, and first what a Parliament is. It is a Assembly compos'd of a Head and a Body: the Monarch is the Head, and the Body is the three estates: which are called in a Monarchies a Parliament, which was used and created at the first by Monarchy: for kings were before Parliaments: who, as soon as they had settled a Form of Government, and were willing that their People should be guided by Laws, called a Parliament. I know there are divers

Для раннихъ, шотландскихъ трактатовъ Якова характерно отсутствіе понятія королевской прерогативы: развѣ можетъ возникать вопросъ о спеціальныхъ какихъ либо правахъ короля, если въ его рукахъ вся полнота власти, если жизнь и имущество подданныхъ зависитъ отъ королевскаго соизволенія? Взойдя на англійскій престолъ, Яковъ убѣдился, что его легальный status, если и не отличается достаточной опредѣленностью, имѣетъ, однако, тенденцію вылиться въ формы, достаточно узкія для проявленія неограниченной королевской воли. Долженъ быть найденъ выходъ, и Яковъ считалъ, что это ему удалось, не покидая законной почвы, не обращаясь въ короля-тирана. Понятіе королевской прерогативы было этимъ спасительнымъ выходомъ, но только въ глазахъ короля, а не представителей ортодоксальной теоріи. Если взять одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ юридическихъ трактатовъ второй половины 16-го вѣка, именно «Экспозицію королевской прерогативы» Станфорда («An exposition of the kinges prerogative... by Sir William Staunford, 1568), нетрудно убѣдиться, что рѣчь здѣсь идетъ не о какой то неопредѣленной политической величинѣ, а о строго отграниченномъ въ предѣлахъ его значимости техническомъ терминѣ: съ одной стороны, прерогатива это рядъ, главнымъ образомъ, матеріальныхъ преимуществъ короля, создавшихся на почвѣ феодальныхъ правоотношеній, а съ другой стороны, это сумма процессуальныхъ особенностей, имѣющихъ примѣненіе въ случаѣ, если судебный искъ такъ или иначе касается интересовъ короля. Яковъ далъ иное истолкованіе: въ его глазахъ, прерогатива олицетворяется съ той таинственной, недоступной простымъ смертнымъ областью политики, гдѣ король имѣетъ право исключительнаго вѣдѣнія; «моя прерогатива или государственная мистерія» суть тождественныя для него вещи. «Что касается абсолютной прерогативы короля», говорилъ онъ въ Звѣздной палатѣ, «это

sorts of Foreign Parliaments, some more, some less in Number. But I leave them; only this I would have you to observe, that it is a vain thing for a Parliament Man to press to be popular; for there is no state or Parliament without Monarchy; so the Grizons, Swisses and Low Countries, which are governed without a King, have no Parliaments, but Councils and Assemblies. This I put you in Mind of, that you serve under a Monarch, and that you must stand or fall with it».

нѣчто, передъ чѣмъ юристъ долженъ прикусить языкъ, и разсуждать о чемъ беззаконно. Если равноспльно атеизму и богохульству спорить о томъ, что можетъ сдѣлать Богъ, и если добрые христіане полагаются на Его волю, повѣданную въ Его словѣ, то для подданнаго вести диспуты о томъ, что можетъ и чего не можетъ сдѣлать король, значитъ проявлять гордыню и высокомѣріе. Подданные должны послушно слѣдовать тому, что король откроетъ имъ въ своемъ законѣ»[1]. Но и помимо этой параллели со Всевышнимъ у короля Якова есть свои, болѣе практическія соображенія, почему подданные не должны касаться того, что связано съ таинственной областью королевскаго авторитета: дѣлать это значитъ «проникать въ уязвимое мѣсто королевской особы и уничтожать тотъ мистическій почетъ, который подобаетъ тѣмъ, кто является намѣстниками Бога»[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Якову не было чуждо сознаніе необходимости осторожно обращаться съ этимъ драгоцѣннымъ камнемъ королевской короны—прерогативой. Въ «Размышленіяхъ на XXVII, 27-29 отъ Мато.» онъ комментируетъ вручепіе трости Христу поносившими Его солдатами: хрупкость этого орудія означаетъ, что земные правители не должны злоупотреблять своей властью и «не натягивать своей прерогативы на станокъ лишь за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости». Но съ этими благими правилами, король передалъ своему наслѣднику рядъ наглядныхъ опытовъ далеко не благоразумнаго обращенія съ прерогативой, и послѣднему пришлось расплатиться вдвойнѣ: и за себя, и за отца.

[1]) Works, p. 557: «As for the absolute Prerogative of the Crowne, that is no subject for the tongue of a Lawyer, nor is lawfull to be disputed. It is Athiesme and blashemie to dispute what God can doe: good Christians content themselves with his will revealed in his word. So it is presumption and high contempt in a subject to dispute, what a King can doe, and say that a King cannot doe this, or that; but rest in that which is the Kings revealed will in his Law».

[2]) ibid. «That which concerns the mysterie of the Kings Power, is not lawfull to be disputed; for that is to wade into the weakenesse of Princes; and to take away the mysticall reverence, that belongs unto them that sit in the Throne of God».—Король Яковъ придавалъ большое значеніе внѣшнему виду вѣнценосцевъ, разсчитанному на возбужденіе чувства трепета передъ ихъ величіемъ: онъ настаиваетъ на пурпурныхъ одѣяніяхъ какъ приличествующихъ королевскому сану и съ сожалѣніемъ констатируетъ, что въ его дни приходится довольствоваться подѣлкой (Works, p. 611: «Kings therefore... sit in thrones, clad with long robes... of purple... For the ancient purple, whereof we have now but counterfeit, was of extreame long lasting, and could not be stayned»).

Упоминалось выше, что идеалъ сильной монархической власти сложился у Якова какъ реакція, съ одной стороны, противъ доминирующаго положенія, какое занимало въ Шотландіи владѣтельное дворянство, а съ другой стороны, противъ тѣхъ демократическихъ, а въ глазахъ короля и анти-монархическихъ тенденцій, какія внесла съ собой реформаціонная волна. Бороться съ беззаконіями сильныхъ лордовъ не значило, однако, считать свои королевскіе интересы и интересы аристократіи кореннымъ образомъ противоположными. «Ищите удовлетворенье въ томъ, чтобы у васъ на службѣ были люди самаго знатнаго происхожденія, какіе только могутъ быть найдены, и вы убѣдитесь, что добродѣтель связана съ знатностью рода» — вотъ совѣтъ, какой подается королемъ его сыну Генриху[1]. У знати, какъ и у всякаго другого сословія, есть, однако, свои недостатки. Яковъ констатируетъ слѣдующіе: «она впитываетъ съ материнскимъ молокомъ, что съ ея честью связано содѣяніе трехъ несправедливыхъ вещей: обращенье путемъ насилія въ своихъ прислужниковъ людей незнатныхъ, живущихъ по сосѣдству, хотя бы они и не были ея лешиками, оказанье своей поддержки челяди и кліентамъ въ ихъ злыхъ проступкахъ и, наконецъ, поднятіе междоусобицъ изъ за всякой обиды, которая, по мнѣнію знатныхъ людей, была имъ нанесена сосѣдями. При этомъ они готовы считать короля за равнаго себѣ, вступаютъ съ нимъ въ соглашеніе воздерживаться на короткій промежутокъ времени отъ нарушенія мира, въ силу же естественнаго долга они обязаны повиноваться законамъ и соблюдать спокойствіе въ теченіе всей ихъ жизни подъ страхомъ потерять голову»[2]. Сломить гордыню магнатовъ король можетъ двумя путями: «вступайте въ личныя сношенья со всѣми честными людьми изъ вашихъ

[1]) B. D. p. 83: «delight to bee served with men of the Noblest bloud that can be had: for... ye shall yt finde vertue followe Noble race»).

[2]) B. D. p. 53: «The naturall sikknesses that I have perceived this estate subject to in my time, hath bene, a feetles (feckless) arrogant conceite of their greatnesse and power: drinking it with their verie nurishe milke. that their honour stoode in committing three poyntes of iniquitie: To thrall (by oppression) the meaner sort that dwelleth neere them to their service and following, although they hold nothing of them: To maintaine their servants and dependers in any wrong.... and for any displeasure that they apprehend to bee done unto them by their neighbour, to take up a plaine feide against him... yea they

бароновъ и дворянъ, чтобы вложить въ нихъ достаточно рѣшимости обращаться съ просьбами непосредственно къ вамъ, а не сводить ваше значенье къ нулю, дѣлая заступниками большихъ людей—вѣдь заступничество святыхъ есть догматъ католичества. Этимъ путемъ вы заставите склониться непокорныя вы магнатовъ»[1]. Но и прямой путь, примѣненіе силы, открытъ для короля, который не долженъ успокоиться, пока не будутъ искоренены междоусобія; нужно сдѣлать такъ, чтобы самое названіе послѣднихъ, а не только ихъ послѣдствія, были сдѣланы столь же неизвѣстными какъ они неизвѣстны другимъ націямъ: «вѣдь если бы «Царскій даръ» былъ написанъ по французски или по латыни», жалуется король, «я не могъ бы подыскать соотвѣтствующаго термина и вынужденъ былъ бы прибѣгнуть къ иносказанію»[2]. Но уничтожать дефекты, присущіе аристократіи, не значитъ отказываться отъ того, чтобы въ ней, въ первую очередь, искать опоры для монархіи. Аристократія и монархія, въ глазахъ Якова, суть два начала, находящіяся въ тѣснѣйшемъ союзѣ: крушенье послѣдней влечетъ за собой гибель и первой. Въ своей рѣчи въ «Звѣздной палатѣ» (1616) король иронизируетъ насчетъ того разряда мировыхъ судей, которые «не въ состояніи довольствоваться существующей формой правленія, но хотѣли бы для націи извѣстной свободы; они стремятся быть милосердными лордами и охранителями этой свободы, и въ каждомъ казусѣ, гдѣ затрогивается королевская прерогатива, готовы ее поглотить, подталкиваемые пуританскимъ зудомъ въ сторону демократіи. И все же, беря вещи какъ онѣ есть, стоитъ исчезнуть мо-

will think the King far in their common, in case they agree to graunt an assurance to a short day for keiping of the peace: where, by their natural duty, they are oblished to obey the Lawe and keepe the peace all the daies of their life, uppon the perrill of their craiges (necks)».

[1]) B. D. p. 55: «Acquaint your self so with al the honest men of your Barrones and gentle-men, as may make them perte to make their owne sutes to you themselves, without making a bogle (shadow) of you, in making the greate Lordes their intercessours (for intercession to Saints is Papistry) so shal you bring to a measure their monstrous backes».

[2]) ibid: «rest not while yee roote out these barbarous feides, that their effects may as well be smoared (smuthered) downe, as their barbarous name is unknowen to any other nations: for if this treatise were written to you, either in French or Latine, I could not get them named unto you but by circumlocution».

нархіи, и у судей будетъ меньше почета, нежели у людей иного званія»[1]. Монархія и аристократія должны поэтому быть естественными союзниками въ борьбѣ съ демократическими тенденціями пуританства. Идея равенства—вотъ гдѣ корень растлѣвающаго вліянія, внесеннаго реформаціей какъ она совершилась въ Шотландіи, т. е. «путемъ народнаго движенья и возстанія, а не по иниціативѣ короля какъ въ Англіи»[2]. Начавши съ религіи, шотландскіе реформаторы, кончатъ преобразованьемъ политическаго строя[3]. Нужно поэтому стараться выдвигать набожныхъ, ученыхъ и честныхъ людей: путемъ назначенія ихъ на епископскія каоедры не только будетъ изгнано пресловутое равенство—вещь несовмѣстимая съ монархіей—но и возстановленъ авторитетъ парламента въ церковныхъ дѣлахъ. Пока Яковъ былъ шотландскимъ королемъ, гнѣздилище пуританской опасности была внѣ парламента, и усиленье власти послѣдняго за счетъ «Кирки» (Kirk), въ глазахъ короля, могло послужить къ устраненью зла. Не какъ врагъ парламента покинулъ король свои сѣверныя владѣнія, но онъ вскорѣ убѣдился, что въ дѣлѣ искорененья пуританства ему не найти союзниковъ у чиновъ англійскаго парламента,—у палаты общинъ, по крайней мѣрѣ. Къ тому же въ Шотландіи гдѣ всѣ чины засѣдаютъ сообща, «уравнительные элементы», если они и есть, теряются въ сосѣдствѣ съ могущественными «лэрдами». Не то въ Англіи, гдѣ они дѣйствуютъ внѣ контроля со стороны аристократіи свѣтской и духовной; къ тому же, они имѣютъ смѣлость претендовать на бо́льшій вѣсъ, не-

[1]) Works, p. 564: «Gentlemen of great worth in their owne conceit, and cannot be content with the present forme of Government, but must have a kind of libertie in the people, and must be gracious Lords, and Redeemers of their libertie, and in every cause that concernes Prerogative give a snatch against a Monarchie, through their Puritanicall itching after Popularitie... And when all is done if there were not a King, they would be lesse cared for then other men».—Любопытно, что въ этой рѣчи король говоритъ о «the Levellers gathering together»: употребленіе слова «левеллеръ» встрѣчается слѣд. гораздо раньше, а не въ 1614 г. какъ полагаетъ «New English Dictionary».

[2]) B. D. p. 46: «The Reformation of Religion in Scotland being made by a popular tumult and rebellion... and not proceeding from the Princes ardour (as it did in England)».

[3]) ibid. p. 48: Paritie, the mother of confusion and enemie to Unitie, which is the mother of ordour; by the example whereof in the Ecclesiasticall government, they think (with time) to draw the politick and civil government to the like».

жели тѣ, кто засѣдаетъ въ верхней палатѣ. Въ результатѣ «старый парламентарій» оказывается злымъ врагомъ парламента. Нельзя не сказать, что во многомъ Яковъ лишь жертва политической идеологіи, вырванной изъ естественной среды и перенесенной въ чуждую ей, новую обстановку.

Заключеніе.

Цѣль послѣдующихъ замѣчаній—указать на нѣкоторые характерные пункты въ разсмотрѣнныхъ выше политическихъ построеніяхъ. Прежде всего ихъ общій тонъ: формула не подчиняетъ жизни, наоборотъ—служитъ послѣдней, зачастую же безъ формулы вовсе обходятся. Строятъ на глазъ: не столь складно, но зато крѣпко. Поэтому политическая теорія не вырождается въ доктринерство: въ ней есть реализмъ, возможный только у націи, которая имѣетъ въ государствѣ свой хозяйскій, а не книжный только интересъ. А у англійской націи онъ есть: тѣмъ и отличается ея государственный порядокъ отъ абсолютистскаго, что у подданныхъ есть извѣстная «порція» въ дѣлахъ страны (148[1])[1]. Въ абсолютномъ государствѣ повелители мало склонны на подобный дѣлежъ «государственаго интереса» (51). Откуда у англійскаго народа такое выгодное положеніе? Можно пойти раціоналистическимъ путемъ: сослаться на первоначальный договоръ, предоставившій подданнымъ право участія въ созданіи законовъ и вотированіи субсидій. Этимъ путемъ идетъ Фортескью, но ближайшая цѣль его трактата не столько обосновать національныя права, сколько отстоять твердость королевской власти, подрываемой могущественными лордами: здѣсь онъ не довольствуется отвлеченной формулой—ссылкой на то, что королевская власть есть «высшая власть на землѣ» (1), но выдвигаетъ рядъ пожеланій какъ сдѣлать короля «сильнымъ»: рекомендуется преобразованье королевскихъ финансовъ, измѣненье состава королев-

[1]) Большія цифры означаютъ номеръ страницы, маленькія—номеръ примѣчанія.

скаго совѣта, политика поддержанья «бѣдныхъ людей», этой опоры королевскаго могущества. Времена, однако, мѣняются: въ XVI-мъ столѣтіи королевская власть оказывается ужъ настолько прочно утвердившейся въ своемъ положеніи, что націи недостаточно въ ея претензіяхъ на «порцію» въ государственныхъ дѣлахъ призывать на помощь теорію общественнаго договора: нужна бо́льшая опредѣленность, конкретность требованій: кто помнитъ содержанье первоначальнаго договора? А если никто или, самое бо́льшое, «немногіе», то слѣдуетъ обратиться къ послѣдующимъ, явнымъ соглашеніямъ между королемъ и народомъ: къ «позитивнымъ» законамъ, незапамятнымъ обычаямъ (152). Подобное «вторичное конституированье» (84) совершается уже не въ туманномъ прошломъ, а въ свѣтѣ исторіи; это—реальное орудіе въ рукахъ защитниковъ національныхъ правъ, и значеніе его тѣмъ болѣе велико, что и противники не дремлютъ. Мы видѣли, что хотя у Фортескью нѣтъ еще слова, но есть уже понятіе королевскаго суверенитета. Въ зачаточной формѣ встрѣчается оно въ первой половинѣ XVI-го вѣка у сэра Томаса Эліота (75[1]), но какъ боевой принципъ это понятіе въ оборотъ входитъ черезъ посредство Бодена: послѣдній комментируется «частнымъ образомъ въ знатныхъ домахъ» въ Лондонѣ, а также и съ университетской каѳедры (ibid.). Идеями французскаго мыслителя оказывается увлеченнымъ никто иной какъ сэръ Джонъ Эліотъ. Положимъ, теорія королевскаго суверенитета представляется у него какой то искусственной, книжной надслойкой поверхъ естественной, жизнью подсказанной идеологіи; къ тому же, практическій выводъ изъ понятія «суверенитетъ» заключается у Эліота не въ оправданьи абсолютизма, а въ непризнаніи «права на мятежъ» (78)[1]. Въ арсеналѣ защитниковъ абсолютизма Стюартовъ имѣлись, однако, иныя орудія, менѣе утонченныя нежели понятіе суверенитета. Уже у Холля, хотя бы его цѣлью и не было обоснованье неограниченной монархіи, можно констатировать подчеркиванье факта «завоеванья», какъ

[1]) Знаменательна перемѣна: ссылка на божественный запретъ оказывается уже не достаточно сильнымъ орудіемъ, какимъ она было въ XVI-мъ вѣкѣ. Впрочемъ, проповѣдь Гупера о повиновеніи властямъ оказывается не забытой еще въ концѣ XVIII вѣка (129)!

исходнаго момента, опредѣлившаго юридическую сущность англійскаго государственнаго строя. Парламентъ—«новый парламентъ»—созданъ потомкомъ королей завоевателей, и англичанамъ надлежитъ съ благодарностью думать о томъ, что согласіе на созывъ чиновъ не было въ дальнѣйшемъ «ни разу» взято обратно (51-52). Англійская конституція оказывается т. о. имѣющей октропированный характеръ. Самымъ прямолинейнымъ образомъ принципъ королевской «силы» какъ исходнаго пункта въ генеалогіи королевскихъ «правъ» былъ выставленъ Яковомъ I-мъ. Пусть истина на сторонѣ «тираноборцевъ» утверждающихъ, что «среди языческихъ народовъ, въ первобытныя времена» короли избирались народами (176): это не касается, однако, ни Шотландіи, тронъ которой занимаютъ потомки короля-завоевателя Фергуса, ни Англіи, гдѣ царствуютъ преемники Вильгельма I, силой меча попавшаго на престолъ. Время можетъ, однако, освятить насиліе, и изъ права «отмѣнныхъ грабителей» вырастаетъ наизаконнѣйшій титулъ, носителемъ котораго считаетъ себя и король Яковъ. Но этотъ титулъ, если привести его въ связь съ его историческимъ прошлымъ, долженъ быть истолкованъ какъ нѣчто первичное: ни отдѣльные подданные, ни учрежденья не могутъ противопоставить королямъ никакихъ правотребованій, вѣдь весь правопорядокъ покоится на королевскомъ соизволеніи. Короли «авторы законовъ» и въ этомъ смыслѣ стоятъ выше законовъ. Участіе парламента не мѣняетъ дѣла, ибо «сила» закона исходитъ все же отъ короля, какъ и въ тотъ періодъ когда онъ былъ единоличнымъ повелителемъ. Идеи Якова не оказались брошенными на безплодную почву: хотя Ферръ и увѣряетъ (89[3]), что далекъ отъ того, чтобы призывать королей править какъ завоеватели (Яковъ вѣдь тоже подчеркиваетъ свою «теоретичность»), интересъ къ сѣдой старинѣ у монархистовъ не былъ, однако, платоническимъ, а имѣлъ прямое отношеніе къ вопросамъ момента. И этого не могли игнорировать защитники парламента и національныхъ свободъ. Хантонъ старается насъ увѣрить, что норманское нашествіе не сдвинуло краеугольныхъ камней государственнаго порядка Англіи; предшественники же норманновъ—датчане не оста-

вили длительныхъ послѣдствій своего пребыванія, а самымъ раннимъ завоевателямъ, германцамъ, Англія обязана своей свободой (88-89). Съ нимъ вполнѣ согласенъ Твисденъ, который подмѣчаетъ «смутные слѣды» древне-германскихъ свободныхъ обычаевъ въ современной ему эпохѣ (101[1]). Точка зрѣнія Хантона не всегда, однако, проводится тѣми, кто не становится на защиту королевскаго абсолютизма: еще въ XVI-мъ столѣтіи Томасъ Старки призываетъ своихъ соотечественниковъ вспомнить, что если ихъ короли повинны въ произволѣ, то это все послѣдствіе того чужеземнаго ига, которое принесъ Вильгельмъ Завоеватель (21). Въ XVII-мъ столѣтіи Джоржъ Уокеръ говоритъ о разрушеніи «всей основы справедливаго правленія», какъ результатѣ норманскаго нашествія (60[3]) Но какъ бы то ни было, важно то, что короли завоевали страну, на которой уже были насаждены свободныя учрежденія,—германскія національныя учрежденія. Борьба съ королевскимъ абсолютизмомъ пріобрѣтаетъ т. о. оттѣнокъ защиты отъ иноземныхъ посягательствъ, были ли эти посягательства произведены въ XI-мъ столѣтіи или же производятся, подъ предлогомъ историческихъ правъ, въ XVII-мъ. Абсолютизмъ не національнаго происхожденія. Мы видѣли, что уже въ XVI-мъ вѣкѣ общины строго карають Холля за его памфлетъ, въ которомъ подрывается древность «третьихъ голосовъ» (51), древность парламента какъ общенаціональнаго органа: парламентскія учрежденія должны быть относимы къ англо-саксонскому періоду, а не къ норманскому. Джонъ Гукеръ стоитъ на этой позиціи (28), и въ глазахъ Ральфа Старки Вильгельмъ Завоеватель «нашелъ» въ своихъ новыхъ владѣніяхъ парламентъ въ той его структурѣ и съ той юрисдикціей, какую авторъ констатируетъ въ парламентѣ XVII-го вѣка (60[2]). Задача монархистовъ т. о. осложнялась: Яковъ I-ый могъ выставить свою теорію созданья парламентовъ королевскимъ соизволеніемъ въ Шотландіи, гдѣ собранье чиновъ было чахлымъ учрежденіемъ, но въ Англіи, гдѣ парламентъ претендовалъ на исторію болѣе длинную, нежели королевская линія, нужны были орудія потоньше. Нужно было доказать, что парламентъ XVII-го столѣтія и англо-саксонскія народныя

собранія не имѣютъ между собой ничего общаго: Доддриджъ взялся за это дѣло съ большимъ умѣньемъ (60-62), и его аргументація во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о тѣхъ успѣхахъ историческаго мышленія, какія сдѣлала Англія тѣхъ дней. Въ этомъ отношеніи онъ не стоитъ особнякомъ: интересъ къ прошлому національныхъ учрежденій былъ широкимъ, и такой напр. трактатъ какъ «Англійское правленіе» Твисдена есть знаменіе времени. Историзмъ оказывается проникающимъ даже туда, гдѣ его на первый взглядъ найдешь не сразу: что, въ концѣ концовъ, представляетъ изъ себя понятіе «послѣдующаго соглашенія», «понемножку» вводящаго сладостный государственный порядокъ, какой у англичанъ (Ричардъ Гукеръ), или «вторичное основное конституированье» (Хантонъ), какъ не отказъ отъ раціоналистическаго обоснованья англійскаго конституціонализма? Люди въ буквальномъ смыслѣ отряхаютъ пыль отъ хартій—чѣмъ древнѣе тѣмъ лучше—чтобы дать рѣшенье политическимъ проблемамъ ихъ дней[1]. Зачѣмъ общественный договоръ», когда есть «confirmatio cartarum»? Позиція абсолютистовъ оказывается поэтому нетвердой, поскольку они придаютъ чрезмѣрное значеніе одному историческому моменту: норманскому нашествію. Пусть Вильгельмъ I-ый былъ неограниченнымъ правителемъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ дальнѣйшемъ его преемники не наложили на себя ограниченій (101). Твисденъ очень тонко отмѣчаетъ, что и Генрихъ IV-ый, и Генрихъ VII-ой не хотятъ вступать на престолъ какъ «завоеватели» (ibid.). Развѣ законы и обычаи королевства не отстаивались націей съ незапамятныхъ временъ и не получали признанія въ формѣ торжественныхъ публичныхъ актовъ, вродѣ Великой Хартіи Вольностей (88)? Англійская конституція—длинный документъ: она написана чредой столѣтій.—Есть, однако, болѣе короткій, менѣе усыпанный раціоналистическими или историческими контроверзами путь отстаиванья народныхъ правъ: онъ еще болѣе «реалистиченъ» нежели базированье королевскихъ правъ на силѣ меча—вѣдь, какъ ни какъ, завоеваніе—полузабытый фактъ прошлаго, здѣсь же дѣло идетъ о живой

[1]) Палата общинъ посылаетъ своихъ членовъ на архивные розыски въ Тауэръ!

рельности, стоящей передъ глазами всѣхъ, кто только ихъ не закрываетъ. Когда Холль читаетъ свои нотаціи членамъ палаты общинъ о «лучшемъ ихъ поведеніи» онъ напоминаетъ при этомъ, что ихъ авторитетъ есть авторитетъ какъ числа, такъ и силы—авторитетъ народной массы, которая и короля поддерживаетъ, и страну отъ вѣка до вѣка культивируетъ и населяетъ, и отъ чьихъ рентъ и оброковъ лорды остаются лордами (53). Общины сильны, потому что силенъ народъ, на который онѣ опираются. Холль далекъ отъ того, чтобы сдѣлать отсюда какіе либо анти-монархическіе выводы, но въ XVII-мъ столѣтіи люди пойдутъ на это. Хотя и подъ градъ протестовъ не только со стороны защитниковъ абсолютизма, но и менѣе рѣшительныхъ его противниковъ, Паркеръ имѣетъ смѣлость заявить, что король «меньше» націи (97). Это выводъ изъ того положенія, что власть есть ничто иное какъ та мощь и крѣпость, какая заключается въ данномъ человѣческомъ обществѣ (96): гдѣ же одному равняться со всѣми? Поэтому отношенія между націей и королемъ опредѣляются на основаніи простой формулы: королю должно быть дано столько власти, сколько нужно для охраны національныхъ интересовъ (95). Вопросъ заключается не въ разграниченіи двухъ самостоятельныхъ правовыхъ сферъ, а въ подчиненіи единицы цѣлому.—Народъ можетъ быть носителемъ матеріальной мощи государства, но не о безформенной массѣ отдѣльныхъ единицъ («rude bulk of universality», 97[3]) идетъ рѣчь, когда королю противопоставляется «цѣлое»: нація выступаетъ здѣсь какъ нѣчто организованное, «искусственнымъ образомъ, съ помощью выборовъ собранное воедино» (ibid). Королю противопоставляется парламентъ. «Для легальныхъ цѣлей парламентъ и есть нація. Но и въ иныхъ цѣляхъ подобная конструкція представляетъ свои удобства: развѣ можетъ возникать вопросъ о предѣлахъ компетенціи органа, въ которомъ присутствуетъ вся нація, «все королевство» (37)? Разумѣется, нѣтъ: поэтому парламентъ можетъ установить «любой законъ» (ibid). По англійской пословицѣ, «законъ въ рукахъ парламента» (52). Такъ думали люди XVI-го вѣка, и имъ не нужно было ссылки на анало-

гію съ комиціями древняго Рима (Harrison, Description of England, а за нимъ Sir Thomas Smith, De Republica Anglorum), чтобы уразумѣть всемогущество парламента. Было бы, однако, ошибочно предполагать, что понятіе парламента-націи становилось поперекъ пути къ правильной оцѣнкѣ отношеній между націей и парламентомъ: идея представительства мирно уживалась съ идеей, смѣшивавшей въ единомъ цѣломъ представителей и представляемыхъ. Но вѣдь на раннихъ стадіяхъ конституціонализма и на практикѣ нѣтъ такой рѣзкой грани, какая въ дальнѣйшемъ начинаетъ проводиться между народнымъ представительствомъ и народной массой: еще въ XVII-мъ столѣтіи въ С. Американскихъ колоніяхъ можно наблюдать совмѣщеніе начала представительства и личнаго участія въ народномъ собраніи[1]. Съ другой стороны, формула: парламентъ-нація свидѣтельствуетъ о наличности гармоніи интересовъ между представителями и представляемыми. Мы видѣли, что сэръ Роджеръ Твисденъ оторванность парламента отъ націи считаетъ нововведеніемъ и, къ тому же, нововведеніемъ, заслуживающимъ всяческаго порицанія (109-110). Подобная оторванность стала, однако, ощущаться уже въ эпоху Долгаго Парламента — сначала людьми, подобно Твисдену, полагавшими, что парламентъ идетъ слишкомъ далеко, а потомъ и тѣми, въ глазахъ кого парламентъ шелъ не достаточно далеко. Характерно, что Паркеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія отождествленія парламента и націи, но признаетъ уже возможность конфликтовъ между ними, «хотя и очень немногихъ и незначительныхъ» (98): то, что нерѣшительно высказывается имъ въ 1645 г., гораздо рѣзче стало ощущаться нѣсколько позже, когда парламентъ оказался тормазомъ на пути къ избирательной реформѣ и былъ, наконецъ, разогнанъ Кромвелемъ. — Формула: парламентъ-нація, парламентъ-королевство не помѣшала расчлененію содержанья, которое ею охватывалось. Особое положеніе въ парламентѣ у общинъ: лишь въ ихъ лицѣ присутствуютъ въ парламентѣ «всѣ»; лишь

[1]) Мимоходомъ я касался этого пункта въ своей работѣ: Kusnetzow, Das Zweikammersystem in Nordamerika im 17. und 18. Jahrhundert, 1906 (Heidelb. Diss).

у нихъ представительство страны. Что же касается лордовъ, то они говорятъ и дѣйствуютъ лишь за самихъ себя[1]. Это отмѣчаетъ и Джонъ Гукеръ (38), и Холль (53), причемъ первый дѣлаетъ отсюда революціонный выводъ; если лорды мѣшаютъ дѣйствіямъ короля и общинъ, то можно обойтись и безъ нихъ.—Каковъ, однако, характеръ представительства у общинъ? Представляютъ ли отдѣльные члены всю націю или же узкую группу своихъ избирателей, свое графство, свой городъ? Было высказано мнѣніе, что взглядъ на депутата какъ представителя всей страны свойственъ «идеологіи той эпохи, когда еще только складывалось современное конституціонное государство» (В. Устиновъ, Теорія народнаго представительства, Право № 19, 1912 г.), Въ Англіи этотъ взглядъ можно констатировать въ XVI-мъ вѣкѣ (ibid.). Получается впечатлѣніе, что идея «универсальнаго представительства» настолько проста, что она уже доступна раннимъ стадіямъ конституціонализма. Въ дѣйствительности, однако, понятіе отрѣшонности депутата отъ избирательнаго округа предполагаетъ уже длинное конституціонное прошлое и большую утонченность политической идеологіи. Съ другой стороны, это понятіе не вправѣ претендовать на исключительную монополію по отношенію къ «современному государству»: Америка вовсе не пошла по пути, какой усвоилъ англійскій конституціонализмъ, и связь депутата съ территоріальнымъ округомъ сохранилась до нашихъ дней[2]. Здѣсь не мѣсто касаться вопроса о томъ, какъ случилось, что въ Англіи территоріальныя ограниченія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ представителямъ отъ городовъ, оказались въ значительной мѣрѣ утратившими силу: отмѣтимъ лишь, что, если Джонъ Гукеръ продолжаетъ требовать отъ членовъ палаты условія «осѣдлости» въ предѣлахъ избирательнаго округа, то этимъ онъ только подчеркиваетъ нежелательность тѣхъ перемѣнъ, какія внесла сюда жизнь (29-30). Тѣсно связанный съ муниципальной дѣятельностью, онъ

[1]) Очень любопытныя данныя о постепенномъ лишеніи палаты лордовъ характера представительнаго органа и о концентраціи представительства въ рукахъ общинъ даетъ S. Sussmann. Das Budget-Privileg des Hauses der Gemeinen, 1909.

[2]) Ср. G. Jellinek. Das Wahlrecht in den Vereinigten Staaten, Ausg. Schriften und Reden, vol. II. p. 392-93.

считаетъ, очевидно, что отсутствіе «мѣстныхъ» людей въ парламентѣ неблагопріятно отражается на представительствѣ мѣстныхъ интересовъ.—Наоборотъ, внѣ спора другой пунктъ: свобода членовъ палаты отъ обязательныхъ инструкцій. Ни у одного изъ разсмотрѣнныхъ нами писателей о ней нѣтъ упоминанья. Лишь Твисденъ говоритъ о «полной довѣренности» (101), которую получаютъ представители отъ избирателей, но вѣдь онъ на особомъ положеніи: выступаетъ уже какъ критикъ современныхъ ему парламентскихъ учрежденій и настаиваетъ на необходимости возвращенья къ прежнимъ порядкамъ.—Ослабленье территоріальной связи, отсутствіе или незначительная роль обязательныхъ инструкцій можетъ послужить почвой для возникновенія идеи о томъ, что каждымъ депутатомъ представлена вся страна, но люди способны обойтись и безъ этой идеи. Разумѣется, сэръ Эдуардъ Кокъ можетъ говорить, что каждый членъ палаты общинъ присутствуетъ въ послѣдней для службы всему королевству («his attendance is for the service of the whole realme»), но вѣдь онъ и о лордахъ утверждаетъ то же («their service in parliament is for the whole realme»). Понятіе «службы» не носитъ т. о. характера «представительства»: вѣдь лорды не представляютъ никого, и служатъ тѣмъ не менѣе всему королевству. Но развѣ съ самаго начала участіе въ парламентѣ хотя бы и мѣстныхъ людей, и связанныхъ, къ тому же, инструкціей со стороны избирателей, не было службой обще-государственной? XVI-ый вѣкъ не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи какого либо открытія: новизна заключалась лишь въ томъ, что эта «служба» перестала ощущаться какъ тяжкая повинность, а стала разсматриваться какъ цѣнная привилегія (хотя бы и въ томъ смыслѣ, чтобы съ выгодой уступить ее заѣзжему лондонскому юристу или мѣстному земельному магнату).—Общины представляютъ народъ, лорды самихъ себя, но этими элементами не исчерпывается составъ парламента: частью этого органа оказался и король. Тутъ нужно различать теорію и практику. На практикѣ, картина средневѣкового короля, окруженнаго духовными и свѣтскими лордами, «держащаго свой парламентъ», выслушивающаго челобитья общинъ, отошла къ XVI-му вѣку въ

область исторіи. Конечно, Генрихъ VIII-ой заглядываетъ еще, помимо оффиціальныхъ моментовъ, въ зданіе парламента, но это едва ли разсматривается какъ конституціонный прецедентъ, и когда въ XVII-мъ столѣтіи Яковъ I-ый пытается вступить въ болѣе тѣсное соприкосновеніе со своими общинами, то онъ дѣлаетъ это внѣ парламента, путемъ частныхъ конференцій. Фактически отдѣляясь отъ парламента, король не становится отъ него дальше въ глазахъ теоріи, если вообще тутъ можетъ итти рѣчь о теоріи, какъ противоположности безъискуственному, инстинктомъ добытому понятію. «Король въ парламентѣ» оказывается занимающимъ тамъ опредѣленное положеніе: онъ —составная часть парламента, его треть, одно изъ трехъ сословій, чиновъ (estate). Вѣдь мыслить короля внѣ парламента, значило бы исключить его отъ участія въ органѣ, который является сѣдалищемъ верховнаго авторитета въ государствѣ: лишь здѣсь король можетъ сдѣлать все «кромѣ чуда» (Уильямъ Сесиль, 109[2]). Но въ то же время не мыслить его равнымъ участникомъ въ парламентскомъ суверенитетѣ на ряду съ лордами и общинами значило бы не признать самостоятельности этихъ двухъ чиновъ.—Теорія парламентскаго тріединства своеобразнымъ образомъ переплетается съ теоріей столь распространенной во вторую половину XVI-го вѣка: съ теоріей смѣшаннаго государства. Англія есть образецъ подобнаго политическаго строя: вѣдь ея верховный органъ представляетъ изъ себя смѣсь трехъ элементовъ: монархическаго, аристократическаго и демократическаго (137). Англія есть смѣшанное государство, потому что ея парламентъ есть смѣшанный органъ. Въ какой то клубокъ сплелись понятія: парламентъ, государство, нація, и не разберешь, гдѣ начинается одно, а гдѣ кончается другое, людямъ же XVI-го вѣка все такъ ясно! Мы видѣли, что теорія смѣшаннаго государства, хотя бы ее и раздѣляли одни представители англиканства (Эймеръ), оказывается непріемлемой въ глазахъ другихъ (Уитгифтъ) какъ замаскированный путь къ народоправству. Ополчаясь противъ «смѣшаннаго государства», люди оставляли еще въ покоѣ понятіе присутствія короля въ парламентѣ, но уже нарушали равновѣсіе элементовъ парламентскаго тріедин-

ства. Англія есть монархія, потому что въ парламентѣ окончательное рѣшеніе и санкція зависитъ отъ монарха (144). Въ XVII-мъ столѣтіи критика пойдетъ дальше: въ глазахъ монархистовъ говорить объ «актахъ парламента» значитъ давать ложное представленіе, будто парламентъ какъ цѣлое, а не единолично король, является истиннымъ законодателемъ. Мы видѣли какъ Доддриджъ проводитъ по отношенію къ законамъ рѣзкую грань между установленіемъ содержанья и сообщеньемъ формальной силы: лишь первое въ рукахъ парламента. Къ тому же, въ соотвѣтствіи съ желаніемъ Якова, авторъ готовъ назвать парламентомъ лишь палату лордовъ (63). Но старая теорія продолжаетъ жить въ умахъ націи, и Твисденъ напрасно пытается опровергнуть убѣжденье «многихъ», «твердо» стоявшихъ за то, что король есть часть парламента, указаньемъ на противоестественность мыслить единоличное лицо какъ «ordo hominum» (107). Къ тому же и онъ самъ призналъ короля входящимъ въ составъ парламента (108).—Если парламентъ является верховнымъ органомъ, гдѣ объединены всѣ три государственные чина, органомъ, гдѣ наглядно выражено государственное единство, то неудивительно, что идея раздѣленія властей оказывается совершенно чуждой англійскимъ понятіямъ: не на принципѣ раздѣленія, а наоборотъ смѣшенія властей, «совмѣстности властвованія» (чтобы употребить терминъ Коркунова) построена та схема, которую дастъ Хантонъ. Въ то же время ему ясно различіе видовъ государственной дѣятельности: законъ противополагается имъ акту управленія (89). Послѣдній совершается въ согласіи съ дѣйствующими нормами права. Любопытно, что Эліотъ власть правительственную связываетъ правомъ лишь поскольку дѣло идетъ о правоохранительной сторонѣ ея дѣятельности: тамъ же гдѣ она выступаетъ въ роли культурно-охранительной, въ руководство ей даны не твердыя правовыя нормы, а принципы полезности (74). Гдѣ, однако, власть судебная? У Эліота власть правоохранительная и есть власть судебная. На той же точкѣ зрѣнія отнесенія суда въ сферу правительственной дѣятельности стоитъ и Хантонъ, но онъ категорически требуетъ, чтобы судъ могъ твориться лишь въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя

установлены актомъ парламента (89). Судъ все еще судъ королевскій, но когда Яковъ пытается эту формулу наполнить реальнымъ содержаніемъ онъ встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ: принципъ судебной независимости слишкомъ вошелъ въ плоть и кровь націи. Въ этомъ отношеніи крайне характерно, что именно въ понятіи «судъ» парламентъ начинаетъ искать твердаго правового базиса, независимости отъ короля—не какъ мыслимой части парламента, а какъ реальной силы. Конечно, могутъ сказать, что парламентъ въ смыслѣ термина «court» никогда и не переставалъ быть «судомъ» и при этомъ «Высшимъ Судомъ»: «High Court of Parliament». Но въ тѣхъ претензіяхъ, какія начинаютъ заявляться съ конца XVI-го вѣка, есть нѣчто иное, нежели только повтореніе старой неопредѣленной формулы: парламентъ или вѣрнѣй палата общинъ начинаетъ употреблять понятіе «судъ» уже въ специфически судейскомъ смыслѣ, по аналогіи съ Вестминстерскимъ судомъ. Пусть послѣдній оказывается «низшей инстанціей» по отношенію къ Верховному Суду Парламента, но изъ этого не слѣдуетъ, что высшей инстанціи нечѣму поучиться у низшей. Дѣло не только въ позаимствованіяхъ «процессуальнаго» характера: главное то, что помѣстивъ себя во главѣ судебной лѣстницы, парламентъ придалъ своему положенію устойчивость и опредѣленность. «Собраніе» чиновъ входитъ въ цѣпь правительственныхъ учрежденій, а какое изъ нихъ можетъ быть почетнѣй, нежели верховный судъ? Немалый престижъ долженъ быть у суда, если народное представительство именно по аналогіи съ нимъ построяетъ свой юридическій status! Эта борьба за «Organschaft», которую вынесла на своихъ плечахъ палата общинъ съ ясностью выступаетъ изъ такихъ источниковъ какъ парламентскіе журналы, дневники коммонеровъ: политическая литература даетъ лишь отдѣльные, хотя и характерные, штрихи. Мы видѣли какъ у Гукера понятіе парламентскихъ рѣшеній получаетъ оттѣнокъ «судебности»: членамъ парламента рекомендуется, вынося рѣшенье, сидѣть, какъ сидятъ судьи, когда они выносятъ свой приговоръ (37). Если палата прерываетъ засѣданія, то спикеръ съ нѣсколькими членами все же въ нее заглядываетъ: иначе пре-

рвется теченіе «сессіи» (45). Дѣйствія палаты должны носить окончательный характеръ (55). Низшіе суды учреждены для мелкихъ дѣлъ, а парламентъ для важнѣйшихъ (154[1]).—Но у парламента роль многограна: онъ не только верховный судъ, онъ, кромѣ того «королевскій совѣтъ». Именно на это указываетъ спикеръ въ приводимомъ у Ламберта обращеніи къ члену палаты, употребляющему бранныя слова: вѣдь подобное поведеніе умаляетъ честь парламента, который подаетъ совѣтъ самому королю (42). Претензіи парламента на столь высокую миссію вызываютъ, однако, рѣзкій отпоръ у монархистовъ: мы видѣли, какими смѣшными кажутся Доддриджу скудоумный представитель отъ мелкаго городка или зеленый дворянчикъ, пролѣзшій въ парламентъ изъ-за связей отца, когда они «серьезно» смотрятъ на себя какъ на членовъ Великаго Королевскаго Совѣта (61-62). Доддриджъ очень интересенъ своими выпадами противъ стремленій парламента сдѣлаться «учрежденіемъ»: онъ пытается использовать понятіе парламента-націи и сдѣлать выводъ, что если внѣ парламента народная масса («multitude») состоитъ изъ королевскихъ подданныхъ, то и внутри его она не получаетъ никакихъ спеціальныхъ правъ, вродѣ свободы рѣчи. У народныхъ представителей нѣтъ никакого особаго положенія, какое снимало бы съ нихъ узы подданства (66). Но парламентъ въ отстаиваніи своихъ привилегій идетъ разными путями: если не какъ за представителями націи, то какъ за членами Высшаго Суда король обязанъ признать ихъ «свободы», вѣдь безъ послѣднихъ какъ имъ «судить» важнѣйшія дѣла королевства?

Конфликты между королемъ и парламентомъ происходили и въ XVI вѣкѣ: не только при Елизаветѣ, но и при Генрихѣ VIII-омъ, но въ этихъ конфликтахъ не было оттѣнка принципіальной противоположности позицій, какой хотѣлъ придать своимъ расхожденіямъ съ парламентомъ Яковъ I-ый: послѣдній не видѣлъ возможности примирить монархію съ демократіей, а вѣдь парламентъ, себѣ же на гибель, идетъ, по мнѣнію короля (193), именно въ сторону демократіи. Король и народные представители оказывались т. о. носителями двухъ противоположныхъ началъ, стоявшихъ другъ у друга на пути.

Не нахожденіе длительнаго modus-a vivendi, а взаимное уничтоженіе у нихъ въ перспективѣ. Но Яковъ оказался плохимъ пророкомъ, и традиціонныя государственно-правовыя формулы Англіи обнаружили достаточную гибкость, чтобы вмѣстить въ себѣ новое содержаніе: демократическую монархію.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

Вып. 4-й. *П. Шмидтъ.* Судьба Фанъ дэ. Повѣсть изъ сборника Цзинь-гу ци-гуань. *Ч. I.* Оригинальный текстъ и переводъ его на разговорный языкъ. Влд. 1909. IV; 60; 060; IV стр. *Ц. 1 р. 25 к.* **ТОМЪ 30.** *Г. Ц. Цыбиковъ.* Лам-рим чэн-по. (Степени пути къ блаженству). Сочиненіе Цзонхапы въ монг. и русск. перевод. *Т. I.* Низшая степень общаго пути. *Вып. I.* Монгольск. перев. Влд. 1910. 8; XLVIII; 312 стр. *Ц. 2 р. 50 к.* **Оффиц. прилож.: 1-е.** Отчетъ о состояніи и дѣятельности Вост. Ин-та за 1908 годъ. Влд. 1909. IV; 100; XL стр. *Ц. 1 р.*—**2-е.** Протоколы засѣд. Конф. Вост. Ин-та за 1908—09 ак. г. Влд. 1909. II; V; 114 стр. *Ц. 85 к.*

11-й годъ изданія. 1909—10 акад. годъ.

Т.т. XXXI—XXXV, съ оффиціальными приложеніями. Изъ нихъ вышущены:

ТОМЪ XXXI, вып. 1-й. *Критика и библіографія.* Томъ I-й, вып. 1-й. № 1—12. Библіограф. замѣтки по японовѣдѣнію. *Е. Г. Спальвина.* Влд. 1909. 21 стр. *Ц. 15 к.*—**Вып. 4-й.** *Р. К. Goldenstedt.* Specimens of English. Vld. 1911. VIII; 162 стр. *Ц. 1 р.*—**ТОМЪ XXXII, вып. 1-й.** *Отчеты* оставленнаго при Вост. Ин-тѣ для приготовл. къ професс. званію по каѳедрѣ яп. словесн. *В. М. Мендрина.* Влд. 1909. 32 стр. *Ц. 25 к.*—**Вып. 2-й.** *А. В. Гребенщиковъ.* Краткій очеркъ образцовъ маньчжурской литературы. Влд. 1909. II; 62 стр. *Ц. 50 к.* - **ТОМЪ XXXIII, вып. 1-й.** Студ. *М. Мацокинъ.* Материнская филіація въ Вост. и Центр. Азіи. *Вып. 1-й.* Влд. 1910. IV; 40 стр. *Ц. 35 к.*—**Вып. 2-й.** *В. М. Мендринъ.* Исторія сёгуната въ Японіи. *Кн. I.* Тайра. Влд. 1910. XVI; 220; IV стр. *Ц. 1 р. 50 к.*—**ТОМЪ XXXIV, вып. 1-й.** *В. М. Мендринъ.* Сёрёбунъ. Анализъ японскаго эпистолярнаго стиля. Частная переписка. Въ 2-хъ ч. *Часть 1-ая.* Введеніе и японскій текстъ. Влд. 1910. VIII; 68; 128; IV стр. *Ц. 1 р. 75 к.*—**Вып. 2-й.** *Е. Спальвинъ.* Практическіе японскіе разговоры. *Ч. II-я. (Вып. 2-й).* Іероглиф. указ. Влд. 1910. 20; 2; 138; 16 стр. *Ц. 1 р.*—**ТОМЪ XXXV, вып. 2-й.** *Е. Спальвинъ.* Японская армія. *Ч. II-я. (Вып. 2-й).* Іероглиф. указ. Влд. 1910. 20; 2; 60; 8 стр. *Ц. 50 к.*—**Оффиц. прилож.: 1-е.** Отчетъ о состояніи Вост. Ин-та за 1909 годъ съ историч. очеркомъ его десятилѣтней дѣятельности. Влд. 1910. II; II; 126 стр. *Ц. 1 р.*—**2-ое.** Протоколы засѣд. Конфер. Вост. Ин-та за 1909—10 ак. г. Влд. 1910. II; VI; 152; 64; IV; 36 стр. *Ц. 2 р.*

12-й годъ изданія. 1910—11 акад. годъ.

Т.т. XXXVI—XL, съ оффиціальными приложеніями. Изъ нихъ вышущены:

ТОМЪ XXXVI, вып. 1-й. *В. М. Мендринъ.* Исторія сёгуната въ Японіи. *II.* Минамото. I. Влд. 1911. XII; 103 стр. *Ц. 70 к.*—**Вып. 2-й.** *Студ. Н. Мацокинъ.* Материнская филіація въ Восточной и Центр. Азіи. *Вып. 2-й.* Влд. 1911. IV; VI; 147 стр. *Ц. 1 р. 40 к.*—**ТОМЪ XXXVII, вып. 1-й.** *Д. А. Давидовъ.* Колонизація Маньчжуріи и С.-В. Монголіи. Влд. 1911. VIII; 187 стр. *Ц. 1 р. 75 к.*—**Вып. 2-й.** *П. М. Николаенко.* Матеріалы по коммерч. образованію въ Японіи. (По японск. источн.). Влд. 1911. VIII; 92 стр. *Ц. 75 к.* **Оффиц. прилож.: 2-е.** Протоколы засѣд. Конфер. Восточнаго Института за 1910—11 ак. г. Влд. 1913. II; V; 138; 10 стр. *Ц. 1 р. 25 к.*

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

издаются въ количествѣ 5 томовъ въ теченіе академическаго года, выпускаемыхъ по мѣрѣ напечатанія матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой во Владивостокѣ—*6 руб.*
съ пересылкой въ другіе города—*8 руб.*

Подписка принимается въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ городѣ Владивостокѣ, Приморской области.

14-й годъ изданія. 1912—1913 акад. годъ.

Т.т. XLVI—L, съ оффиціальными приложеніями. Изъ нихъ выпущенъ:

ТОМЪ 46. К. А. Кузнецовъ. Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи (XV—XVII в.). Владивостокъ. 1913. II; VI; 213 стр. Ц. 1 р. 50 к.

13-й годъ изданія. 1911—1912 акад. годъ.

Т. т. XLI—XLV съ оффиціальными приложеніями. Изъ нихъ выпущены:

ТОМЫ 41—43. Н. В. Кюнеръ. Статистико-географическій и экономическій очеркъ Кореи, нынѣ японскаго генералъ-губернаторства Цiōсенъ. Выпускъ I. Часть I. Статистико-географическій очеркъ Кореи. Часть II. Экономическій очеркъ Кореи. Отдѣлъ I. Сельское хозяйство. Владивостокъ. 1912. VI; XXX; 656; 032 стр. Ц. 5 р.

ТОМЪ 45, ВЫП. 1-й. А. В. Гребенщиковъ. Маньчжуры, ихъ языкъ и письменность. Съ приложеніемъ цинкографической и фото-литографической таблицъ. Владивостокъ. 1912. IV; 72 стр. Ц. 1 р.

Печатаются и войдутъ

въ составъ 11-го, 12-го, 13-го и 14-го годовъ изданія:

А. В. Рудаковъ. Собраніе новѣйшихъ оффиціальныхъ бумагъ и государственныхъ актовъ на китайскомъ языкѣ.

А. В. Рудаковъ. Торговый бытъ Китая.

Е. Г. Спальвинъ. Конфуціанскія идеи въ этическомъ ученіи японскаго народа.

Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по. *Вып. II.* Русскій переводъ.

А. В. Гребенщиковъ. Современное изученіе маньчжурскаго языка въ Китаѣ.

Р. К. Goldenstedt. Specimens of English.

В. М. Мендринъ. Исторія сіōгуната въ Японіи. *Книга III.* Минамото. II.

В. М. Мендринъ. Исторія сіōгуната въ Японіи: *Книга IV.* Хōдзіō.

В. М. Мендринъ. Сōробунъ. Анализъ японскаго эпистолярнаго стиля. Частная переписка. *Часть 2-ая.* Объяснительная часть.

Студ. С. Полевой. Періодическая печать въ Китаѣ.

Складъ изданій въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Комиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Otto Harrassowitz, Leipzig. Списки изданій высылаются безплатно.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Художественно-Переплетная
Футлярно-Рамочная
МАСТЕРСКАЯ
и
Брошюровочное заведение
„Общественная польза"
В. В. Мурашева.
МОСКВА,
Зубовская пл., д. [illegible]
Коретова.

5. T. p. 14.